

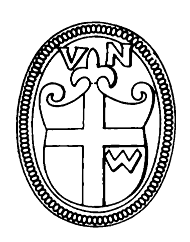
МИХАЛОН ЛИТВИН

О НРАВАХ ТАТАР, ЛИТОВЦЕВ И МОСКВИТЯН

VN
W

MICHALONIS LITVANI

DE MORIBVS TARTARORVM, LITVANORVM ET MOSCHORVM, FRAGMINA X.

multiplici Historia referta.

ET,

IOHAN. LASICII POLONI

DE DIIS SAMAGITARVM, CÆTERORVMQ. SARMATARVM, ET FALSORVM CHRISTIANORVM,

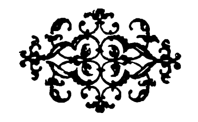
Item

DE RELIGIONE ARMENIORVM.
Et de initio Regiminis Stephani Batorij.

Nunc primùm per

I. IAC. GRASSERVM, C. P.

ex Manuscripto Authentico edita.

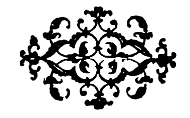
BASILEÆ,
Apud CONRADVM WALDKIRCHIVM.
M DC. XV.

МИХАЛОН ЛИТВИН

О НРАВАХ ТАТАР, ЛИТОВЦЕВ И МОСКВИТЯН

Издательство Московского университета
1994

ББК 84(04)
Л64

Перевод В. И. Матузовой. Вступительная статья М. В. Дмитриева, И. П. Старостиной, А. Л. Хорошкевич. Комментарии С. В. Думина, Ю. А. Мыцыка, И. П. Старостиной, М. А. Усманова, А. Л. Хорошкевич

Рецензент:
доктор исторических наук, профессор |*А. К. Леонтьев*|

Ответственный редактор
доктор исторических наук *А. Л. Хорошкевич*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Михалон Литвин.

Л64 О нравах татар, литовцев и москвитян / Перевод В. И. Матузовой. Отв. ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Изд-во МГУ, 1994. — 151 с.

ISBN 5-211-02610-1

Трактат, написанный секретарем польского короля Сигизмунда II Августа, дипломатом и литовским гуманистом Венцеславом Миколаевичем, пронизан тревогой за судьбы Литвы. Автор предлагает многочисленные реформы в области судопроизводства, культуры и быта по образцу идеализируемых им порядков в Русском государстве и Крымском ханстве. Легенда о «римском происхождении» литовцев оказала сильное воздействие на формирование менталитета литовской нации.

В книге использованы в качестве заставок и концовок элементы оформления из первого издания трактата (1615 г.).

Для широкого круга читателей.

Л $\frac{4700000000-017}{077(02)-94}$ 130—93 **ББК 84(04)**

ISBN 5-211-02610-1

Предисловие

Трактат Михалона Литвина входит в серию иностранных записок о Руси и России, выпускаемой издательством Московского университета как продолжение другой, прерванной в 40-е годы серии «Народы СССР в записках иностранцев».

Сложился и остается неизменным тип издания — максимально комментированный текст с объяснением всех тех реалий, о которых идет речь в сочинениях иностранцев, что делает эти записки доступными для читателей любого уровня. Читателю, не имеющему специальной подготовки, сопровождающий записки «конвой» (вступительная статья, комментарий и научно-справочный аппарат) позволит правильно оценить степень информированности и объективности автора. Искушенному специалисту он может оказаться полезным для дальнейших научных изысканий. Студент обнаружит здесь применение теоретических принципов источниковедения на практике.

Трактат Михалона Литвина имеет некоторые особенности. Он не является путевыми записками или дипломатическим отчетом о миссии в Россию. Это полемическое сочинение, которое должно было прозвучать грозным предупреждением для соотечественников Литвина — политических и общественных деятелей Великого княжества Литовского. Поэтому естественны некоторые перекосы в оценке княжества и Российского царства, равно как и Крымского ханства. На долю двух последних достались панегирики, своему же отечеству Михалон Литвин, как истинный патриот, обращает массу упреков, частью и незаслуженных. Его труд — источник не столько по истории Российского царства или Крымского ханства, сколько по истории общественной мысли Литовского княжества за два десятилетия перед унией его с Короной Польской и образованием нового государства — Речи Посполитой.

Историей создания трактата и осмыслением его как источника занимались по преимуществу литовские ученые. Первое место среди них занимает М. Рочка. Авторы вступительной статьи максимально используют его наблюдения для ознакомления читающей на русском языке публики с выводами литовских коллег. Работу по переводу книги М. Рочки выполнила И. П. Старостина, благодаря которой была учтена также новейшая литература на литовском языке.

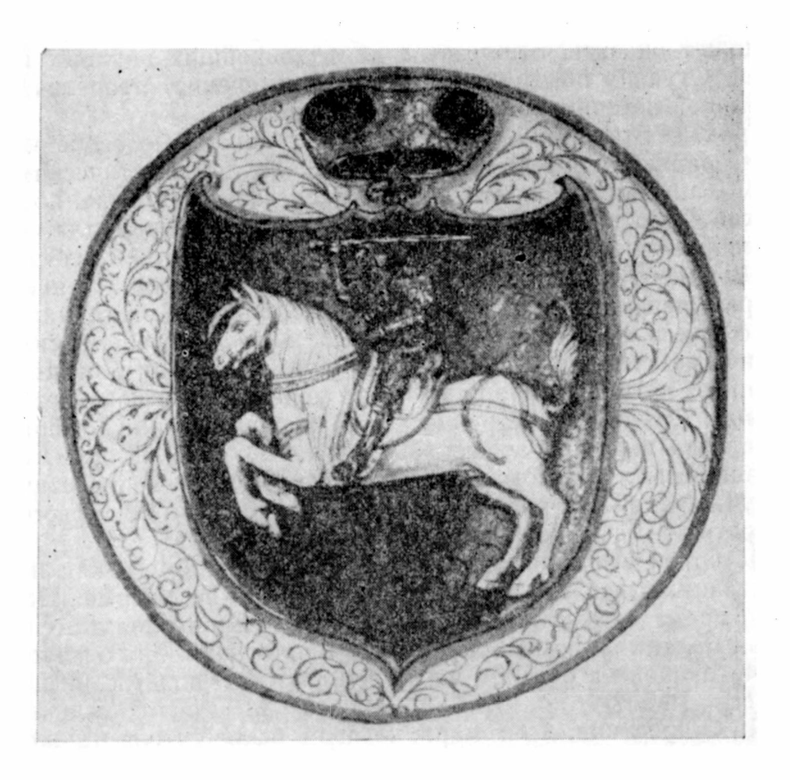
Авторы комментариев С. В. Думин, Ю. А. Мыцык, И. П. Старостина, М. А. Усманов, А. Л. Хорошкевич, обозначены в тексте соответственно инициалами С. Д., Ю. М., И. С., М. У., А. Х. Библиография составлена А. Л. Хорошкевич. Иллюстрации подобраны И. П. Старостиной и А. Л. Хорошкевич.

Творческий коллектив, подготовивший это издание, выражает признательность литовским коллегам, в первую очередь А. Василяускене. Большую помощь оказал и Э. Баненис.

А. Л. Хорошкевич

Михалон Литвин и его трактат

В 1550 г. великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду II Августу был подан трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян».

Герб Великого княжества Литовского

...Шел третий год его правления в качестве главы двух государств — Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Оба эти государства находились под угрозой потери части своих земель. Реальную опасность для Литовского княжества представляли притязания могущественного восточного соседа: Русское государство упорно претендовало на террито-

рии, входившие в состав Древней Руси, такие, как Киев, Полоцк, Витебск. Отношения с Россией регулировались уже в течение полустолетия лишь силой оружия да периодически возобновляемыми временными соглашениями. В 1549 г. истекал срок предшествующего семилетнего перемирия. Однако ни одно из соглашений не решило территориальных споров, как не сделали этого и переговоры 1536—1537 гг., завершившие так называемую «стародубскую» войну. Вопрос о владении русскими городами по-прежнему оставался камнем преткновения. На переговорах бояре М. Ю. Захарьин и И. Ю. Шигона-Поджогин убеждали литовских послов: «Ведаете, из начала чья то отчина, и куды прислухали Киев и иные городы; из начала то государя нашего отчина». Литовская сторона в свою очередь требовала, «чтоб государь ваш поступился господарю нашему Великого Новагорода и Пскова», утверждая, что эти города «изначала отчина их господарей» [1].

Отношения между Литовским княжеством и Русским государством усугублялись еще и тем, что вплоть до времени написания трактата и даже позже глава Литовского государства и Польского королевства не признавал права Ивана IV на царский титул, который тот принял еще в 1547 г. А это грозило будущими осложнениями, как дипломатическими, так и военными, которые впоследствии подтолкнули к объединению Корону Польскую и Великое княжество Литовское в единое государство — Речь Посполитую, что произошло в 1569 г. Страну раздирали и внутренние противоречия. Утверждение фольварочной системы привело к обострению отношений между магнатами и шляхтой. В руках первых фактически находилось все судопроизводство, что вызвало неудовольствие широкой массы шляхтичей. Не удовлетворяла их и система военной службы. На перепутье находилось развитие литовской культуры. С одной стороны, сюда, как и в Корону Польскую, доходили веяния Возрождения, с другой — по-прежнему прочны были традиции язычества. Гуманистически образованная верхушка феодалов и великокняжеской бюрократии тонула в массе сельских жителей, упорно сопротивлявшихся христианизации и ревниво оберегавших религию предков. Сам король Сигизмунд II Август был ренессансно образованным человеком. Зная о его любви к книгам, ему посвящали и посылали свои сочинения и З. Кальвин [2], и известные польские публицисты С. Ожеховский (1513—1566 гг.), и А. Фрич-Моджевский (ок. 1503—1572 гг.). С. Ожеховский, стремясь укрепить пропольские и прокатолические настроения короля и будучи недругом литовцев, посвятил королю в 1549 г. свой труд «Верноподданный или две книги о королевской власти Сигизмунду Августу» [3]. В нем он призывал короля

[1] Сб. РИО. Т. 59. Спб., 1887. № 6. С. 74, 75, 79.

[2] Calvin Z. Commentarii in Epistolam ad Hebraeos. Genevae, 1549.

[3] Orichovius [Orzechowski] S. Fidelis subditus, sive De institutione regia ad Sigismundum Augustum libri duo. Cracoviae, 1584.

опираться на шляхту, а не на магнатов, уважать католическую церковь, организовать защиту государства от татарских нападений и с этой целью направиться не в Литву, а в русские земли. Попытался он вмешаться и в личную жизнь молодого короля, которого отговаривал от брака с представительницей древнего аристократического литовского рода Барбарой Радзивилл. Еще ранее после смерти Сигизмунда I Старого он вместе с погребальной речью распространил памфлет против Барбары и Радзивиллов, чем доставил Сигизмунду II и Радзивиллам не-

Сигизмунд II Август (1548—1573)

мало хлопот[4]. Король, приняв рукопись, похвалил Ожеховского, но надежды автора на публикацию его сочинения не сбылись. Король отнюдь не поощрял попытки разлучить его с Барбарой. Сигизмунд II поступил совершенно вопреки советам непрошеного наставника: он поехал не на Русь, но в Литву, к собственной супруге. Рукопись Ожеховского увидела свет лишь после смерти короля в 1584 г., хотя его стихи по случаю женитьбы Сигизмунда Августа в 1553 г. были приняты вполне благосклонно и напечатаны.

Антилитовские настроения польских публицистов не оставались незамеченными в Литовском княжестве. На Брестском сейме 1559 г. литовские представители во главе с Николаем Радзивиллом Черным требовали, чтобы король защитил Литву от несправедливых польских нападок, клеветы и претензий. Возмущение вызвала и содержавшая недоброжелательные по отношению к литовцам оценки хроника М. Кромера, второе издание которой было подготовлено в Базеле в 1558 г. Отпор нападкам поляков и самому Ожеховскому, в частности его сочинению 1564 г. («Quincunx»), в котором говорилось об инкорпорации Великого княжества Литовского в Польшу, давала полемическая брошюра «Разговор поляка с литвином». Таким образом, в общественной мысли Короны Польской и Великого княжества Литовского на протяжении нескольких последних перед их объединением в Речь Посполитую (1569 г.) десятилетий отмечалась борьба между литовцами и поляками.

В то же время противоречия, которые раздирали Великое княжество Литовское и определяли характер отношений страны с соседними государствами, не могли остаться без внимания его патриотично настроенных сограждан. В какой-то степени откликом на труд С. Ожеховского 1549 г. можно считать сочинение Михалона Литвина, адресованное королю. Литвин рассматривал недостатки Литовского государства, критиковал литовских панов, священников католической церкви, обвиняя их во всех внешнеполитических неудачах. Одновременно он ставил острейшие вопросы развития страны и ее грядущих судеб. Сопоставив положение, в котором оказалась его родина, с развитием соседних и южных государств, внутренняя ситуация в которых представлялась ему более благоприятной, он попытался извлечь из этого уроки для Великого княжества Литовского.

Впрочем, о содержании и направленности трактата можно судить лишь отчасти. Сочинение, написанное на латинском языке, дошло до нас не полностью — в выдержках, фрагментах. Судьба рукописи до сих пор не ясна.

---

[4] Orzechowski S. De secundo conjugio S. R. P. Augusti ad equites polonos oratio secunda. Cracoviae, 1584. Голос Ожеховского звучал не одиноко. В том же духе высказывались и П. Роизий в 1548 г., и А. Фрич-Моджевский в 1551 г.

Фрагменты трактата Михалона Литвина, объединенные в одной книге с сочинением Я. Ласицкого[5], были опубликованы в Швейцарии в городе Базеле в типографии К. Вальдкирха в 1615 г. Обе работы изданы по аутентичной рукописи, то есть оригиналу. Известный польский библиограф К. Эстрейхер считал, что трактат впервые увидел свет в Гданьске в 1609 г.[6] Однако его указание на 1609 г. ошибочно. К этому году относилось создание хроники польского историка Гербурта (Хербурта), изданной в Базеле Л. Кенигом в 1615 г. В ней-то и было указано, что к хронике приложены труды Михалона Литвина и Яна Ласицкого. Действительно, в библиотеке Краковского университета имеется экземпляр, в котором переплетены и хроника Хербурта, и труды Михалона Литвина и Яна Ласицкого. Такой же конволют есть в Британской библиотеке в Лондоне, Мюнхенской государственной библиотеке[7] (данные о таком конволюте привел Е. Залусский в 1832 г.[8]). По-видимому, отдельного издания Л. Кенига не было.

Попытка удревнить публикацию трактата Литвина и отнести его к XVI в. предпринял и А. Межиньский[9]. Свои выводы он основывал на тексте сочинения Я. Ласицкого «О богах Жемайтии» (1580 г.). В нем пересказывалась часть работы Литвина, в частности о прибытии в Литву предков литовского народа — римлян еще во времена Юлия Цезаря. Поэтому Межиньский предположил, что труд Михалона стал известен Ласицкому еще до 1580 г., и, более того, что сочинение Литвина к этому времени уже было опубликовано. Однако, как это доказал В. Манхардт, фрагмент, заимствованный из Михалона, принадлежит не Ласицкому, но Грассеру, издателю трудов Михалона и Ласицкого[10].

Не известно никакое раннее (XVI — начало XVII в.) издание «Трактата», хотя теоретически можно было бы предположить возможность первой публикации его и в типографии Краковского университета, и в Кенигсберге, и в типографии Радзивиллов в Бресте Литовском, действовавшей с 1553 г.[11]

В течение XVII в. фрагменты трактата Михалона Литвина (полностью или в усеченном виде) несколько раз переиздава-

---

[5] Michalonis Lituani De moribus tartarorum, lituanorum et moschorum fragmina X, multiplici historia referta et Johannis Lasicii Poloni De diis samagitarum, caeterorumque sarmatarum et falsorum christianorum. Item de religione armeniorum et de initio regiminis Stephani Batorii. Nunc primum per J. Jac. Grasserum, C. P. ex manuscripto authentico edita. Basillae, apud Conradum Waldkirchium, MDCXV. P. 1—41.

[6] Estreicher K. Bibliografia polska. T. 8. Kraków, 1882. S. 143.

[7] Ročka M. Mykolas Lietuvis. Vilnius, 1988. S. 11. 12.

[8] Załuski J. J. Biblioteka historików, prawników, polityków i innych autorów polskich lub o Polsce piszących. Kraków, 1832. S. 22.

[9] Mierzyński A. Jan Łasicki. Żródło do mytologii litewskiej. Kraków, 1870. S. 5—6.

[10] Mannhardt W. Letto-preussische Götterlehre. Riga, 1936. S. 342.

[11] Ročka M. Op. cit. P. 11.

лись, преимущественно в первой половине XVII в. В сборнике Эльзевиров 1626, 1627, 1630 и 1642 гг. были воспроизведены те части сочинения, в которых были изложены представления Литвина о римском происхождении литовцев, суде и правосудии в Литве, об обычаях и образе жизни татар.

Первая из этих тем вошла и в историографию XVII в. В связи с отсутствием во второй половине XVII в. археологических данных филологические экскурсы историков и этнографов были единственными доказательствами тех или иных теорий этногенеза. Историки Пруссии В. Х. Неттельхорст и К. Харткнох в 1674, 1679 и 1684 гг. либо приводили соответствующее место труда Литвина, либо пересказывали его[12]. Однако уже тогда прозвучали и первые критические замечания (М. Преториус) в адрес теории Литвина.

В опубликованных сочинениях других авторов римское происхождение литовцев сомнению не подвергалось (В. Коннор в 1769 г., Т. Нарбут в 1837 г., Й. Бендерис в 1867 г.). Последний учел и сходство некоторых верований, в том числе культ Эскулапа в Риме и Литве. На протяжении всей второй половины XVII — первой половины XVIII в. труд Михалона Литвина оставался известным лишь по изданиям Эльзевиров и извлечениям Харткноха (последними воспользовался И. Лелевель). Возрождение трактата из более чем столетнего забвения произошло благодаря усилиям А. Яблоновского, С. Мальт-Брюна, Й. Бандтке в середине XVIII — первой половине XIX в. Внимание исследователей привлекали освещенные в сочинении вопросы измерения земли, состояние права и образования в Литве[13], употребление здесь русского языка. Позднее, уже в первой половине XIX в. интерес исследователей сконцентрировался на проблемах происхождения рукописи, ее автора, путях проникновения сочинения в Швейцарию, направленности трактата и т. д.

Относительно мотивов написания трактата исследователи первоначально черпали сведения из вступления к конволюту его издателя Й. Я. Грассера. Это было посвящение кн. Октавиану Александру Пронскому, который покинул родину за много лет до 1615 г. ради путешествий по Франции, Италии и Испании и занятий в немецких университетах, в том числе и в Базеле, но после 1615 г. должен был вернуться в Речь Посполитую[14]. Й. Я. Грассер предполагал, что Пронскому, «без сомнения, придется по временам сражаться с татарами и москвитянами», в связи с чем ему полезно было бы знать «жизнь сих врагов».

---

[12] Nettelhorst V. Chr. Dissertatio historica de originibus Prussicis. Regiomonti 1674. P. 36—37; Hartknoch Ch. Selectae dissertationes historicae de variis rebus Prussicis. Francofurti et Lipsiae, 1679. P. 92—93; Idem. Alt und Neues Preussen. Francfurt und Leipzig. 1684. P. 92—98.

[13] Litwa pod względem ciwilizacyj // Biruta. Vilnius, 1837. S. 33—123.

[14] Barycz H. Z dziejów polskich wędrowek naukowych za granicę. Wrocław, 1969.

Мнение Грассера о целях издания приняли первые русские исследователи и издатели фрагментов Михалона Н. Калачов и В. Антонович, познакомившие русского читателя с этим произведением в 1854, 1864 и 1890 гг. Первый переводчик трактата на русский язык С. Д. Шестаков пользовался экземпляром издания 1615 г., полученным Московским университетом благодаря содействию И. Даниловича [15].

Правда, В. Антонович к мнению Грассера добавил и свое толкование. «Автор, — писал он, — имел в виду не столько повествование о виденном и слышанном им, сколько цель дидактическую. Очевидно, весь рассказ направлен к тому, чтобы оказать влияние на молодого короля Сигизмунда-Августа и побудить его принять меры к исправлению нравов и подъему энергии в среде литовских земян. С этой целью Михайло утрирует, с одной стороны, недостатки своих сограждан, с другой — добродетели соседей, причем нередко впадает в противоречие как с самим собою, так и с другими историческими свидетельствами» [16]. В 1914 г. В. Н. Бочкаревым была высказана другая точка зрения на цель произведения: Литвин «...хотел осветить вопрос... с той стороны, на которую обращали наибольшее внимание представители господствующей в Западной Европе церкви» [17].

Первые попытки открыть имя автора, сделанные в середине XIX в., были довольно поверхностными. Так Ю. Ярошевич полагал, что трактат мог написать один из комиссаров, посланных по постановлению Брестского сейма (после 1544 г.) для проверки замков Литвы и Украины [18]. Версия Ярошевича получила распространение как в польской, так и в литовской исто-

---

[15] Литвин М. Десять отрывков разнообразного исторического содержания (из сочинения) Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» / Пер. С. Д. Шестакова // 1) Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1854. Кн. 2. Отд. 5. С. I—VIII, 1—78; 2) Вестник Юго-Западной и Западной России. Т. III. Киев. Февраль 1864, С. 23—30; март 1864. С. 39—50; Литвин М. О нравах татар, литовцев и московитян. Отрывки 1—10 / Пер. К. Мельник. Предисл. и ред. В. Б. Антоновича // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1: XVI в. Киев, 1890. С. 6—58. См. также статью В. Б. Антоновича (Антонович В. Б. Извлечение из сочинения Михайлы Литвина (1550 г.) // Там же. С. 1—6). Отрывки из фрагментов Михалона Литвина были включены также в хрестоматии: Бочкарев В. Н. Московское государство XV—XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. Спб., 1914. С. 28; [Описание Киева]. Известия очевидцев, современников и иностранных писателей // Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Издан Временною комиссиею для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1874. Отд. 2. № 6. С. 10—11; Lietuvis Mykolas. Apie totoriu, lietuviu ir maskvénu papročius. Vilnius, 1966. («U» — носовая передается буквой «*u*».)

[16] Антонович В. Б. Указ соч. С. 5—6.

[17] Бочкарев В. Н. Указ соч. С. 7.

[18] Jaroszewicz J. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji od czasów najdawniejszych do kónca wieku XVIII. Wilno, 1844. Cz. 2. S. 293.

риографии[19]. С. Даукантас, основываясь на встречающихся в актовых документах замене имен Михайло — Мингайло («Minigailo alias Michal»), считал, что писателя звали Мингайлой[20]. Эту версию принял и А. Межинский[21].

Первый издатель трактата Михалона Литвина на русском языке Н. Калачов предположил, что Михалон как литовец имел два имени: литовское («туземное») и христианское (иностранное) (оно-то и было Михалон)[22].

Более подробно вопрос об авторстве трактата рассмотрели К. Мельник и известный историк Литвы В. Антонович, предпринявшие второе издание на русском языке труда Михалона[23] Исходя из посылки, что имя автора Михаил, они попытались найти общественного деятеля ВКЛ середины XVI в. с таким именем, который мог бы быть автором этого труда. Обратив внимание на сообщение о дипломатической миссии в Крым и найдя среди других послов Михаила Тышкевича, ездившего в Крым в 1538 г., издатели приписали авторство ему. Именно это посольство по хронологии наиболее близко подходило ко времени составления трактата. Эта версия укрепилась[24] и в дальнейшем получила распространение. Гипотеза об авторстве Тышкевича была подкреплена авторитетом М. К. Любавского, поддержавшего и развившего ее в 1929 г., хотя и без ссылки на своих предшественников[25]. В течение последующего полувека других гипотез не выдвигалось[26], несмотря на резкую критику версии об авторстве М. Тышкевича со стороны И. И. Лаппо. Последний отметил явное несовпадение с текстом отдельных

---

[19] Wiszniewski M. Historja literatury polskiej. Kraków, 1845. T. 7. S. 540—541. Ср.: Bevardis V., Matulionis P. Kas mus gaišino // Lietuviškasis balsas. 1888. Rawita Gawroński F. Kijów: Legendy, podania, dzieje. Kijów, Warszawa, 1915. S. 126.

[20] Laukys J. [Daukantas S.] Būdas senovės lietuviu kalnėnu ir žemajčiu. Peterburgas, 1845. P. 234. Примеры подобных замен привел Рочка (указ соч. С. 28, сн. 37); Boniecki A. Poczet rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. S. 183; Vijuk-Kojalowicz A. Historiae Lituanae pars prior. Dantisci, 1650. P. 67.

[21] Mierzyński A. Op. cit. S. 7, 80.

[22] См.: Литвин М. Десять отрывков... С. 77.

[23] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. С. 5—6.

[24] Puryckis J. Die Glaubenspaltung in Litauen im XVI. Jahrhundert bis zur Ankunft der Jesuiten im Jahre 1569. Freiburg, 1919. S. 40, 54, 64. Автор — католический священник отметил, что Литвин был глубоко верующим человеком.

[25] См.: Любавский М. К. Кто был Михайло Литвин, написавший в первой половине XVI в. трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян» // Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук: Учен. зап. Ин-та истории. Т. IV. М., 1929. С. 49—54; Ср.: он же. Литовско-русский сейм. М., 1901. С. 426, 436. Прим. 24, 746. Приложения. С. 88, 97, 263.

[26] Lietuviu literatūros istorija. T. I. Vilnius. 1957. S. 83—88; Mykolas Lietuvis // Lietuviu enciklopedija. T. XVIII. Boston, 1959. S. 439 n; Mažoji lietuviškoji tarybinė enciklopedija. T. II. Vilnius, 1968. S. 590; Голенищев-Кутузов И. Н. Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). М., 1963. С. 23—24.

характеристик личности автора и предполагаемого кандидата (литовец, воспринявший идеи реформации католик и православный славянин). Он, зная о гипотезе Калачова, указал на возможное соответствие латинского имени Михайла и литовского Миколас. Однако реального лица со сходной биографией, гордящегося высоким происхождением своей родины и обладавшего комплексом информации автора, Лаппо не нашел[27]. В 1929 г. к предположению о Литвине Тышкевиче пришел и Й. Ионинас в процессе подготовки трактата к изданию на литовском языке. Публикация была осуществлена лишь в 1966 г., после смерти Ионинаса. Задержка в публикации была вызвана сомнениями в правильности гипотезы, усилившимися после появления работы Лаппо[28]. Ионинас высказывал свою точку зрения и в частных разговорах, и на научной конференции, проходившей на историко-филологическом факультете Вильнюсского университета 27 мая 1948 г. Тем временем К. Яблонскис предложил иную версию авторства, которая, не будучи опубликованной, тем не менее стала известна Ионинасу. Яблонскис считал, что трактат мог написать основатель местечка Гринкишки Микифор Гринько Ловейкович по прозвищу Михайло[29]. Еще один литовский исследователь, Ю. М. Юргинис, первоначально принимал точку зрения Любавского[30]. Параллельно с литовскими исследователями вопрос об авторстве трактата рассматривали и белорусские ученые, отчасти повторявшие выводы М. К. Любавского, отчасти развивавшие их: Михалон Литвин — православный славянин, представитель гуманистической мысли Белоруссии[31].

Разгадка, на наш взгляд, вполне убедительная, вопроса об авторстве трактата была предложена польским историком Е. Охманьским[32]. На основании комплекса признаков, характеризующих автора (национальность, вероисповедание, социальное и имущественное положение, непосредственное знакомство с описанными в трактате народами, пребывание в Крыму во время татарского похода в направлении Венгрии), а также

---

[27] См.: Лаппо И. И. Литовский статут 1588 г. Т. 1. Ч. 2. Каунас, 1936. С. 333, прим.

[28] Jonynas I. «Fragmentu» autorius // Lietuvis Mykolas. Op. cit. P. 115—123.

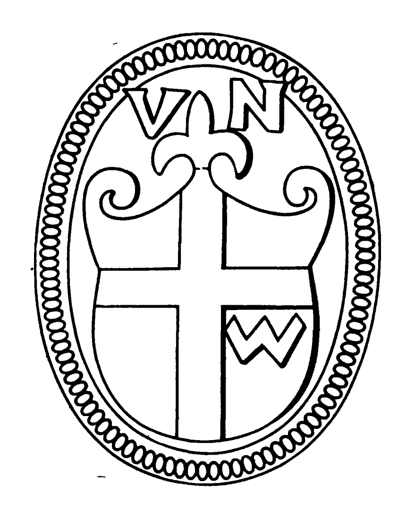
[29] Ročka M. Op. cit. P. 34.

[30] Jurginis J. Renesansas ir humanizmas Lietuvoje. Vilnius, 1965. S. 129; Idem. Mykolo Lietuvio memuarai // Jurginis J. Istorija ir poezija. Vilnius, 1969. S. 45—46, 57.

[31] См.: Сокол С. Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во второй половине XVI в. Минск, 1974. С. 35—63; он же. Идеи гуманизма в мировоззрении Михайло Тышкевича // Проблемы общественных наук. Минск, 1970.

[32] Ochmański J. Michałon Litwin i jego traktat o zwyczajach tatarów, litvinów i moskwicnów z połowy XVI w. // Kwartalnik historyczny. 1976. N 4. S. 765—783; Охманьский Е. Михалон Литвин и его трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян» середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 97—117.

сведений других источников, в том числе русских посольских книг [33], он убедительно доказал, что автором мог быть только Венцеслав (Венцлав, Вацлав) Миколаевич, живший около 1490—1560 гг., литовец по национальности, католик по вероисповеданию, латинский секретарь великокняжеской канцелярии в 1534—1542, 1547—1555 гг., в 40-е годы — староста скирстомойнский и росиенский [34]. Он был единственным католиком среди послов в Крым, который в 1543 г. мог наблюдать сборы в поход на Венгрию. Член литовского посольства к младенцу Ивану IV в 1536 г. и к первому царю России в 1556 г., Венцеслав Миколаевич сохранил сильное впечатление от служб в Успенском соборе. По переговорам в Москве в 1536 г. он мог знать не только о сооружении русской стороной крепостей Себежа, Заволочья и Велижа на землях ВКЛ, но и об отказе своего посольства от притязаний на Велиж и ограничении требований лишь разрушением Себежа и Заволочья. Венцеслав Миколаевич — один из наиболее просвещенных людей своего времени, патриот, скрыл свое имя, опасаясь нападок затронутых его кри-

Герб Венцеслава Миколаевича

Автограф Венцеслава Миколаевича

---

[33] Сб. РИО. Т. 59. № 6. С. 67.

[34] В 1526 г. Литвин был нотарием апостольской курии в столице княжества, писарем Ольбрахта Мартиновича Гаштольда (виленского воеводы и литовского канцлера), а в 1529 г. — земским бельским писарем.

тикой магнатов и священников. Его же владения располагались в Гедетанах, из потверждения купли на которые в 1528 г. выяснились имена его отца и деда — Миколай и Ян. На конференции в Сухуми в 1975 г. выводы Охманьского были оспорены Ю. М. Юргинисом, полагавшим, что реформацией мог быть затронут и православный, носивший, впрочем, литуанизированное имя Микайла (по аналогии с Ягайлой, Скиргайлой и т. д.)[35]. Однако в последующей литературе точка зрения Е. Охманьского об авторе трактата получила признание[36]. Е. Охманьскому удалось исследовать и социальный и имущественный статус Михалона, объясняющий идейные позиции последнего.

Изучение вопроса об авторстве трактата продолжил М. Рочка, известный литовский филолог. Он исследовал этот вопрос в тесной связи с художественными особенностями, стилем произведения, а также в контексте современной литовской истории на фоне явлений культуры с широким привлечением польских, литовских, русских источников и литературы. Рочка указал, что художественный образ автора, созданный в этом произведении, может отличаться от подлинного. Много внимания исследователь уделил имени автора.

В историографии оно употреблялось в самых различных формах — Mykolas, Mykalojus, Mikaiunas — на литовском языке, Michal-Michalon — на польском, Михаило, Михайло — на русском, Michalo — на латыни. Разнобой в написании имени вносил известную путаницу в понимание вопроса об авторе трактата. Рочка вернулся к тем формам, которые представлены в самом издании 1615 г., и сопоставил их с современными — в литовском, польском, а также в латинском языках. В тексте трактата имя автора встречается в родительном падеже (в конце книги, в ее названии и в надписи над текстом) в форме Michalonis. В именительном падеже имя Michalo названо Грассером в конце первого фрагмента, во введении к труду Ласицкого «О богах Жемайтии» и во вступлении к конволюту, напечатанном Кенигом[37]. Казалось бы, такая форма должна была соответствовать распространенной в Литве форме этого

---

[35] См.: Юргинис Ю. М. Посольство Михаила Литвина у крымского хана в 1538—1540 гг. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. С. 96.

[36] См.: Батура Р. К., Пашуто В. Т. Культура Великого княжества Литовского // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 115; Gudavičius E., Ochmański J. Michalon Litwin i jego tractat o zwyczajach tatarów, litwinów i moskwicinów z polowy XVI w. // KH. 1976. R. 83. Z. 4. S. 765—783; Lietuvos istorijos metraštis. 1977 mėtai. Vilnius, 1978. P. 160—161; Rimša E. Venclovas Agripa ir jo giminė (1: Kilmė ir pirmtakai; 2: Agripu giminė) // Lietuvos TSR Mokslu Akademijos darbai. Ser. A. 1986. T. 1. (94). P. 63—75; T. 2 (95). P. 72—83; и др.

[37] По мнению Рочки, эта форма могла быть взята издателями из опущенного ими авторского посвящения Сигизмунду-Августу.

имени в латинской транскрипции[38]. **Однако в XVI в. в латинских** памятниках Литвы такой формы не встречается. В XV же столетии в латинских рукописях написание Michalo употреблялось как неформализованная фамилия. На этом основании Рочка сделал вывод, что Michalo-Michalonis в трактате обозначает не имя, а фамилию.

Родительный падеж этого имени выдает распространение в Литве польского обычая склонять имя Михало по латинскому образцу. Европейская ренессансная мода латинизировать или грецизировать имена и фамилии проникла в середине XVI в. и в Литву (Mossuidius, Rapagelanus, Culviensis). Не чужд был ей и автор трактата, который охотно заменил Саковичей и Сунгайловичей латинизированными родовыми именами Sacones et Sungailones (от Saka, Sungaila), а короля именовал Wladislavum... Jagelonem. В этом он ничем не отличался от своих современников. Так, у П. Роизия в его латиноязычном обращении к Николаю Радзивиллу встречаем: ad Nicolaum Radivilonem, а в литовской литературе на латинском языке: Lizdeico-Lizdeiconis, Vaidilo-Vaidilonis[39].

Окончание *-о* в имени Michalo не свойственно литовскому языку, в котором обычно окончание *-а*. Рочка объясняет появление окончания *-о* двумя обстоятельствами, с одной стороны, влиянием польского языка, в котором короткое литовское *-а* превращается в *-о*, с другой — диалектными особенностями: в окрестностях Вильнюса слова с окончанием *-а* в именительном падеже произносились с более или менее отчетливым оттенком «о». К Вильнюсскому региону, а именно к Майшягале ведет и другой факт: в XVI в. здесь были распространены отчества с окончанием *-onis*, *-anis* и соответствующие прозвища-фамилии. При этом, как и в трактате, латинскому родительному падежу соответствует литовский именительный. Автор трактата пренебрег падежными различиями и в списке литовских слов и соответствующих им латинских синонимов. Так, для именительного падежа литовского слова «ночь» (naktis) латинский синоним приведен не в именительном падеже (nox), а в родительном (noctis). То же и в случае со словом «внук» (nepotis вместо nepos). Весьма вероятно, что автор, желая носить модную латиноязычную фамилию, имел в виду литовское отчество-фамилию — Mikalonis. Аналогичные предположения уже высказывались в литературе, и имя Michalo производилось от литовских отчеств Mikaliūnas, Mikalionis, Mikalonis[40]. Последнее наиболее близко по звучанию к латинскому Michalonis, тем более если учесть, что при написании корневой части этого имени в Литве

[38] В Литву это имя пришло из Польши после крещения, то есть в начале XV в. В польском же языке сосуществовали две формы — Michal, Michalo. Вторая из них склонялась по третьему латинскому склонению по аналогии с Stilo-Stilonis, Cato-Catonis, Cicero-Cireronis.
[39] Ročka M. Op. cit. P. 38.
[40] Ibid. P. 36—39.

XVI в. еще сохранялось ch[41]. По мнению Рочки, отчество-фамилия Mikalonis могла быть производным не только от Mykolas, но и от Mykalojas, от имени Nikolai, Nikolaus, также проникшем в Литву после крещения. Имена Michael-Nicolaus не только в разговорной речи, но и в рукописях смешивались. Автор трактата различает формы: Michalo-Michaloni от имени Михаил (Michael-Michaelis). Так, Михаила Львовича Глинского он именовал Michael-Michaelis.

Таким образом, лингвистические наблюдения Рочки привели его к выводу о том, что автор трактата — литовец, родом предположительно из Майшягалы, носил отчество-фамилию Michalonis, производную от имени Николай[42].

Эти наблюдения Рочки не дали ему возможности согласиться с теорией псевдонима, которой придерживались некоторые исследователи — Ионинас и Охманьский. Рочка же не видел оснований для того, чтобы автор, легко узнаваемый современниками по тем биографическим данным, которые он сам сообщает, вынужден был бы укрываться под псевдонимом. По его мнению, ни выраженная в трактате жесткая критика деятелей католической церкви, ни аналогичная позиция автора по отношению к королевской власти не вступали в противоречия как с решением Тридентского собора, запретившего печатать о «священных делах» с уклонениями от ортодоксальной точки зрения, так и с эдиктом Сигизмунда Старого 1547 г., предусматривавшего запрет на печатные издания, оскорбляющие королевскую власть. Имя автора полемического трактата осталось, считает Рочка, загадкой для нас лишь потому, что его творчество оказалось заслоненным деятельностью Николая Радзивилла Черного — видного государственного деятеля, сторонника независимости Литвы. Покровитель безвестных литераторов предпочитал, чтобы они таковыми и оставались. Сочинения этих авторов «Разговор поляка с литвином», «История Литвы» (1560 г.), заказанная Радзивиллом и ему посвященная, входят в серию, состоящую из вышеназванных сочинений, а также пасквиля против П. Роизия, поддерживавшего нападки Радзивилла на папского посланника А. Липомана и подписанного неразгаданным псевдонимом Р. К. Сармат, письма якобы самого Радзивилла против того же католического деятеля[43]. Рочка не довел своей мысли до логического конца, и роль Николая Радзивилла Черного в его построениях остается неясной.

Поэтому в послесловии к исследованию литовского филолога, скончавшегося в 1983 г., другой исследователь, Г. Забулис, увидел предположение о том, что «авторство исследуемого источника следует связать с Николаем Радзивиллом, под именем

[41] Ibid. P. 39, n. 68.
[42] Ibid. P. 36, 40.
[43] Ibid. P. 41—43, 145—146.

которого могут скрываться один или даже несколько неизвестных нам авторов «Трактата». Этот вывод, впрочем, противоречит всему ходу рассуждений Рочки.

Что же касается самого Г. Забулиса, то он сосредоточил свое внимание на имени автора[44]. Вслед за Рочкой он отметил несоответствие формы Michalonis имени Михаил или Mykolas, но не согласился с утверждением Любавского о бытовании на Украине и Руси народной формы Михало от Михайло, как противоречащим грамматическим нормам языка трактата. Его автор не вульгаризировал имена, но педантично указывал их латинские соответствия (Иван III — Johannes, Василий III — Basilius, Иван IV — Johannes Basilii) даже в фольклорных выражениях. Судя по орфографии (на которую, впрочем, мог повлиять и наборщик текста), автор трактата не различал *k* и *x* в словах Samarchah, Mecha вместо *k* стоит *ch*, в словах Moschorum, Moschovitae, Moscorum, Moscovitae наряду с *c* встречается и *ch*. Поэтому-то Забулис и выступил против идеи о литванизации имени Михало в Михайла. Латинское имя Michalonis или Micalonis Забулис выводит из родительного падежа Mikalojonis (именительный Mikalojus), которое является литовским соответствием польскому имени Mikolaj, латинскому Nikolaus. Хотя в Литве в XVI в. не было устоявшихся фамилий, передаваемых из поколения в поколение, но привилегированные слои уже использовали фамилии-отчества или фамилии по месту владения. Возможно, и в данном случае имело значение желание употребить почетное отчество-фамилию, как бы подчеркивающее давность фамилии. Литовец, гордившийся итальянским происхождением предков, предпочел славянской форме отчества с суффиксом *-евич* (Миколаевич) суффикс *-onis*, распространенный в отчествах вильнюсского региона, тем более что этот суффикс ассоциируется с многими латинскими именами на *-о* в родительном падеже третьего склонения: Catonis, Ciceronis, Maronis, Nasonis, Varronis и т. д.

По мнению Забулиса, очевидно желание автора сблизить свое имя с латинскими с помощью литовского прозвища-фамилии.

После появления работ Е. Охманьского с его стройной и доказательной концепцией авторства Венцеслава Миколаевича у исследователей появился интерес к генеалогии потомков Михалона. Подробные сведения о роде Венцлава Миколаевича представлены в обстоятельных исследованиях Е. Римши[45]. Первым зафиксированным в источниках предком Венцлава Миколаеви-

---

[44] Zabulis H. Mykolo Lietuvio problema ir M. Ročkos «Mykolas Lietuvis» // Ročka M. Op. cit. P. 178—181. Забулис считал, что древние литовские имена Михалон употреблял в формах, встречающихся как в рукописях того времени, так и в обычной устной речи (divum Wladislavum, lituanice Jagelonem nuncupatur; vocati quidam Sakones et Sungailones).

[45] Rimša E. Op. cit.

ча был его дед Ян, упоминаемый в отчестве его сына Миколая, в документах его внука Венцлава. Можно говорить о предках Венцлава в Майшягале по крайней мере с конца XV в. Венцлав (около 1490—1560 гг.), вероятно, был старшим сыном в семье и имел несколько братьев и сестер. Его отец Миколай Янович держал в Майшягале небольшое хозяйство из двух служб[46]. Вероятно, Венцлав Миколаевич получил образование в Краковском университете[47].

Венцлав впервые выступает в письменных источниках как писарь (вероятно, Вильнюсского воеводы, как свидетельствует ряд источников)[48] 9—12 апреля 1521 г.[49] Он был дважды женат. От первой жены Екатерины Станиславовны (умерла до 1537 г.) у него был сын Венцлав Агриппа, впоследствии известный деятель культуры Литвы второй половины XVI в. Неизвестно, кто были родственники жены Венцлава Миколаевича. Однако, судя по тому, что ее сын в 1554 г. продал за 300 коп грошей доставшуюся ему по наследству от матери часть Яшунского двора, социальное и имущественное положение Екатерины Станиславовны было довольно высоким[50]. Вероятно, при содействии вильнюсского воеводы А. Гоштальда Венцлав Миколаевич в 1529 г. временно был земским писарем в г. Бельске. Второй женой Венцлава стала Дорота, дочь майшягальского хоружего Мартина Белевича. Второй брак принес ему еще двух сыновей — Венцлава и Яна. Вероятно, при посредстве А. Гоштальда Венцлав Миколаевич стал в 1534 г. секретарем великокняжеской канцелярии, в которой остался служить до конца жизни. В 1536—1537 гг., а также в 1555—1556 гг. он участвовал в посольствах в Москву, в 1542—1543 гг. был с посольством в Крыму, в 1554 г. с Остафием Воловичем принимал в Люблине московских послов. Кроме службы в канцелярии он являлся медницким державцей (старостой), наместником в Скирстомони и в Россиенах[51]. Личное состояние Венцлава Миколаевича неуклонно возрастало. В 1528 г. он выставлял на военную службу одного коня, около 1529 г. ему принадлежало более четырнадцати служб, увеличивал он свои имения и в дальнейшем[52]. Как свидетельствует его договор с родственниками («кровными») Коневичами, вписанный 3 июня 1552 г. в книги вильнюсского наместника, Венцлав Миколаевич имел в Майшягальской

---

[46] Ibid. T. 1. P. 64, n. 6; P. 72.

[47] Е. Охманьский предположил, что запись в Acta Rectoralia Краковского университета в 1506 г. Venceslaus Lithuanus могла относиться к Венцлаву Миколаевичу. См.: Охманьский Е. Указ. соч. С. 111, 117, сн. 40; Acta Rectoralia Almae Universitatis Studii Cracoviensis ab anno 1469. Kraków, 1893. T. 1, n. 2072.

[48] См.: Охманьский Е. Указ. соч. С. 106—107.

[49] Rimša E. Op. cit. T. 1. P. 65, n. 17; P. 72.

[50] Ibid. P. 65—66. n. 21; P. 72.

[51] См.: Охманьский Е. Указ. соч. С. 106—110.

[52] Там же. С. 110.

вотчине вассальное боярство[53]. По-видимому, он умер в первой половине февраля 1560 г. или еще раньше[54].

Е. Римша установил, что семья Венцлава Миколаевича пользовалась гербом Дембно. В 1987 г. исследователь нашел печать с этим гербом и инициалами на нем VN (Venceslaus Nicolaus) в Отделе рукописей Научной библиотеки Вильнюсского университета[55]. Это весьма древний герб. Во время Городельской унии в 1413 г., когда литовская шляхта получила право пользоваться польскими гербами, герб Дембно принял Альберт (Войтех) Корейва, родом, вероятно, из нынешних Саугунишков (de Sowgodsko, Sowguttendorf) в окрестностях Майшягалы или Дукшты. Возможно, немногочисленные владельцы герба в далеком прош-

Герб Лелива

[53] Rimša E. Op. cit. T. 1. P. 67, n. 40; P. 73.

[54] Из жалобы его брата от 18 февраля 1562 г. следует, что в это время Венцлава не было в живых более двух лет, из документа же от 25 марта 1560 г. выясняется, что семья вступила во владение имуществом более двух недель назад (Rimša E. Op. cit. T. 1. P. 67, n. 37, 38; P. 73).

[55] См. предисловие к: Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 4.

лом находились в родстве, в том числе и с упомянутым Корейвой. Согласно геральдической традиции ВКЛ XVI — первой половины XVII в., в первых двух полях объединенного герба помещались гербы родителей, а в третьем и четвертом — бабушек. Герб В. Агриппы и его племянника А. Агриппы позволяет предположить, что мать Агриппы имела герб Лелива, а бабушки — Ванагос и Долива (или Трестка) [56].

Анализ текста IX фрагмента, согласно Римше, содержит дополнительные сведения, позволяющие отождествить Михалона с Венцлавом Миколаевичем, которому в октябре 1553 г. было поручено переписать и обложить налогом принадлежащие Турции стада, пригоняемые в низовья Днепра [57]. Определенным подтверждением этого же вывода служит установленный Е. Римшей факт родства Венцлава Миколаевича и Агриппы. Последний обучался в Лейпцигском (1545 г.), Краковском (1548 г.), Виттенбергском протестантском университетах. В 50-е годы, подобно отцу, пользовался покровительством вильнюсского воеводы и канцлера Николая Радзивилла Черного, у которого в 1552 г. он был придворным (коморником). Наследник литературного таланта отца, он близок был к нему по своим взглядам. В первом сочинении на смерть родственника Николая Радзивилла Яна Радзивилла, изданном в Виттенберге в 1553 г., Венцлав Агриппа так же остро, как это делал отец, критиковал крупных магнатов, предающихся азартным играм [58]. Свои сочинения он, как, впрочем, и некоторые другие его современники, подписывал Lithuanus или Litwin [59].

Так же называли его и современники [60]. Имя Агриппа, римское по происхождению, соответствовало амбициям отца, причислявшего свой народ к итальянцам. Лютеранин Агриппа был женат на некоей Магдалене (в первом браке Пелгримовской), останки которой покоятся в лютеранской церкви в Гедетанах, основанной ее мужем около 1568 г. Пасынок Агриппы, сын Магдалены Пелгримовской, которому Агриппа завещал свою библиотеку латинских и немецких книг, проявил себя в литературе, служил в великокняжеской канцелярии, занимал административные посты. Мужем его сестры Эстер был известный поэт Градаускас, маршалок в 1588 г., связанный с великокняжеской

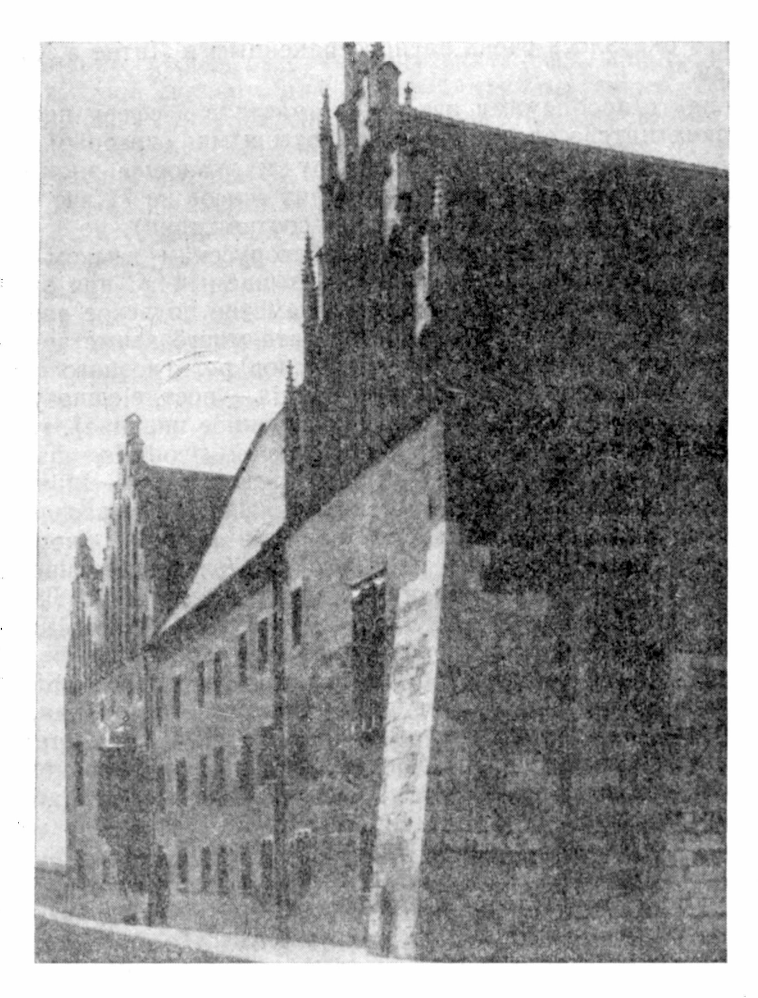
[56] Rimša E. Op. cit. T. 2. P. 77—79, 82—83; Semkowicz W. O litewskich rodach bojarskich, zbratanych ze szlachtę polską w Horodle 1413 r. // Lituano-slavica posnaniensia. T. III. Poznań, 1989. S. 76; Kraštas ir žmonės: Liet. geografiniai ir etnografiniai aprašymai (XIV—XIX a.). Parengė Jurginis J. ir Šidlauskas A. Vilnius, 1988. P. 31.

[57] Rimša E. Op. cit. T. II. P. 77, 82, n. 38, 39.

[58] Ročka M. V. J. Agrippa — kultūros vejkejas ir literatas // Lietuvos TSR aukštuju mokyklu mokslo darbai. Literatūra. 1967. T. 10. P. 45; Idem. Mykolas Lietuvis. P. 146; Rimča E. Op. cit. P. 67—68, 73, n. 42. T. 2. P. 77, 82, n. 36.

[59] Ročka M. V. J. Agrippa... P. 46; Idem. Mykolas Lietuvis. P. 43, n 76; Rimša E. Op. cit. T. II. P. 77, 82, n. 36.

[60] Rimša E. Op. cit. T. II. P. 77, 82, n. 37.

Здание Малой коллегии в Кракове

канцелярией[61]. Таким образом, семья Венцлава Миколаевича на протяжении трех поколений в XVI в. являлась носителем духовной и литературной традиции.

Вторая жена Венцлава Агриппы Регина происходила из одного из влиятельнейших литовских родов. Она была дочерью Яна Монивида Дорогостайского, вероятно, брата полоцкого воеводы Миколая Дорогостайского. На Венцлаве Агриппе род Венцлава Миколаевича прерывается, но имя Агриппы, превратившись в фамилию, было унаследовано его боковыми родствен-

[61] Ibid. T. I. P. 68—71.

никами и оказалось очень распространенным в Литве в XVII—XVIII вв.[62]

Наряду с проблемами авторства трактата в сферу исследовательских интересов попали и вопросы языка, которым написано это сочинение. Михалон обнаружил хорошее знание не только литовского языка (о чем говорит список из 74 литовских слов, которым он привел латинские соответствия), но и «русской мовы», ныне именуемой старобелорусским языком (так, о Перекопе он пишет: «по нашему называемый...»; при этом в написании славянских и других слов заметно польское влияние (peressud, litze, wisz, deczki). В трактате много заимствований из еврейского и греческого языков — слов религиозного содержания (missalia sacrificia — обедня, ieiunia — пост, eleemosyna — милостыня, biblia, scriptura sacra — священное писание), терминов, характеризующих общественный строй (feodalis, vasallus, laicus — мирянин, religiosus — монах, saecularis — мирянин). В словаре Михалона наблюдаются отклонения от классической латыни: слово basilica он употребляет не в значении дворца, а большой церкви, термин ecclesia у него обозначает католическую церковь, а не народное собрание. Передачу топонимов Литвин осуществляет или по латинскому образцу — Kiovia, Lituania, Samagitia или в нелатинизированной форме (это касается слов, кончающихся на согласную: Perecop, Mancup, Pskow, Siewer, Mozir, Tur, Bobr). Сохраняет он устоявшиеся названия, как Orda Zawolska, и «русские» юридические термины (peressud, litze, deczki). В некоторых обозначениях, именах сохранен корень, но добавлено латинское окончание (Mindawgus, janiczarus, Sacones, Sungailones, Jaczvingus).

Таким образом, язык трактата Михалона, причудливо соединивший традиции четырех языков — латыни, литовского, «русской мовы», польского, без которых автор не смог бы передать жизненных реалий середины XVI в., отступил от жестких требований знатока классических языков, деятеля реформации Меланхтона[63]. Рочка показал, что автор трактата следовал образцам классической латыни в синтаксисе и стиле, испытавшем и воздействие средневековой риторики. Так, в соответствии с каноническими требованиями Литвин старается поместить подлежащее в начало, а глагол в конец предложения. Там же, где нужно подчеркнуть и выделить какую-то эмоциональную мысль, слово, имеющее патетическую окраску, употребляется автором трактата в начале предложения. Так, в IV фрагменте при описании судопроизводства Михалон выделяет глагол «брать», с

---

[62] Ibid. Rimša E. T. II. P. 69—77, 82.

[63] Более отвечали образцам классической латыни написанные позднее произведения В. Агриппы, Радзивилла Черного (письмо против Липомана). См.: Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 97—100; Idem. Poleminis M. Radvilos Juodojo laiškas ir jo literatūrinė aplinka // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Literatūra. 1973. T. 15. Sąs. 1. P. 123.

которого начинается несколько предложений (capit...)[64]. Использование средств риторического синтаксиса, придающего художественной прозе торжественный декламативный характер, отмеченный у Михалона, напоминает и стиль летописей. Одним из стилистических приемов является перечисление. Подробное перечисление лесов, рек, озер, прудов и т. п., содержащееся в IV фрагменте, напоминает и стиль пожалований, оформляемых в великокняжеской канцелярии, и отдельные статьи литовских статутов. Можно было бы привести и другие примеры обращения Михалона к приемам риторического синтаксиса[65].

Античные образцы отразились не только на стиле трактата, но и на литературных приемах изображения современной Михалону действительности. Рочка и Забулис сопоставили трактат с произведениями Горация, Тацита, Вергилия, Ливия и других и обратили внимание на то, что при описании сходных сюжетов у Михалона заметны реминисценции античных авторов. Так, идеализированная картина жизни татар напоминает описание скифов у Горация (Hor. III, 24, 9—24) (перевозка жилищ на повозках, изобилие хлеба, собираемого с необрабатываемой земли). Обращение Михалона к Горацию обусловлено в первую очередь общими программными установками: оба автора предлагали реформировать государство, вернувшись к старым обычаям, сохранившимся в неиспорченном виде у менее развитых соседей, ограничить роль женщин в общественной жизни и т. д. Аналогично поступает Михалон при изображении москвитян и татар, беря за образец описание германцев у Тацита. Если римлянам могли казаться привлекательными семейное устройство и положение женщин в Германии, простой образ жизни и уважение старых обычаев, то Михалону притягательным казалось общественное устройство восточных и южных соседей литовцев. Михалона и Тацита роднят и мировоззренческие позиции, оба автора обосновывали необходимость сильного правителя для блага государства. Оба автора огромное значение придавали старым обычаям. В отличие от своих современников, представителей гуманизма, Михалон не цитирует античных авторов, в том числе и единственного упомянутого им Флора. Его античные аллюзии имели не столько информативное, сколько композиционное значение, помогали ему создать структуру произведения.

Изучение стиля и литературных приемов автора трактата Рочкой и Забулисом ярко высветило талант Михалона, бесспорно, незаурядного, широко эрудированного писателя[66].

Рочке удалось реконструировать таинственную историю публикации трактата Михалона Литвина (через 65 лет после его создания) в Базеле, расположенном далеко от столицы Велико-

---

[64] Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 94—95.
[65] Ibid. P. 96—97.
[66] Ibid. P. 114—123; Zabulis H. Op. cit. P. 191—197.

го княжества Литовского. Этот город, сравнительно небольшой по числу жителей (он, подобно Аугсбургу, насчитывал в начале XVII в. 9—10 тыс. человек, но уступал таким городам, как Страсбург, Нюрнберг и Кельн — соответственно 20, 60 и 40 тыс. жителей), давно стал центром гуманистической культуры. Здесь долго жил и работал глава гуманистов Европы Эразм Роттердамский, действовали большие типографии, издавались работы, авторами которых были выходцы из различных стран, в том числе из Восточной и Центральной Европы. Бóльшая часть выдающихся польских сочинений, из коих 66% было написано на латинском языке[67], увидела свет именно в Базеле[68]. Многие из них были посвящены известным политическим деятелям Польши и Литвы (Сигизмунду II Августу, Радзивиллам и др.). Ежегодно в Базеле печаталось по 50—75 книг, с 1610 г. издавалась еженедельная газета[69].

Базель привлекал к себе гуманистически настроенную и склонявшуюся к реформам молодежь, которая находила здесь благожелательных меценатов. Такими были ученый-гуманист, профессор греческого языка, известный издатель И. Опорин (1507—1568)[70], гуманист итальянского происхождения К. С. Курионе. Отношения, завязанные во время учебы в Базеле, молодые люди сохраняли и по возвращении на родину. Связи с Базелем еще более усилились после появления в Литве с середины XVI в. кальвинизма — «швейцарской веры», с одной стороны, и с другой — компромисса между католичеством и кальвинизмом в самой Швейцарии, установившимся с 1585 г. в результате деятельности епископа Як. Хр. Бларера[71]. В Базель приезжали в 1563 г. Я. Кишка, виленский каштелян и жемайтский староста, в 1590 г. — представители старинной знати Я. Скумин-Тышкевич, Лука и Юрий Масальские, в 1596 г. — новогрудский воевода Я. Радзивилл, виленский воевода И. Радзивилл и многие другие[72].

Судьба сочинения Литвина оказалась тесно связанной с деятельностью известного базельского издателя Петра Перны (ок. 1522—1582). Уроженец г. Лукки он вынужден был из-за своих реформаторских взглядов переселиться в Швейцарию, в 1542 г. поступил в Базельский университет, вскоре завел типографию и

---

[67] Pirosynški J. Zagadnienie eksportu polskiej książki na zachód Europy w XVI w. w świetle ówczesnych torgowych katalogów księgarskich i bibliografii // O nowożytnej Polsce w Europie. Wrocław, 1982. S. 251.

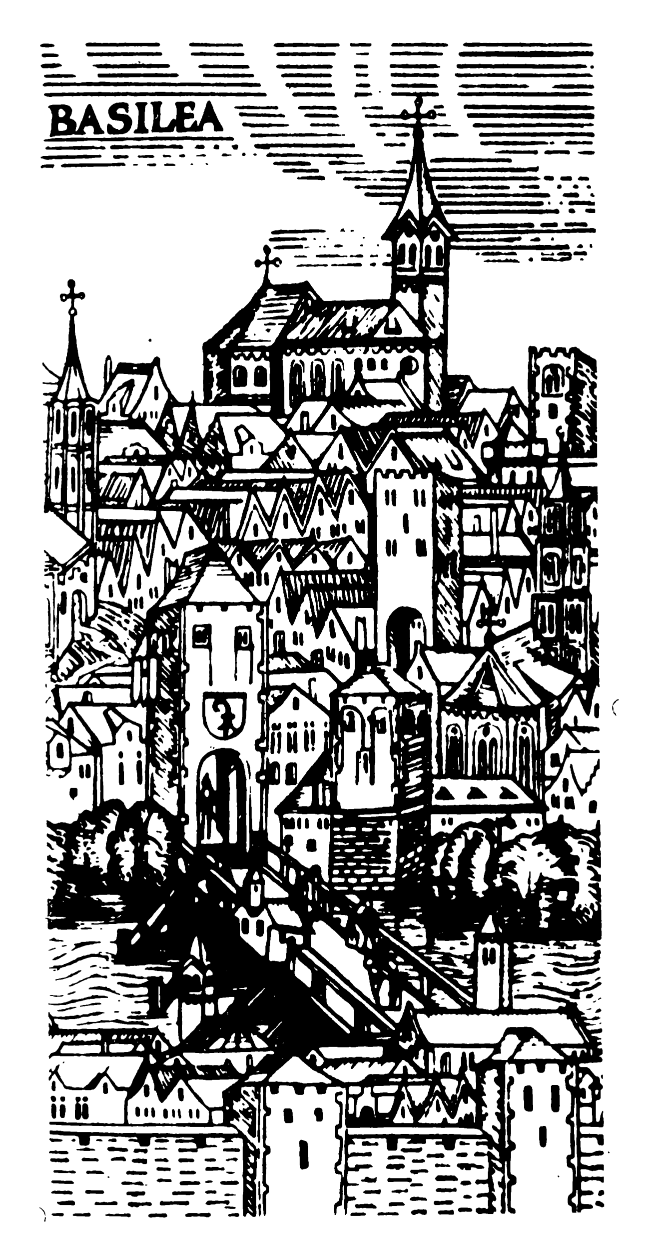
[68] Piekarski K. Książka w Polsce w XV i XVI w. // Kultura staropolska. Kraków, 1932. S. 370.

[69] Geschichte der Schweiz und der Schweizer. Bd II. Basel, Frankfurt am Main, München, 1983. S. 10, 62, 64 (M. Körner).

[70] Опорин посвятил одну из изданных книг М. Радзивиллу Черному (Demetrius Phalerius. De elocutione liber. Basiliae, 1557).

[71] Geschichte der Schweiz... Bd II. S. 77—78.

[72] Kallenbach J. Polacy w Bazylei w XVI wieku // Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce. Kraków, 1890. T. 6. S. 1—9; Šapoka A. Kur senovėje lietuviai mokslo ė ieškojo? // Židinys. 1935. T. 22. P. 424.

Базель. *Фрагмент гравюры XVII в.*

преуспел на этом поприще[73]. После смерти И. Опорина в 1568 г. именно типография Перны стала издательским центром литовских кальвинистов за рубежом[74]. Целью Перны, по его собственным словам, было издание нужных священных книг, насколько возможно, без ошибок. Одновременно он поддерживал тесные связи с кальвинистами в самой Литве. Так, он обращался к главе кальвинистов в Вильнюсе М. Чеховичу (1532—1613) с просьбой о приеме в столице княжества В. Охино, изгнанного из Швейцарии из-за арианских взглядов.

Перна получил труд Литвина, вероятно, в 1581—1582 гг., но не успел опубликовать его. После его смерти в 1582 г. типография перешла к его зятю К. Вальдкирху, не отличавшемуся оборотистостью тестя. Вскоре умерла и его жена Лаура, урожденная Перна. После вторичной женитьбы Вальдкирх около 1592 г. переехал в Шафгаузен, но вскоре вернулся в Базель. Из-за переездов типографии рукописи и могли оказаться у одного из друзей Перны, где их впоследствии и обнаружил И. Я. Грассер.

Рукопись трактата Михалона была доставлена Перне скорее всего при посредничестве Я. Ласицкого или иного литовского кальвиниста. Около 1578 г. новая вера — «конфессия гельветов» в редакции известного идеолога швейцарских кальвинистов Ф. Булингера (1504—1575) нашла многих сторонников в Литве. Вслед за Булингером литовские неофиты обрушились на культ святых. Около 1580 г. против учения иезуитов о святых выступил идеолог литовских кальвинистов А. Волан (1530—1610)[75]. Одновременно в Базель из Литвы был отправлен сборник «Пантеон», в состав которого входил и труд Ласицкого «О богах Жемайтии», содержавший критику католического учения и практики почитания святых.

В духе 80-х гг. звучали и упреки в адрес католической церкви в трактате Михалона Литвина[76]. Развивая критику А. Рапалениса и А. Кульветиса в адрес иерархов католической церкви и культа святых[77] (в особенности ясна преемственность идей

---

[73] Он выпустил два издания «Князя» Маккиавели (1560, 1580), «Стратегематы сатаны» Акконтиуса, комментарии «Поэтики» Аристотеля, подготовленные Л. Кастельветрой и опубликованные по заказу итальянского издателя «Поэтики» Пьетро де Седабони.

[74] Так, в его типографии вышел труд священника и деятеля Реформации В. Охино «Вторая книга диалогов» (Ohino B. Dialogorum liber secundus. Basiliae, 1563), посвященный вильнюсскому воеводе Н. Радзивиллу Черному, симпатизировавшему арианству. См. подробнее: Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 15—17.

[75] Volan A. Idololatriae Loiolitarum Vilnensium oppugnatio. Vilnae, 1583.

[76] Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 160.

[77] Zabulis H. Op. cit. P. 183, 187, 189. По мнению Забулиса, нельзя исключить возможности знакомства Михалона и Кульветиса в период существования в Вильнюсе школы последнего. Возможно, также, что сын Венцлава Миколаевича Агриппа посещал эту школу. Могли они познакомиться и при посредстве А. Гаштольда, так как именно он представил Боне Сфорца приехавшего из Италии в 1538 г. А. Кульветиса. Михалон и Кульветис были также соседями по земельным владениям.

Михалона от Кульветиса), Литвин бичует разгульную жизнь священников, якобы придерживавшихся целибата. «Как трутни поедают пчелиный мед, так они — труд народа, пируют и роскошно одеваются». Они стремятся к доходам и власти, а самые церкви «сдают мирянам, купцам, сводникам, продают», так что многие церкви никогда не видели своих «пастырей». Михалон выступает и против роскоши католических храмов. По сравнению со своим предшественником Кульветисом Михалон более эмпиричен, сочинения Кульветиса отличались большей юридической точностью. Оба они применяли похожую терминологию [78] и ссылались на одни и те же нормы римского права [79]. В сравнении же с Воланом Михалон не столь резок в своих оценках и характеристиках. Позиция Литвина с требованием равенства людей в церкви ближе скорее взглядам Мажвидаса, осуждающего несправедливость отстранения народа от святынь, которых не может быть лишен ни один человек [80]. Бóльшую созвучность взглядов Михалона лютеранству, нежели кальвинизму, Рочка объяснял недостаточным распространением идей Кальвина в Литве этого времени [81]. Магнаты (Радзивиллы, Ходкевичи, Кезгайлы) тогда еще не порывали с католичеством и, склоняясь к лютеранству, не имели собственной отдельной церкви. Михалон, оставаясь послушным церкви и священникам, «которым мы должны подчиняться», был достаточно умерен в своей критике католичества и не испытал гонений, как С. Рапаленис, А. Кульветис и др. [82] В целом критика католической церкви в трактате Литвина, по мнению Забулиса, укладывается в рамки ранней литовской реформации весьма умеренного толка [83].

В критике Михалоном католицизма обращает на себя внимание одна особенность: в соответствии с риторической антитезой, положенной в основу композиции всего сочинения, для большей эффективности обличений христианского духовенства автор использует сравнение с религиозной жизнью татар. Он не жалеет похвал для мусульманских священников, которые «проповедуют свою религию с неутомимым рвением», «свято чтут правосудие», которые «не жадны, не тщеславны», но «кроткие,

---

[78] Bona ecclesiasticu—mania ecclesiastica; fucos, fucum-fuci; sanctus quaestus—variis questibus; a rectoribus ecclesiarum—ecclesiarum regimina (см.: Zabulis H. Op. cit. P. 185—186).

[79] Обращение к нормам римского права вообще характерно для этой эпохи. См.: Бардах Ю. М. Литовские статуты — памятники права периода Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 72.

[80] Mažvidas M. Pirmoji Lietuviška knyga. Vilnius, 1974. P. 89.

[81] Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 163.

[82] Во времена написания трактата такая позиция, не затрагивающая церковные верхи и не посягавшая на радикальные изменения, даже поощрялась, равно как прощалось и нарушение целибата, например С. Ожеховскому, при сохранении верности церковным канонам. Ročka M. Apie XVI a. vidurio Vilniaus paskvilius // Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Literatūra. 1969. T. 11. S. 1. P. 39—46. S. 1; Idem. Mykolas Lietuvis. P. 163.

[83] Zabulis H. Op. cit. P. 186.

смирные, прилежные в своей службе». Татары у Литвина оказываются хранителями старых добрых обычаев. Именно мусульмане следуют канонам Библии, забыли же о них плохие христиане и высшее католическое духовенство.

Тем не менее близость сочинения Литвина реформационным настроениям 80-х гг. и могла привлечь внимание к трактату литовских кальвинистов, в том числе Я. Ласицкого. Последний дружил с А. Воланом, секретарем Радзивилла Рыжего. При посредничестве Волана Ласицкий мог получить рукопись из архива Радзивиллов. Во время путешествий по Европе — а Ласицкий был учителем в домах польских и литовских магнатов и много ездил со своими воспитанниками — он искал издателей для своих рукописей. Не порвались и его связи с новым владельцем типографии П. Перны — К. Вальдкирхом, который в 90-е гг. XVI в. и в начале XVII в. по-прежнему издавал книги литовских кальвинистов, иногда посвящая их Радзивиллам (1594, 1603 гг.) [84].

Переписка Ласицкого с его базельскими друзьями в 1580 г. [85] показывает, что Ласицкого волновали вопросы отношений Речи Посполитой с турками, татарами и русскими. Он посылал в Базель книги на эту тему, да и сам печатал подобные сочинения в заграничных типографиях, делая акцент на религиозных вопросах [86]. С точки зрения Ласицкого, западному читателю, проявлявшему стойкий интерес к странам Восточной Европы, мог быть полезен и взгляд Михалона на проблему взаимоотношений государств этого региона и их религиозную жизнь.

Таким образом, М. Рочка проследил один из вариантов возможного проникновения рукописи Михалона Литвина в Базель. Однако он не исключает другого — вероятного содействия в передаче рукописи П. Перне слуцкого князя Александра (умер. ок. 1591—1593). Его отец Юрий (умер в 1578) покровительствовал знаменитому историку Матвею Стрыйковскому. Традиции меценатства унаследовал и его сын, около 1580 г. путешествовавший и учившийся в Центральной Европе [87]. Т. Цвингер, с которым переписывался и которому посылал книги Я. Ласицкий, посвятил Александру свое издание «Этики» и «Политики» Аристотеля. Цвингер восхвалял самого слуцкого князя и всю его семью, тесно связанную с Радзивиллами [88]. Александру посвятил

---

[84] Chrząstovius. Duo libelli de opificio Missae. Basileae, 1594; Epicedia in illustrissimi et magnanimi principis dn. domini Christophori Radziwili Birzarum e Dubinkis dynastae... obitum. Basileae, 1603.

[85] Wotschke Th. Der Briefwechsel der Schweizer mit den Polen... 1908. S. 406.

[86] Lasicki J. De russorum, moscovitarum et tartarorum religione sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu. Spirae, 1582.

[87] Во время обучения в Ингельштадте ему и П. Нарушевичу посвятил В. Ратмар свои стихи в книге: «Almae Ingolstadensis academiae tomus primus» (1571).

[88] Его бабушка Елена, как и сестра, были замужем за Радзивиллами.

свое сочинение «О воспитании князя» и Й. Штурм[89]. Связи Пронских с Радзивиллами, возможными инициаторами создания трактата, дали Рочке основание предположить, что слуцкий князь Александр мог выступать посредником и в передаче рукописи в Базель Перне[90].

Однако трактат Михалона Литвина был опубликован лишь в 1615 г. И здесь на сцену запутанной истории рукописи выходят еще два человека — Й. Я. Грассер и Октавиан Александр Пронский, которому было посвящено издание. Йоганн Якуб Грассер (1579—1627) оставил заметный след не только в культуре родной страны, но и соседних, в частности Франции. Швейцарский историк, поэт и кальвинистский теолог, он родился в семье базельского проповедника. Ради изучения античности отправился во Францию, где провел несколько лет, из коих три был профессором в провансском городе Ниме. За заслуги в области культуры получил титул графа (comes palatinus), звание кавалера (eques auratus) и римского гражданина (cives romanus). Много путешествовал по Франции, посетил Англию. По возвращении на родину стал проповедником в Бернвиле, а потом в Базеле. Перу Й. Я. Грассера принадлежит целая серия трудов, свидетельствующих о широте его интересов, простиравшихся на историю, филологию, астрономию, теологию. Он был автором ряда описаний путешествий, модного тогда жанра литературы[91]. Особое его внимание привлекали страны Северной Европы, а шведский король Густав II Адольф (1611—1632) даже поручил ему написать историю своего правления.

Как один из кальвинистских деятелей, Грассер заботился и о литовских единомышленниках, положение которых в начале XVII в. неожиданно ухудшилось, и беспокоился обо всех защитниках «швейцарской веры». В посвящении к книге Литвина и Ласицкого он ясно выразил желание работать во славу кальвинистской церкви. Здесь же он прославил род князей Пронских и Александра, отца Октавиана Александра. Александр Пронский, пан рады, тракайский каштелян (ум. в 1595), будучи в 1573 г. одним из послов к королю Генриху Валуа, всеми силами стремился добиться благосклонности будущего правителя, стараясь обеспечить максимум свободы кальвинистам. Он пытался объединить защитников реформации и православных Великого княжества Литовского, обратившись с этой целью к Торуньскому

---

89 Sturm J. Epistola ad illustrissimum principem Alexandrum, ducem Slucensem, de educatione principum. Argentorati, 1581.

90 Ročka M. Mykolas Lietuvis. S. 19.

91 Список его произведений см.: Ročka M. Mykolas Lietuvis. S. 19—20. Дополнительно см.: Grasser J. J. Christliches Bedenken über den erschrockenlichen Cometen, so verschienen November und December ann. 1618 aller Welt zur Wahrnung gestanden. Basel, 1619; Idem. Schweitzerisch Heldenbuch, darinn die Denckwürdigsten Thaten und Sachen... auffgezeichnet und beschrieben. Basel, 1624. Его сочинение о комете переиздавалось и после смерти автора в 1636 и 1664 гг.

собору кальвинистов, лютеран и др.[92] Октавиан Александр (ум. ок. 1638) также был кальвинистом, вся его семья наряду с подканцлером княжества Литовского Е. Воловичем, воеводой Монивидом Дорогостайским, каштелянами М. Савицким и Ю. Глебовичем, князем Юрием Свирским и др. принадлежала к кругу влиятельных вильнюсских кальвинистов[93]. Продолжая меценатские традиции отца, Октавиан Александр Пронский хотел связать свое имя с литературой и материально содействовал изданию трудов Литвина и Ласицкого. Октавианом Александром Пронским и Й. Я. Грассером замкнулся круг лиц, причастных к изданию трактата Михалона Литвина, выявленных и подробно охарактеризованных М. Рочкой.

Этот же исследователь предпринял и попытку реконструировать текст трактата, а также редакторские приемы Грассера. Еще К. Эстрейхер считал, что оригинал рукописи был разделен на 10 глав, из коих издатель первую и девятую дал полностью, а остальные в сокращении. Последующие исследователи пытались восстановить тип названия этих глав по аналогии с сочинением Ласицкого, где отдельные разделы текста именовались «фрагментами». Однако это определение не принадлежало Ласицкому, но было привнесено Грассером. Наряду с этим термином редактор употребляет и другие — том (лат.) и эпитом (греч.). В заголовке третьего раздела введено еще одно понятие — «книги», что, по Рочке, свидетельствует о том, что первоначально рукопись была разделена на книги, которых было по крайней мере три (как и в большинстве сочинений того времени)[94]. Рочка отметил объединяющее значение в композиции трактата принципов морали и нравственности (в 1-м разделе говорится о следовании татар древним обычаям, которых придерживались библейские патриархи, во 2-ом — о воздержанности и бережливости, в 3-м — об умеренности в еде и питье, в 4-м — о суде, в 5-м — о почетных предках и славном прошлом, в следующих — о любви к ближнему, прочной семье и т. д.).

Забулис, не согласившийся с гипотезой Рочки о делении трактата на три книги, однако, развил и углубил мысль своего предшественника о композиции сочинения. Забулис предположил, что трактат имел форму декалога, фрагменты которого соответствовали одной из десяти заповедей Моисея. Аргументация Забулиса в некоторых случаях кажется убедительной: так, в первом фрагменте пленник из Литовской земли обращается к

---

[92] Lukaszewicz J. Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie. T. 1. Poznań, 1842. S. 17, 42, 103.

[93] Zbiór pomników Reformacji kościola polskiego i litewskiego. Ser. 1. Z. 1: Zabytki z wieku XVI — go. Warszawa, 1911. S. 37; Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 20.

[94] В качестве примера М. Рочка приводит труд А. Фрича-Моджевского, посвященный вступлению на престол Сигизмунда-Августа: «Пять книг об исправлении государства», изданный в Кракове в 1551 г. Книги, разделенные в свою очередь на главы, носили заглавия: «Об обычаях», «О законах», «О войне», «О церкви», «О школе».

заповеди о вере в единого бога («Да подвигнет тебя хотя бы любовь к вере истинного Бога»), в третьем — в соответствии с заповедью о святой субботе конкретизируется предписание отдыхать после шести дней труда в субботу, четвертый фрагмент соответствует заповеди, запрещающей лжесвидетельство. В пятом фрагменте Михалон использует заповедь о почитании отца и матери в рассказе о происхождении литовцев от римлян. Заповедь «не убий» отразилась в шестом фрагменте в осуждении приговоров, выносимых людям «по всем деревням и городам», а также в порицании рабства «не чужеземцев, но нашего рода и веры сирот, бедняков, состоящих в браке с невольницами». Заповеди «не прелюбодействуй» отвечает седьмой фрагмент, содержащий острую критику женщин. Десятый фрагмент напоминает об окончании 20-й главы книги «Исход», посвященной общим вопросам веры. Для второго и восьмого фрагментов соответствия с заповедями неубедительны, а для девятого они представляются натяжкой. Впрочем, по сохранившемуся тексту трудно уверенно судить о его первоначальном виде. Ясно лишь, в основу сочинения Михалона положена риторическая антитеза. Автор как бы следует совету Цицерона восхвалять знаменитое и порицать плохое. Критерием же для Михалона служит Библия, что было в духе начинающейся реформации: следование хорошим старым обычаям есть следование Библии, плохие новые — проистекают в результате отказа от нее. Мы уже видели это на примере критики Литвином духовенства и противопоставления католических священнослужителей мусульманским и обнаружим подобное противопоставление со ссылкой на Библию еще не раз (ср. также в комментариях данные о цитировании Библии Михалоном).

Но вернемся к судьбе рукописи трактата. Рочка полагал, что Грассер при редактировании труда лишил его общих мест (что, впрочем, не совсем точно), изъял и посвящение труда самого Литвина, из коего включил в собственное посвящение сведения о времени написания и предназначении трактата. В октябре 1614 г. он снабдил книгу новым посвящением князю Октавиану Августу Пронскому. Гравюра с портретом князя, принадлежащая художнику, подписавшемуся буквами L. T. C. S., открывает издание 1615 г.

Грассер, очевидно, сохранил те части текста, которые могли бы побудить читателя к активной деятельности, наставить его на путь истинный. Сам Грассер исходил из мнения Тита Ливия, как видно из его предисловия к изданию, о роли истории в исправлении нравов. По мнению последнего, высокие моральные качества предков, их патриотизм и любовь к свободе, мужество и самоотречение, набожный и скромный образ жизни составили основу роста Римского государства, а повреждение нравов стало причиной гражданских неурядиц и упадка Рима.

Возможно, труд Михалона в начале XVII в. подвергся редакционной обработке и с точки зрения кальвинизма. Ведь его со-

чинение было написано в тех условиях, когда господство католической церкви в Литве было почти безусловным, а критика в ее адрес грозила суровыми карами.

Несмотря на редактирование рукописи Грассером, можно полагать, что и в опубликованном тексте сохранилось главное — своеобразный ответ литовского мыслителя и политика на самые насущные вопросы развития Великого княжества Литовского, которые обсуждали и польские, и украинско-белорусские публицисты того времени. И среди них едва ли не основной — вопрос о дальнейших путях государственно-политического развития двух соседних стран — Литовского княжества и королевства Польского. Михалон писал свое сочинение почти за два десятилетия до Люблинской унии, тогда, когда перспектива окончательного объединения их в Речь Посполитую становилась все более актуальной. Отношение к ней среди привилегированных сословий Литовского княжества было далеко не однозначным: шляхта в целом поддерживала унионные программы, магнаты же старались сохранить обособленное Литовско-Русское государство [95]. Идеологи польской шляхты (в частности, Ст. Ожеховский), убежденные в превосходстве шляхетской демократии над любым общественно-политическим строем тогдашней Европы [96], рассматривали унию как некое благодеяние, приобщающее дворянство Литовского княжества («несвободных литвинов») к сословным привилегиям поляков («вольных поляков»). «Ты, литвин, — писал, правда, в 1564 г. Ст. Ожеховский, — ходишь в ярме от рождения или, как скованная уздой кляча, носишь на своем хребте своего господина, а я, поляк, парю, как орел без привязи, на моей прирожденной свободе под моим королем...» [97].

Однако в этом принципиальном пункте сочинение Михалона противостоит общей тенденции развития польской общественно-политической мысли. Мы не найдем у Михалона апологии шляхетских вольностей, осуждения тирании и одобрения дворянских привилегий, хотя не найдем и откровенных восхвалений сильной королевской власти, какие содержатся в другом литовском публицистическом сочинении середины XVI в. — «Разговорах поляка с литвином» [98], — написанном, вероятно, Августином Ротундусом. Так или иначе, сочинение Михалона Литвина не сог-

---

[95] Bardach J. Związek Polski z Litwą // Polska w epoce Odrodzenia. Pod red. A. Wyczańskiego. Wyd. 2. Warszawa, 1986; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1: Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 215—230; Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 291—317.

[96] Tazbir J. Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit—upadek—relikty. Wyd. 2. Warszawa, 1979. S. 56—88; Suchodolski B. Dzieje kultury polskiej. Warszawa, 1980. S. 89—95.

[97] Цит. по: Taszycki W. Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII w. Warszawa, 1955. S. 59—61.

[98] Сокол С. Ф. Указ. соч. С. 109—113.

ласуется с характерным для шляхетской ментальности и идеологии культом свободы.

У него свой культ — «хороброй Литвы» времен Витовта, когда территория Литовского княжества была почти беспредельна и простиралась от Балтийского до Черного моря (фр. 3). Витовт, по мнению Литвина, — «наш герой», образ которого он сильно идеализирует, умалчивая о его поражениях, жестокости и суровости [99]. Это Витовт стоял у истоков ханской власти в Крыму, где своей «могучей десницей» «насадил род Гиреев». Примеру великого Витовта следует-де и современник Литвина эталон правителя Иван IV (фр. 3) [100]. Московиты заимствовали законы Витовта, которыми сами литовцы уже «пренебрегают» (фр. 4).

Прославление Витовта в трактате Михалона отвечает, с одной стороны, композиционному замыслу риторической антитезы, а с другой — вписывается в литературную и устную традиции, восходящие, вероятно, к концу XIV в. «Якож бы мощно кому испытати высота небесная и глубина морьская, то ж бы мощно исповедати силу и храбрость того славного господаря» [101], так гласила «Похвала Витовту» в благосклонных к нему литовских летописях. Польский хронист XV в. Ян Длугош, незаслуженно принижавший деятельность и личность двоюродного брата Витовта, польского короля Владислава Ягайлы, сравнивал Витовта с Александром Македонским; творивший почти полтора столетия спустя Н. Гусовский — с могучим зубром литовских лесов. В речи, произнесенной при возведении Александра Казимировича на великокняжеский престол и приписываемой Стрыйковским маршалку Литавору Хребтовичу, содержалась просьба следовать примеру Витовта, предпочитавшего «литовские обычаи итальянским, чешским и немецким» [102]. Наконец, в поэме Я. Радвана «Радивилиада» (1588 г.) дух Витовта побуждал Радзивилла черпать силы в славном прошлом [103].

---

[99] Эти качества побудили Энея Сильвия Пикколомини назвать Витовта «кровавым мясником» (Aeneas Sylvius summus Pontifex Romanus, Pius II... De Polonia, Lithuania et Prussia sive Borussia // Polonicae Historiae corpus. T. I. Basileae, 1582. P. 2. — Цит. по: Lappo J. Istorinė Vytauto reikšmė // Praeitis. T. II. Kaunas, 1933. P. 4).

[100] Нужно учесть, что Михалон писал в то время, когда еще не проявились деспотизм и самодурство Ивана Грозного.

[101] ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 108.

[102] Stryjkowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żmojdzkiego i ruskiego przed tym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane z natchnenia Bożego a uprzejmie pilnego dóćwiadczenia / Oprac. J. Radziszewska. Warszawa, 1978. S. 541—542; Idem. Kronika Polska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. T. II. Warszawa, 1846. S. 294. Правда, в 1492 г. маршалком был Петр Монтигирдович. См. также: Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagellonów. T. I. Warszawa, 1930. S. 401; Papée F. Alexander Jagiellończyk. Kraków, 1949. S. 6.

[103] Radvanus J. Radivilias... sive De vita et rebus... illustrissimi... principis Nicolai Radivili. Vilnius, 1588. Ср.: Ročka M. Mykolas Lietuvius. P. 141.

Наряду с Витовтом Михалон прославляет и иных литовских князей-воителей. Он гордится легендарными походами предков «на стольный град Москов», с пафосом пишет о «победоноснейших знаменах отца вашего» (Сигизмунда I) (фр. 1), сокрушается о гибели в костеле св. Станислава трехсот старинных знамен, добытых в победах над роксоланами, московами и алеманами, в том числе и 12 знамен, добытых под Оршей в 1514 г.

Литвин приписывает литовцам главную роль в освобождении русского народа от власти баскаков. Высадившись якобы у Плотеле (местоположение которой он определил неверно), они-де покорили ятвягов, роксоланов (рутенов, уже зависимых от заволжских татар) (фр. 6). Тогда-то и распространили они свою власть от моря до моря, захватив Вязьму, Дорогобуж, Белу, Торопец, Луки, Псков, Новгород (фр. 5), а Миндовг получил корону и королевский титул.

Среди всех владений Литовского княжества Михалон выделяет Киев, краткое пребывание в котором настолько потрясло его, что и несколько лет спустя город представлялся ему райским местом. Литвин восхищается древними церковными памятниками, в частности Успенским монастырем, признанным центром православия, где стремились быть похороненными православные магнаты Литовского княжества и Русского государства.

В высшей степени интересные сообщения Михалона об иноземной торговле в Киеве, в том числе и караванной, о взимании торговой пошлины — осмничего, о штрафах в пользу города за его неуплату (что свидетельствует о сохранении городских вольностей в пределах княжества). Михалон отмечает зажиточность киевских жителей, обилие у них продуктов питания, шелка, перца, который в Киеве якобы дешевле соли, говорит о процветании представителей целого ряда профессий — откупщиков, менял, лодочников, извозчиков, трактирщиков, кабатчиков, не забывает он упомянуть о богатстве киевских наместников, взимавших пошлины с торговли и суда.

Интерес Михалона к торговой жизни Киева — типичная примета времени, когда дух меркантилизма проник и в Литву[104]. Открытие Америки, раздвинув горизонты государств, осваивающих новые земли, оживило и обмен со странами, поставляющими дерево, лен, пеньку. По Днепру, одному из участков старинного пути из варяг в греки, соединявшего Балтику с Черным

---

[104] Отзвук меркантилизма обнаружил М. Рочка также в поэме Гусовского о зубре, где превозносились богатства Литовского княжества, питавшие как тело, так и дух (Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 152—157). В воспевании прибылей от внешней торговли не отставал и автор поэмы «О литовской реке Неман» А. Шретер (Schrötherus A. De fluvio Memela Lithuaniae... Cracoviae, 1553). Осознали современники и могущество денег (см. одноименную поэму П. Роизия (Roizijus P. De nummo omnipotenti. Цит. по: Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 157).

морем, перевозили дерево, зерно, деготь, меха, воск, мед в обмен на железо, сукно, соль, металлы, предметы роскоши. Михалон предлагает для увеличения могущества государства, вернувшись к старым порядкам, сосредоточить прибыль от внешней торговли в руках великого князя, а не магнатов, эксплуатировавших все ее выгоды.

Литвин рассказывает о принятии христианства в Киеве, который, по его мнению, был «владением князей России и Московии». Это заявление очень любопытно. Хотя «Московии» еще не существовало в то время, когда возник Киев, но Литвин не сомневается в древности права московских князей на владение этой землей. В полном соответствии с «Сказанием о князьях владимирских» он со слов самих русских утверждает, что их великий князь — потомок Владимира, а потому и наследник владетеля Киева, «древней столицы царей» со «святынями их». Впрочем, Михалон одновременно с негодованием сообщает о намерении «князя москов» вернуть Киев. Ведь сохранение Киева — крупнейшего алмаза в короне великих литовских князей — одна из целей преобразований, предлагаемых им.

Михалон — сторонник реформ, которые укрепили бы Великое княжество Литовское. Его трактат — это попытка воздействовать на короля и общественное мнение своей страны с тем, чтобы повысить ее обороноспособность как со стороны Крымского ханства, так и со стороны Русского государства. По мнению Михалона, следует «постоянно обучать своих людей воинскому искусству», подобно тому, как это делает «страшный» для литовцев Иван IV.

Оборона государственной территории Литовского княжества во времена Михалона была насущной необходимостью. Многие окраины государства, становясь жертвой крымских набегов, теряли свое население. Проблема защиты южных и юго-восточных границ — это проблема сохранения не только рабочих рук, но и вообще населения Украины. Картина рынка рабов в Кафе, изображенная Литвином, написана кровью его сердца. К теме работорговли Михалон возвращается в своем трактате неоднократно. В первом фрагменте он особенно подробно сообщает, куда, следуя маршрутами работорговли, направляется поток рабов из Крыма, как используются они в Крымском ханстве и за его пределами. Вместе с тем Литвин не может не замечать, что поток беженцев из Великого княжества Литовского в Русское государство усилился. Чтобы поставить этому предел, он предлагает воспользоваться опытом соседнего Русского годарства, где бежавшим из плена, в первую очередь крымского, на родине обещана в зависимости от прежнего социального статуса: рабу — свобода, плебею — знатность. Если первое из этих утверждений полностью соответствовало исторической действительности (Судебник 1497 г.), то второе известно только из этого высказывания Литвина.

Вечно пустая казна Литовского княжества, заклады великокняжеских земель для покрытия дефицита — все эти проблемы были, вероятно, хорошо знакомы Михалону. И потому он призывает к экономии государственных средств, ставя в пример Русское государство, где посольства исполняются за собственный счет послов; где казна еще со времен Ивана III, отличавшегося бережливостью, занималась продажей мякины, сена и соломы. Его восхищение вызывает и устройство подорожной службы в Русском государстве. Сравнение ее с аналогичной литовской службой оказывается не в пользу последней: литовская канцелярия не скупится с выдачей подорожных, а в России они выдаются, по Михалону, только гонцам по государственным делам. Очень целесообразной представляется ему и военная система России, где каждый отправляется на военную службу по очереди. Михалон выступает с программой реорганизации военного дела в Литовском княжестве, но не видит иного выхода из сложившегося на родине положения, кроме укрепления феодальных отношений. Протестуя против привлечения наемного войска, он предлагает вернуться к раздаче земель воинам, в особенности в пограничных местностях, и посылать по очереди местных жителей на защиту границ, ссылаясь при этом, как всегда, на давние обычаи: «Предки Величества Вашего не гнушались подданными своими»[105]. В доказательство правильности своих идей о наемном и местном войске Михалон приводит трагическую судьбу Людовика Венгерского (Лайоша II), брошенного в битве при Мохаче (1526) наемниками и в результате погибшего, и спасение Казимира собственными воинами в битве при Хойнице в 1466 г. Аргументом против использования наемников для него является и пример «москов», которые не готовят в войско наемников, «не расточают на них деньги», «но стараются поощрять своих людей к усердной службе, заботясь не о плате за службу, но об увеличении их наследственного имущества» (фр. 8). «Наши же, — по словам Михалона, — презирают эту плату и предоставляют заниматься войной беглым московитам и татарам». Таким образом, он полагает возможным возвращение от товарно-денежных отношений к глухим временам феодализма.

Для упорядочения службы и обеспечения воинов землей Михалон предлагает провести «измерение всех земель и пашен, принадлежащих как дворянам, так и простым людям», и обложить всех одинаковой земельной податью, сделав так, чтобы «тот, у кого земли больше, больше и вносил бы». Это было покушение на одну из самых дорогих шляхте привилегий! Только

---

[105] Возможности укрепления княжества Литвин видит в упрочении позиций мелкого шляхетства. К их числу — «героев-конюхов» — Литвин причисляет Саковичей и Сунгайловичей, роды, вышедшие на общественную арену в XV в. Именно благодаря им некогда раздвинулись пределы государства, памятью о чем остались Гедиминовы и Витовтовы валы и дороги в России и Таврике (фр. 7, 8).

Кристоф Шидловецкий (1467—1532)

однажды, в 30-е гг. XVI в., польская шляхта готова была согласиться на такой шаг. В другое время, даже в момент наивысшего подъема так называемого экзекуционистского движения, ратовавшего за восстановление королевского домена, укрепление казны и армии, реформу суда, польская шляхта, готовая поступиться некоторыми своими преимуществами, не допускала воз-

можности возложить бремя оборонных расходов на шляхетские фольварки.

Михалон Литвин обращает особое внимание на новую военную силу — запорожское казачество, которое упорно рекомендует привлечь для охраны границ. При описании днепровских порогов он предлагает организовать здесь «защиту», использовав казаков, которые нападают на татар. Кроме того, он считает, что воинов можно набрать и в Киеве, «изобильном людьми».

Ян Лаский (1455—1531)

Насущной необходимостью представлялась Михалону и судебная реформа, поскольку система судопроизводства вызывала широкое недовольство в княжестве, как и в Короне Польской.

Михалон стоит на страже интересов малоимущего шляхтича, выступает против магната, имеющего другую подсудность, против которого невозможно найти низшего судебного исполните-

ля («аппаритора» — вижа). Он сетует на судебные порядки по уголовным делам, когда вор поступает в соответствии с феодальной юрисдикцией под суд своему же собственному господину, куда он нес краденое. Михалон высоко оценивает судопроизводство, принятое у татар, среди которых суду кадия повинуются «и знать, и вожди с народом равно и без различия... а также все до единого живут по одному и тому же закону». Он приводит и другой, положительный, с его точки зрения, пример — суд Короны Польской. При этом Литвин противопоставляет судебные установления Короны Польской (Пиотрковский статут 1511 г.) и Великого княжества Литовского (статут 1529 г.), обнаруживая стремление уравнять положение польской и литовской шляхты. Критикуя законные и незаконные поборы в суде, передачу правосудия в руки частных лиц, недостатки существующих законов и процессуальных норм, Михалон Литвин выразил настроение широких — и не только шляхетских! — кругов общества Литвы. В этом его голос сливался с голосами решительных сторонников польского экзекуционистского движения. Еще одна сфера, нуждающаяся, по мнению Михалона, в реформах, — это административная система. Монополизация власти в руках магнатов вызывает его филиппики о том, что «в Литвании один человек занимает десять должностей, тогда как остальные исключены от исполнения их» (фр. 9). Ему нравится система местной власти в Русском государстве, где срок управления одной крепостью ограничивается одним-двумя годами и осуществляется двумя наместниками и двумя дьяками, что якобы предохраняет от взяточничества.

В реорганизации, полагает Михалон, нуждается также и великокняжеская канцелярия. Он считает необходимым ввести книги для фиксации актов купли-продажи, упорядочить разбор тяжб и т. д.

Программе внутренних реформ и усовершенствований соответствует предлагаемая Литвином программа морально-этическая. Прежде всего, по Михалону, следует восстановить добрые нравы в ВКЛ, которое сгубили неумеренность и пьянство (фр. 3). Трудолюбие, любовь к порядку, храбрость и умеренность — вот те достоинства, которыми, по мнению Литвина, «упрочиваются королевства». Все эти качества не воспитывают «московитские письмена, не заключающие ничего из древности, не имеющие ничего, что бы побуждало к доблести» (фр. 5).

Однако не стоит преувеличивать реализм всех предложений Михалона Литвина и в особенности его критических замечаний, обращенных к повседневной действительности, к обыденной жизни Великого княжества. Публицистическое произведение Михалона по временам приобретает черты памфлета[106]. Вряд ли в XVI в. всерьез воспринимались слова Михалона, что «нет в городах литовских более часто встречающегося дела, чем при-

[106] Ročka M. Apie XVI a. vidurio Vilniaus paskvilius. P. 39—46; idem. Mykolas Lietuvis. P. 41.

готовление из пшеницы пива и водки», что «крестьяне, забросив сельские работы», идут в кабаки и пируют там дни и ночи, что день начинается питьем водки, что в суде царит беспредельное взяточничество, молодежь коснеет в праздности, женщины надменны и часто повелевают своими мужьями и пр. Далеко не такой неэффективной была система судопроизводства в Великом княжестве Литовском, далеко не такими изнеженными и расслабленными нравы, далеко не таким бессильным войско. Обвинения в невоздержанности, в беспробудном каждодневном пьянстве, в объядении, сладострастии, безмерном корыстолюбии, безграничной любви к роскоши и прочих пороках — не более чем публицистический прием, полемическая гиперболизация. Она, как легко заметить, сочетается с идеализацией государственного устройства, общественного и частного быта Крымского ханства и Русского государства. Татары наделены чуть не всеми возможными добродетелями. На первый взгляд, это тем более странно, что Михалон Литвин был близко, а не понаслышке знаком с жизнью и татар и русских. Например, Сигизмунд Герберштейн, чьи «Записки о Московии» появились в те же годы, когда Михалон Литвин создавал свой труд, совсем иначе, чем Михалон, трезво и реалистично писал о татарах, утверждая, что «правосудия у них нет никакого» (а Михалон считал, что «они свято чтут у себя мир и правосудие»), что «это люди весьма хищные и, конечно же, очень бедные, так как всегда зарятся на чужое, угоняют чужой скот, грабят и уводят в плен людей» и т. д. Сходным образом характеризует татар и Матвей Меховский [107]. Особенно примечательна зеркальная оппозиция слов Герберштейна о том, что татары «пресыщаются сверх меры», «спят по три-четыре дня подряд», а «литовцы и русские», «откинув всякий страх, повсюду поражают их» [108] и слов Михалона: «Враги наши татары смеются над нашей беспечностью, нападая на нас, погруженных после пиров в сон. „Иван, ты спишь, — говорят они, — а я тружусь, вяжу тебя"». Чем же были порождены безмерная идеализация татар и столь же преувеличенный критицизм в отношении литовцев в трактате Михалона? Ответ на этот вопрос — в самой исторической действительности. XVI век — время больших перемен в общественно-политической жизни и каждодневном быту всей Восточной Европы, в том числе и Польши и Великого княжества Литовского. Сдвиги, затронувшие все без исключения стороны жизни, породили богатейшую публицистику, проникнутую чувством тревоги за будущее и морализаторским обличительством мнимых и реальных пороков общественной и частной жизни. Трактат Михалона — свидетельство того, что в литовской общественной мысли вырабатывались новые идеалы и

[107] См.: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 169 и др.; Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Пер. С. А. Аннинского. Л., 1936. С. 60.

[108] Герберштейн С. Указ. соч. С. 167.

ценности, опирающиеся на античные образцы и порывающие со средневековьем. И чем возвышеннее и недостижимее был идеал, тем острее и непримиримее была критика современности. Критицизм Михалона, таким образом, становится полностью понятен только в свете противопоставления действительности и идеала.

Правда, при характеристике идеала, положительной программы Михалона Литвина возникает очередная сложность. Она состоит в следующем. Середина XVI столетия — время, когда создавалось сочинение Михалона Литвина, — это и время расцвета Возрождения в Польше и Литве. Однако век его был короток. Начавшись позже, чем в странах Западной Европы, оно быстрее уступило место культуре барокко и в самом себе несло черты неполноты, незаконченности и преждевременных противоречий. Возрождение в Великом княжестве Литовском и Польше складывалось на неадекватной по сравнению с Западной Европой — основе. Его питательной средой были не столько города, сколько фольварки, не столько горожане, сколько шляхта. Поэтому и идеалы, образцы, ценностные ориентации польской и литовской культуры Возрождения отмечены печатью сословной ограниченности, шляхетско-феодальной идеологии. Самыми характерными выражениями этого был сарматский миф, сарматизм в Польше [109] и римская легенда в Литве.

Преклонение перед античностью характерно было для всего европейского мира эпохи Возрождения. Для образованных людей того времени их собственный мир был продолжением античного, а современные государства — преемниками и носителями римской власти, наследием Римской империи. Стоит вспомнить хотя бы Фр. Петрарку, стоявшего у истоков итальянского гуманизма: «Что же есть вся история, как не римская слава?» [110]. Согласно сарматской легенде, польская шляхта генетически восходит к сарматам (т. е. ираноязычному населению степей от Тобола до Дуная III в. до н. э. — IV в. н. э.). Сарматы участвовали в войнах понтийского царя Митридата против Рима в I в. н. э. В античной литературе этого времени территория Скифии стала именоваться Сарматией. В польской же литературе эпохи Возрождения, в которой античность становилась синонимом всего наидостойнейшего, наиславнейшего, героического, требующего восхищения и подражания, сарматы уже по соотнесению с античным Римом были отождествлены с римлянами. Согласно легенде, изложенной Яном Длугошем еще в

---

[109] Tazbir J. Recherches sur la conscience en Pologne en XVI et XVII siècles // Acta Poloniae historica. T. XIV. Warszawa, 1966; Idem. Rzeczpospolita i świat. Studia z dziejów kultury XVII w. Warszawa, 1971. S. 23—43; Ulewicz T. Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950; Cynarski S. The Shape of Sarmatian Ideology in Poland // Acta historica. 1969. T. XIX.

[110] Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 62.

XV в., сармат (римлянин) выступает прародителем шляхты[111].

Параллельно с польским «сарматским» мифом в Литве формировался «римский». Немецкий хронист Петр Дусбург в XIV в. сообщал о сражениях пруссов, родственных литовцам с воинами Цезаря. К Риму возводил он и название древнего святилища пруссов и литовцев Ромове[112]. Длугош в «Истории Польши» упомянул о происхождении литовцев от римлян[113]. Вплоть до XVI в. бытовали и другие предания, согласно которым древние литовцы-пруссы воевали не только с Цезарем, но и с Александром Македонским или же были потомками воинов этих полководцев. В качестве прародителей литовцев в легендах фигурировали иногда геты, аланы, готы[114].

Польская традиция XV в. сохранила несколько вариантов легенды о литовцах как потомках древних римлян. Вероятно, в этом нашел выражение интерес различных общественных кругов к новой правящей в Польше литовской династии Ягеллонов[115]. Ректор Краковского университета Ян из Людзишки в своем приветствии новому избранному в 1447 г. королю Казимиру Ягеллону высказал надежду, что король из династии, происходящей от римских консулов и преторов, сумеет ограничить произвол светских и духовных магнатов. Один из первых гуманистов Польши Ян Остророг в речи, обращенной к папе Павлу II, не только восхвалял природу Польши (включая в нее и Литву), но и прославлял победы древних жителей этой земли над Юлием Цезарем: они-де сумели отвоевать его город (город Юлия), то есть Вильнюс. Идеи Остророга — сторонника независимости от папства были отвергнуты в Италии. Впрочем, там не усомнились в возможности контактов гетов-литовцев с римлянами[116]. Распространялись в это время и легенды о битвах гетов с Александром Македонским. В них соединилась античная традиция с библейской (о гетах-даках как потомках Яфета). В целом все эти легенды[117] относились, по определению

---

[111] См.: Тазбир Я. Привилегированное сословие феодальной Польши // Вопросы истории. 1977. № 12. С. 159—167; Tazbir J. Wzórce osobowe szlachty // Tazbir J. Szlaki kultury polskiej. Warszawa, 1986. S. 40—55.

[112] Scriptores rerum prussicarum. T. 1. Leipzig, 1861. P. 39, 53.

[113] Kulicka E. Legenda o rzymskim pochodzeniu litwinów i jej stosunek do mitu sarmackiego // Przegląd historyczny. 1980. N 1. S. 1—20.

[114] Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 63—68 и др. Характерно, что «готские» легенды, как и другие предания (например о Вайдевуте) использовались как идеологическое оправдание агрессии немецких крестоносцев.

[115] Jurginis J. Legendos apie lietuvių kilme. Vilnius, 1971; Jučas M. Lietuvių metrasčiai. Vilnius, 1968; Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 66.

[116] Humanizm i reformacja w Polsce. Lwów, 1924. S. 55—59; Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 69—70.

[117] **К чести выдающегося польского гуманиста Ф. Каллимаха нужно** сказать, что он считал римскую легенду лишенной каких бы то ни было исторических оснований. (Humanizm i reformacja w Polsce. S. 132—136; Callimachus Buonacorsi P. Vita et mores Sbignei Cardinalis // Pomniki dziejowe Polski. Warszawa, 1961. T. 6. P. 243—246; Tumelis J. Pilypo Kalimacho žinios apie lietuvių kilmę // Lietuvos istorijòs metraštis. 1985. Vilnius, 1986. P. 94—100).

М. Рочки, к монархической модели теории о римском происхождении литовцев: основатели национальных династий возводились к Юлию Цезарю. Существовала и другая модель — республиканско-аристократическая, которая связывала литовцев с Помпеем, противником Цезаря.

Уже само обращение к имени Помпея придавало легенде в глазах современников иную, «республиканскую» направленность, выражавшую интересы аристократических кругов. Именно эту версию изложил Ян Длугош в своей «Истории Польши»: развивая теорию Петра Дусбурга, он указал, что Ромове было основано бежавшими от преследований Цезаря сторонниками Помпея. Даже название «Литуаниа» (Litvania или Lituania) он возводил к искаженному «l'Italia». Но не только топонимы свидетельствовали, по Длугошу, о римском происхождении древних литовцев: он привел и факты сходства языка, обычаев и верований (почитание одинаковых богов, огня, грома, леса, культ Эскулапа) [118]. Хотя труд Длугоша остался ненапечатанным (по причине негативного отношения к правящей династии и самого хрониста и его могущественного покровителя Збигнева Олесницкого) [119], он оказал заметное воздействие на формирование римской легенды происхождения литовцев [120]. Так, по политической направленности к легенде, изложенной Длугошем, весьма близка версия литовских летописей: согласно ей, во времена Нерона от его жестокостей бежали 500 римских семей во главе с Палемоном. От них-то и произошла не только правящая династия, но и наиболее могущественные литовские фамилии XVI в. [121] Рочка показал, что в фантастическое повествование для придания ему некоторой правдоподобности внесены и реальные имена: Палемон был правителем Понта и Боспора. После войн Рима со скифами, опустошившими Крым, он покинул свои владения, превращенные в римскую провинцию [122].

Михалон сознательно избирает «цезаристский» вариант легенды. Он отвергает легенду о Палемоне, хотя версия ему известна [123], не приводит никаких фантастических генеалогий аристократических литовских родов, восходящих к римлянам. Литва у него — это завоеванная воинами императора провинция,

---

[118] Dlugosz J. Dzieje Polski. T. I. Kraków, 1867. S. 131—132; T. III. Kraków, 1868. S. 442—447. Отметив, что языковые отличия возникли из-за соседства с чехами, поляками и русскими, Длугош не привел примеров. Ср.: Jakubowski J. Studia nad stosunkami narodowościowemi na Litwe przed unią Lubelską. Warszawa, 1912. S. 31.

[119] О влиянии на Длугоша Зб. Олесницкого см.: Koczerska M. Jan Dlugosz devant ses sources et leurs silences // L'historiographie médiévale en Europe. Paris. 29 mars — 1 avril 1989. Paris, 1991. P. 97.

[120] Ferrerius Z. Vita beati Casimiri... Cracoviae, 1521; Меховский М. Указ. соч. С. 98—99.

[121] См.: Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 130—172.

[122] Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 78—80.

[123] Ibid. P. 87—88.

подобная Дакии — Валахии — Румынии[124]. Переселение же этих воинов он приурочил к событию, действительно имевшему место, — к буре, разметавшей суда воинов Цезаря, направлявшихся в Британию. Вместе с тем в трактате не приводится полновесных доказательств происхождения литовцев от римлян: Литвин пропустил сходство культа земли у этих народов, не сообщил о распространении в Литве близкого к культу Эскулапа бога Аушаутаса. Весьма своеобразна его позиция по отношению к язычеству. Его современники — защитники католичества (Гусовский — автор знаменитой «Поэмы о зубре»[125]) или протестантизма (Мажвидас)[126] — резко осуждали язычество. Михалон же исполнен гордости за литовский народ, сохранивший древнюю веру предков, что также, по его мнению, роднило литовцев с римлянами. Сочетание христианской веры с гордостью за сохранение язычества — любопытная черта своеобразной ментальности образованного литовского дворянина середины XVI в., отнюдь не догматически воспринимавшего религиозные каноны и догмы. Такой взгляд на древние обычаи и мифологию является попыткой использовать культурный опыт народа в патриотических целях.

Михалон не привел новых сравнительно с предшественниками доказательств родства литовцев и римлян. Особое внимание, подобно Длугошу, он обратил на сходство латинского и литовского языков, однако его параллели с точки зрения современного языкознания некорректны: он сопоставляет слова в различных грамматических формах (в именительном на латинском языке и родительном на литовском).

С теорией о римском происхождении литовцев тесно связано и резко отрицательное отношение Михалона к чуждому «рутенскому» языку, московитской письменности, употреблявшихся и в делопроизводстве, и в законодательстве, и в суде. Наряду с «рутенским» бытовала и латынь, она была языком международных договоров с западными странами, языком важнейших общеземских привилеев, документации католической церкви. Все большее значение приобретал и польский язык. На сере-

---

[124] Ibidem. Не случайно и то, что Флор, единственный упомянутый Михалоном античный автор — защитник Цезаря против Помпея, сторонник доктрины продолжателя Цезаря Августа.

[125] Распространение гуманистических идей в Европе, и особенно в Италии, сопровождалось противопоставлением язычества христианству (Маккиавели). Литовское язычество в середине XVI в. воспринималось не так отрицательно, как это было ранее и позднее (Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 136—137). В этой связи заслуживает упоминания позиция поляка по национальности М. Гусовского (Ochmański J. Narodowość Mikolaja Hussowskiego w świetle jego autografu // Słowiańszczyzna i dzieje powszechne. Warszawa, 1985. S. 312—318), оказавшего сильное воздействие на литовскую и белорусскую культуру. На публичное жертвоприношение черного быка во время эпидемии чумы в Риме в 1522 г. он ответил резкими стихами, опубликованными в 1523 г. вместе с «Поэмой о зубре». См.: Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 136.

[126] Mažvydas M. Op. cit. P. 93.

дину XVI в. приходится образование литовского литературного языка и формирование литовской интеллигенции, говорившей на нем (впрочем, и до этого литовский язык звучал на заседаниях Рады панов и в судебных учреждениях) [127]. Большую роль в этом отношении сыграло издание в 1547 г. первой книги на литовском языке — «Катехизиса» М. Мажвидаса [128]. Будущее, конечно, принадлежало национальному языку, но распространение латинского обогащало и его и всю литовскую культуру опытом античности, активно включало Литву в круг европейских народов, применявших латынь [129].

Михалон был не одинок в прославлении языка предков — латыни [130]. О тождестве этих языков писал его сын Венцлав Агриппа. В обращении к Стефану Баторию в 1583 г. в предисловии к латинскому переводу Литовского статута (Epitome principum Lithuaniae), вероятно, написанном А. Ротундусом, также проводилась мысль о необходимости возвращения к латинскому языку и резкой критике были подвергнуты сторонники использования польской письменности. Во всех этих сочинениях отчетливо прослеживается идея литовского национального самосознания.

В целом легенда об итальянском происхождении литовцев, составляющая смысловую и аксиологическую ось всего трактата Михалона, важна не только сама по себе как причудливый поворот в становлении и развитии исторического сознания и самосознания литовской шляхты, но и как попытка обособить литовцев среди других народов Восточной Европы, найти для них отдельное место, на ее этнической карте отыскать как можно более древних предков, возвысить себя в собственных глазах по праву наследования древнеримских добродетелей и доблестей. Эта легенда, сopoложенная сарматскому мифу польской шляхетской культуры, противостояла теории римского происхождения русских великих князей и царя, согласно которой Рюрик причислялся к потомкам Августа кесаря. Русская монархическая легенда, как и один из вариантов литовской римской, была соединена с библейским мифом. Зафиксированная в 20-е гг. XVI в. в «Сказании о князьях владимирских», она с тех пор неизменно излагалась русскими дипломатами на всех переговорах с литовскими и польскими послами. Легенда об Августе

---

[127] Jablonskis K. Martynas Mažvidas // Jablonskis K. Lietuvių kultūra ir jos veėkeijai. Vilnius, 1973. P. 36—37; Ochmański J. Litewski ruch narodowo-kulturalny w XIX wieku. Białystok, 1965. S. 49—50.

[128] Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 32.

[129] Jurginis J., Lukšaite J. Lietuvos kultūros istorijos bruožai. Vilnius, 1981. P. 124; Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 44—49.

[130] Впрочем, разрыв со старинной русской традицией в деловой и юридической письменности в то время был совершенно нереален, в особенности для государства с преобладающим «русским» элементом, учитывая обострение борьбы с восточным соседом за земли с населением, родственным этнически и близким конфессионально тому, которое преобладало на украинских и белорусских землях Короны Польской и Литовского княжества.

кесаре в 80-е гг. XVI в. проникла и в польскую литературу[131]. Возводя всех литовцев к римлянам (подобно Стрыйковскому, который находил филологические доказательства древности народа и связи литовцев с сарматами: литуаны — это лит-аланы — племя, соседствующее с германцами, гетами, сарматами[132]), Михалон Литвин тем самым нейтрализовал доводы русской стороны о древности их государей. Ведь для Михалона, как и короля Сигизмунда-Авуста, царь Иван IV оставался лишь великим князем; Михалон называл его «верховным» — «sumus dux». В Литовском княжестве считали, что русские князья подвластны литовскому князю: здесь никак не могли забыть условий соглашения Василия I с Витовтом, согласно которому предусматривалась опека литовского князя над наследником московского великокняжеского престола. Михалон Литвин счастливо связал в единой мифологеме постулаты этнического самоопределения с ренессансно-гуманистическими по духу идеями. Для него существенно не только то, что «рутенский язык чужд нам, литвинам, то есть итальянцам, происшедшим от италийской крови», но и то, что «московские письмена», в отличие от латинского, «не побуждают к доблести», в то время как доблесть составляет едва ли не главное качество, унаследованное литовцами от римлян. Именно доблесть позволила «нашим предкам, воинам и гражданам римским», соратникам Юлия Цезаря, претерпеть все невзгоды и опасности, долгое время «жить в шатрах с очагами, по военному обычаю», а потом покорить ятвягов и рутенов, избавив последних от власти заволжских татар (фр. 6). Потом они распространили свое владычество «от моря Жемайтского, называемого Балтийским, до Понта Эвксинского», создав громадную державу[133]. Согласно этой легенде, уже Миндовг принял «святое крещение», корону и королевский титул, хотя «по смерти его как титул королевский, так и христианство погибли», пока не возродились в годы Кревской унии 1385 г.[134]

Миф об итальянском происхождении литовской шляхты и органически связанный с ним социально-этический идеал составляют ключ ко всему трактату Михалона Литвина. Идеализация татар и русских и столь же преувеличенная критика литовских порядков и могут быть поняты только в связи с названным мифом-идеалом. Нетрудно заметить, что на татар распространены те же черты, какие приписаны и легендарным предкам литов-

[131] Sarnicki S. Annales sive De origine et rebus gestis polonorum et Lituanorum libri octo. Cracoviae, 1587. P. 319; Ročka M. Mykolas Lietuvis. S. 58—60.

[132] Stryjkowski M. Kronika polska... T. 1. Warszawa, 1846. S. 21; Ročka M. Mykolas Lietuvis. S. 63.

[133] Она включала Вязьму и Дорогобуж, Белу и Торопец, и даже якобы Псков и Новгород (Гл. 5).

[134] Ср.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 50—52; Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 379.

ской шляхты: воинская доблесть, бескорыстие, воздержанность, бесстрашие, справедливость.

Подобно И. С. Пересветову, обратившемуся в поисках образца к Османскому султанату[135], внешнеполитические успехи которого были не только очевидны, но и поразительны, так что состояние этого государства представлялось почти идеальным, Михалон Литвин стал поклонником Крымского ханства. Сравним, как Михалон характеризует древних литовцев и как — крымских татар. «Предки наши избегали заморских яств и напитков. Трезвые и воздержанные, всю свою славу они мыслили в военном деле, удовольствие — в оружии, лошадях, многочисленных слугах, во всем сильном и храбром...». Теперь же татары превосходят литовцев всеми этими добродетелями: «трудолюбием, любовью к порядку, умеренностью, храбростью и прочими достоинствами, которыми упрочиваются королевства». Они не заботятся о приобретении имущества, живут в соответствии с суровыми заповедями Ветхого завета.

Почему стало возможным такое, казалось бы, очень неожиданное, перенесение черт античной доблести и римских добродетелей на степняков-кочевников? Причина этого кроется не столько в действительном превосходстве крымских порядков[136], сколько в остром недовольстве литовскими реалиями. Вся Европа от Франции (где с 1480 до 1609 г. появилось более 80 книг, посвященных туркам)[137] до Германии, Польши и Венгрии к середине XVI в. испытывала не только страх и ненависть перед Османской империей, но и любопытство, переросшее в острый интерес и во многих случаях в восхищение и своеобразное туркофильство. Ульрих фон Гуттен надеялся на турецкую реформацию, Т. Кампанелла и Ж. Боден советовали подражать турецким порядкам. Лютер отдавал предпочтение турецкому духовенству в противовес католическим священникам. Т. Спандужино восхищался высокоорганизованным и прекрасно управля-

---

[135] См.: Зимин А. А. Пересветов и его современники. М., 1959; Сочинения Пересветова. М., 1958; Ржига В. Ф. Пересветов и западная культурно-историческая среда // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Спб., 1911. Кн. 3. С. 169—181.

Михалона Литвина и Пересветова сближает и избранный обоими метод — антитеза-аллегория, в которой у Пересветова, согласно наиболее распространенной европейской традиции, положительную сторону представляет Турция. Мыслители одной школы, по-разному проявившиеся в разных обстоятельствах, они, по предположению Рочки, могли быть знакомы (Ročka M. Mykolas Lietuvis. P. 171). Ведь Пересветов сообщает, что привез свои сочинения из Литвы.

[136] Лишь часть информации Михалона о татарах (их военных походах, переправах через реки, способах ведения боя, вооружении), вопреки мнению Е. Охманьского, может быть признана достоверной (см. подробнее комментарии М. А. Усманова к наст. изд.).

[137] Coles P. The Ottoman Impact on Europe. L., 1968. P. 152.

емым Османским государством[138]. Даже в Польше, где очень сильны были антитурецкие настроения (их разделяли Ст. Ожеховский, М. Бельский, Х. Варшевицкий, П. Грабовский и др.), слышались голоса восхищения турками. Одних, как гетмана Я. Тарновского, пленяли армейские порядки и вооружение турок, других, как М. Рея, — отсутствие наследственных сословий (стихотворение «Турчин»), третьих, как Э. Отвиновского, попавшего в 1557 г. в Стамбул, — возможность стать господином за заслуги и мужество («там господами не рождаются», — писал он).

В неудовлетворенности литовской действительностью лежат и причины восхищения Литвина русскими, их порядочностью и рассудительностью. Михалон прославляет умеренность в России, где якобы не едят пряностей, не пьют вина, но продают его в Литву. Неверно и его известие об отсутствии в России кабаков. Неумерен его восторг по поводу творений Василия Дмитриевича Ермолина в Московском Кремле, которые он сравнивает с Фидиевскими (он пишет о «кремле и дворце с камнями по образцу Фидия», фр. 3). И на этот раз он верен себе, обращаясь к античному образцу. Пожалуй, единственный раз он сообщил точно, что в великокняжеском дворце пьют из золотых чаш и ковшей. Действительно, 18 февраля 1537 г. по окончании столь неудачных для России переговоров великий князь Иван IV, семилетний венценосный «статист», старательно выполняя отведенную ему русским дипломатическим ритуалом роль, собственноручно поднес литовским послам напитки — «фрязские вина и вишневые и малиновые меды в ковшах и в чарах в золотых»[139]. В тот же день послы ходили в «Пречистую», то есть Успенский собор Московского Кремля. Известия о дипломатическом ритуале написаны по собственным, увы, не богатым на реалистические детали воспоминаниям Михалона Литвина.

Татаро- и отчасти русофильство Михалона, объясняющиеся общей тенденцией развития общественной мысли и указывающие на принадлежность его сочинения к гуманистическому направлению в литовской культуре XVI в. со свойственной эпохе Возрождения открытостью навстречу новому, неизвестному, готовностью использовать чужой опыт, уважением к другим культурам, не избавило автора от убеждения в превосходстве собственного народа над соседями. Это чувство «просвечивает» по всему тексту. Татары своими военными успехами обязаны «уловкам и... хитростью», «коварству», род москвитян «хитрый и лживый» (фр. 1), жители Северской земли, почти доброволь-

---

[138] См.: Еремеев Д. Е. На стыке Азии и Европы. Очерки о Турции и турках. М., 1980. С. 105; Егоров Д. Идея «турецкой реформации» в XVI в. // Русская мысль. 1907. № 7. С. 1—14; Schwoebel R. The Shadow of the Crescent. The Renaissance Image of the Turk (1453—1517). Nieuwkoop, 1967. P. 208—213.

[139] Сб. РИО. Т. 59. № 6. С. 107.

но перешедшие под власть Ивана III в конце XV в., — «люди коварные и вероломные, всегда неискренние и ненадежные» (фр. 9). Столь же нелестных характеристик, по преимуществу с религиозной точки зрения, удостаиваются и евреи. Горечь военных поражений, чувство отчаяния от безысходности внутреннего положения своей родины толкали Михалона к критическим характеристикам иных народов[140]. Впрочем, это картина, знакомая по всем кризисным временам.

Неадекватные характеристики соседей и этносов дополняются у Литвина уверенностью в преимуществах собственного народа: «сколько бы ни встречались с ними (татарами. — *Авт.*) в этом столетии наши люди, выходило на поверку, что мы сильнее» (фр. 1); «москвитяне и татары намного уступают литвинам в силе» (фр. 1). В этом своеобразном патриотизме Михалон черпает уверенность в возможности преодоления кризиса в литовском обществе. И это до боли знакомо... В советской научной литературе Литвину до сих пор отводилась роль защитника угнетенных крестьян и горожан, выразителя «их протеста против феодального засилья и жестокой эксплуатации». Ему приписывался идеал равенства сословий, требование их равного участия в государственном управлении, взгляд на труд как на основу процветания общества и государства[141]. В сочинении Михалона Литвина усматривалась даже «идеализация общества, где нет частной собственности и социальной несправедливости»[142]. Социальные идеалы Михалона, как и его политические воззрения, не могут быть рассмотрены вне сконструированного им мифа и без учета риторических элементов его сочинения. Характеристика образа жизни татар как «патриархального, пастушеского, какой некогда, в золотой век, вели святые отцы, и из них также выбирались народные вожди, короли и пророки», следуя «сове-

---

[140] Особенное неодобрение вызывают у него московские перебежчики, которые «тайно передают своим наши планы». Таких, по Михалону, татары держат в неволе, а ливонцы убивают. Свою неприязнь он подкрепляет ссылками на Иисуса, сына Сирахова: «Не верь врагу твоему вовек», «не ставь его подле себя, чтоб он, низринув тебя, не стал на твое место». Об эволюции образа татар в польской общественной мысли XVI—XVIII вв. см. подробнее: Bogucka M. Szlachta polska wobec wshodu turecko-tatarskiego: między fascynacją a przerazeniem (XVI—XVIII w.) // Śląski kwartalnik historyczny Sobótka. 1982. N 3—4. S. 185—193; Tazbir J. Stosunek do obcych w dobie Baroku // Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej. Pod red. Z. Stefanowskiej. Warszawa, 1973. S. 80—112; Tazbir J. Orient a kultura sarmacka // Tazbir J. Spotkania z historią. Warszawa, 1986. S. 55—63.

[141] См.: Сокол С. Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии. С. 35—64; он же. Идеи гуманизма в мировоззрении Михайло Тышкевича. С. 199—204; он же. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI — первой половины XVII в. Минск, 1984. С. 82—83, 91—92, 94; Александровiч А. Михайла Цiшкевiч // Полымя. 1968. № 4. С. 251—252; Из истории свободомыслия и атеизма в Белоруссии. Минск, 1978. С. 102—104; История философии в СССР. Т. 1. М., 1968. С. 245.

[142] Сокол С. Ф. Социологическая и политическая мысль Белоруссии... С. 46.

ту Соломона», вполне соответствует общему пафосу его сочинения. И когда Михалон говорит об отсутствии у татар «недвижимого имущества... кроме колодцев», и об их воздержании и умеренности, об отсутствии среди них воров, клятвопреступников и т. д. — все это не более чем ностальгическая дань мифу о добрых старых временах, сохранившихся у соседей и обязательному для него риторическому красноречию. Аналогичные высказывания принадлежат тем идеологам польской шляхты, которых никак не заподозрить в симпатиях к сословному эгалитаризму и неприятии феодального строя [143]. Вряд ли Михалон и его читатели воспринимали подобные идеалы всерьез, вне их литературно-публицистической обработки. Такие идеи, оставаясь недостижимыми и утопическими мечтаниями о «золотом» невозвратном веке, не составляли *программы* социальных преобразований. «Речь шла не о программе реформ, отвечающих новой ситуации и новым требованиям, не о трезвом анализе социальной действительности, но о мифологизировании ее при помощи риторики громких слов и пафоса, подражающего римской традиции, которую приспосабливали к положению Польши» [144]. Но даже в этих идиллических мечтаниях нет призыва к сословному равенству, а только несбыточная надежда на социальную гармонию различных сословий.

Есть, правда, в социальном обличительстве Михалона и вполне реалистические мотивы. В частности, речь идет об осуждении им с нравственно-христианских позиций института рабства и крепостного права. Михалон не предлагает уничтожить самого института холопства. Он ограничивается лишь указанием на пример крымцев, которые якобы справедливо обращаются с рабами и не держат их в рабстве более семи лет, и «Московии», где холопов якобы казнит столичный судья или судьи. «А мы держим в вечном рабстве [людей], не добытых в сражении или за деньги, не чужеземцев, но нашего рода и веры, сирот, бедняков, состоящих в браке с невольницами». Не вполне ясно, касались ли слова Михалона только рабов (а такие существовали в Литве и признавались Литовским статутом 1529 г. [145]) или они распространялись и на крепостное крестьянство. Во всяком случае, обличая крепостные или еще более тяжкие формы зависимости, Литвин выступал вместе с целой когортой польских публицистов (а в конце XVI в. к ним присоединились

---

[143] О равнодушии «наших предков» к собственности, жизни вне богатства и вне бедности, отсутствии среди них ссор, убийств, предательств и измен писал, например, М. Кромер (Kromer M. Polska. Olsztyn, 1977, S. 65—68), об отсутствии воровства у татар — М. Меховский (Меховский М. Указ. соч. С. 60), об отсутствии денежного обмена и свободном пользовании чужим имуществом — С. Герберштейн (Герберштейн С. Указ. соч. С. 169).

[144] Suchodolski B. Dzieje kultury polskiej. S. 93.

[145] Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Изд. под ред. К. И. Яблонскиса. Минск, 1960. Разд. XI. С. 202—205.

и иезуиты), которые требовали ограничить крепостное право и сословное всевластие феодалов [146].

«Фрагменты» Михалона — памятник не только общественной мысли и дворянской идеологии, но и особой шляхетской ментальности. В нем отразились некоторые базовые, неотрефлексированные и не идеологизированные стереотипы сознания среднего литовского дворянина, прошедшего, правда, через горнило университетского образования и приобщившегося отчасти к гуманистической культуре.

Характерен в этом отношении идеал единообразия и некоторого уравнительного опрощения, выраженный Михалоном. Ему импонирует, что татары «обнаруживают равенство и однообразие одежды, и сходным образом жизни», просты у них также и правосудие, и управление, и семейная жизнь, и религия, и патриархальные отношения между людьми, старшими и младшими. Правда, как можно приметить, этот эгалитаризм и униформизм предусмотрены только для простолюдинов. Эта «простота» входила в систему ценностей, исповедуемых польско-литовской шляхтой в XVI в. Наряду с ней ценностными ориентирами выступали мужество, воинственность, суровость, гражданская ответственность, справедливость, преданность, открытость, умеренность в потребностях, личное достоинство, сословная солидарность и пр.

Сочинение Михалона дает возможность познакомиться и с его представлениями о женщине, семье, любви и их месте в жизни общества и человека. Он весьма противоречиво, вопреки христианской морали и традиции (но со ссылкой на Библию), оправдывает институт многоженства, подходя к нему прагматически и поставив во главу угла потребность государства в воинах. Более того, если поверить Михалону, то многоженство делает татар счастливыми в супружестве, не вызывая у женщин ни протеста, ни ревности. Татары и московитяне удостаиваются похвалы за то, что «не дают женщинам никакой воли». Михалон считает постыдной власть женщины даже внутри дома. Один же из пороков литовской жизни он видит в том, что женщины надменны, стремятся быть богатыми и красивыми. Страшнее же всего власть и богатство, которыми иногда оказываются наделены женщины. Михалон критикует и порядок, при котором женщинам принадлежат многие крепости, в то время как их «следует вверять только сильным духом мужчинам».

---

[146] Особенно непримиримо и решительно были настроены идеологи радикально-реформационного движения «польских братьев», утверждавшие, что христианину не годится жить трудом, потом и кровью его собратьев-крестьян, и предлагавшие ликвидировать крепостное право и сословное неравенство. См.: Лепший К. Социальная программа плебейского крыла польского арианства // Доклады и сообщения Института истории. Вып. 9. М., 1956. С. 153—166; Tazbir J. Reformacja a problem chłopski w Polsce. Wrocław, 1953; Historia chłopów polskich. T. I: Do upadku Rzeczypospolitej szlacheckiej. Warszawa, 1970.

Он поднимает голос и против установлений Первого литовского статута, который предусмотрел выделение женщинам в качестве приданого части наследства. Критика всевластия женщин в трактате Литвина была, вероятно, направлена и против вдовствующей королевы-матери Боны, от опеки которой Сигизмунд II Август мечтал избавиться.

Михалон, выразив формальное сочувствие к «бедным» женщинам, содержимым татарами взаперти, бесправным и принуждаемым к нелегким домашним работам, тем не менее не может не позавидовать постоянству, послушанию, согласию друг с другом, равнодушию к наложницам и целомудренности татарских жен, с одобрением отзываясь о смертной казни за прелюбодеяние. Такой откровенный антифеминизм — редкость для шляхетской культуры XVI—XVII вв.[147] Неожиданного единомышленника Михалон сыскал лишь в Анджее Фриче Моджевском, который одобрял ношение чадры и вообще зарекомендовал себя ригористом в вопросах семьи и брака[148]. В целом шляхетской культуре было свойственно либеральное и снисходительное отношение к вопросам пола и эротики, а женщины пользовались равноправием, большой свободой и «были окружены в шляхетском обществе почитанием и даже своеобразным культом»[149]. Антифеминизм Михалона Литвина выглядит на этом фоне анахронизмом, подчеркивающим лишний раз различия между литовской и польской шляхтой.

Можно ли говорить о религиозной и национальной терпимости Михалона? Навряд ли. Апологетическое, хвалебное отношение к мусульманству продиктовано жанром произведения и избранным публицистическим приемом. Оно не мешает Михалону назвать мусульманские представления о рае «скотским заблуждением» и в высшей степени враждебно отзываться о евреях. Утилитарное отношение к религии было, разумеется, чуждо религиозному фанатизму, но не более того. Принципы Михалона отвечали умонастроениям основной массы шляхты и не вполне вписывались в ту «модель мира», которая была создана лучшими представителями польского дворянства, отстаивавшими принципы веротерпимости. В отношении же к евреям, которые воспринимались прежде всего как иудеи, решающим был религиозный, а не этнический момент, и Михалон в данном случае отразил общую черту шляхетской ментальности в восприятии этой группы населения[150].

[147] Kuchowicz Z. Milość staropolska. Wzory — uczuciewość — obyczaje erotyczne XVI—XVIII wieku. Łódż, 1983. S. 180—224.

[148] Ibid. S. 105, 113, 197.

[149] Тананаева Л. И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 24—25.

[150] Tazbir J. Państwo bez stosów. Szkice z dziejów tolerancji w Polsce XVI i XVII w. Warszawa, 1967; Korolko M. Klejnot swobodnego sumienia. Warszawa, 1974. S. 1—166; Bystroń J. S. Dzieje obyczajów w dawnej Polsce. T. I. Warszawa, 1976. S. 63—67; Tazbir J. Żydzi w opinii staropolskiej // Tazbir J. Świat panów Pasków. Łódź, 1986. S. 213—241.

Мотивы и идеи, порожденные гуманистической культурой, использование античных образов, реминисценции античной философии и риторики (характерна в этом отношении стоическая по духу речь польского пленника, обращенного в раба) — все это присутствует в сочинении Михалона Литвина. Равным образом ему не чужды и реформационные настроения, хотя скорее эразмианского, чем лютеровского толка.

Михалон Литвин являет собою пример хорошо образованного, сформировавшегося под влиянием гуманизма и реформационных идей шляхтича-прагматика, политика, публициста. Ренессанс воспитал в нем гражданина, надеявшегося на применение в государственно-политической практике некоторых принципов гуманистической культуры[151]. Однако уже в сознании

---

[151] Можно, по-видимому, говорить о том, что некоторые из его надежд оправдались. Виленский сейм 1551 г. обсуждал как раз те вопросы, которые были поставлены Михалоном Литвином: исправления статута 1529 г., организации суда, размеров «вин» и «пересуда» и др. Король, как и на сеймах 1544 и 1547 гг., дал согласие на образование специальной комиссии для исправления статута из «пяти особ закону римского, а других пяти особ закону греческого» (РИБ. Т. XXX. Юрьев, 1912. Стб. 120—121, 138—139, 183—184) и на этот раз даже определил источники финансирования ее деятельности. В 1551 г., в отличие от сеймов 1544, 1547 гг., было принято решение об организации поветовых судов и, таким образом, король удовлетворил требование шляхты, а мертвая буква закона (поветовые суды значились и в статуте 1529 г.) нашла воплощение в реальном учреждении. Поветовые суды должны были заседать четыре раза в год в течение четырех недель на определенном месте по вопросам апелляции этих судов, воеводы и старосты — дважды в год приезжать «до местец своих воеводских столечных», один раз в год действовали «роки судовые великие» для рассмотрения дел всех тех, кто не подлежал поветовому суду (там же. Стб. 127—128, 144—145, 185—186). Правда, король не отменил особой подсудности панов рад, а в 1554 г. отложил рассмотрение этого вопроса до нового статута. На виленском сейме 1551 г. король подтвердил права и вольности правящего сословия, пообещав принять меры, чтобы назначенные на высокие уряды православные не приносили государству вреда. По распоряжению короля была вдвое уменьшена плата за «пересуд» и вижевание (там же. Стб. 188—189, 126—127, 146, 192). При этом Сигизмунд II Авуст указывал, что оспариваемый шляхтой порядок платы за пересуд был установлен еще Витовтом.

Был изменен и порядок выкупа поличного «Лицо великое», т. е. украденное, стоимостью свыше 100 коп грошей, выкупалось полтиной грошей, менее 10 коп — 12-ю грошами, а при отсутствии денег отдавалось даром (там же. Стб. 192—193). Стоит отметить, что в дополнительных статьях пространной редакции Первого Литовского статута положение о возврате поличного было изложено ближе к тексту Михалона. Так, в Слуцком списке «лицо — реч важная, албо шаты, або сребо, або кони добрые» отдавались даром в случае несостоятельности вора (Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Ст. 28. Разд. XIII; об эволюции нормы см.: Старостина И. П. Некоторые особенности развития права восточнославянских земель в Великом княжестве Литовском // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 124—127). Убийца, пойманный на месте преступления — «на горачей крови», отныне должен был быть «каран водле права Божего смертью, нехай идеть голова за голову» (РИБ. Т. XXX. Стб. 191). Решение сейма 1551 г. обнаруживает точные совпадения с текстом Михалона, который также ссылается на «Божье право». Разумеется, далеко не все предложения Михалона нашли отражение в деятельности сейма. Выше уже отмечалось, что сохранялась особая подсудность панов рад, не был разре-

самого Михалона Литвина ценности и идеалы гуманизма вступали в противоречие со стереотипами шляхетской ментальности. В целом сочинение Михалона Литвина может быть прочитано как памятник складывающегося литовского самосознания, особой, шляхетской гражданственности, освобождающейся от сословного эгоизма, гуманистически-реформационного настроения, стремящегося ответить на общественные потребности эпохи перехода от средних веков к Новому времени.

шен и вопрос об ограничении числа приходов у священников («двох альбо трех костелов, т. е. хлебов духовных»).

Тем не менее совпадения, причем близкие по времени, содержания трактата и постановлений Виленского сейма 1551 г. позволяют думать, что труд Михалона не пропал даром.

От переводчика

Текст фрагментов Михалона Литвина представляет немало трудностей для перевода. Главная из них вызвана именно фрагментарностью источника: отсутствие в отдельных случаях более широкого контекста делает невозможным проведение аналогий в употреблении тех или иных латинских слов, имеющем у Михалона (как, впрочем, у большинства авторов, писавших на вульгарной латыни) ряд особенностей, диктуемых своеобразием его родного языка. Известную трудность представляет и то, что памятник сохранился лишь в единственном печатном варианте, содержащем ряд синтаксических искажений, орфографических ошибок и, по-видимому, пропусков, возникших в результате сокращений. Установить их причину и восстановить первоначальное написание можно было бы только при наличии оригинального текста. Все это ведет к неоднозначности толкований ряда мест источника. Об этом свидетельствуют и переводы фрагментов Михалона на русский язык, выполненные в XIX в.

Переводчик старался быть максимально близким к первопечатному тексту, стремясь в то же время к адекватному, а не дословному переводу. В ряде случаев ему приходилось прибегать к помощи предшественников, так как некоторые трактовки прочно вошли в научный обиход, став традиционными.

Следует особо оговорить перевод имен собственных. Все топонимы, гидронимы, этнонимы и антропонимы текста переведены на русский язык или даны в русифицированной форме. Однако в силу лингвистических особенностей памятника часть названий пришлось транслитерировать. К ним относятся: искаженные топонимы, гидронимы и этнонимы: топонимы, географическое содержание которых спорно (например, под Алеманией можно понимать как Швабию, так и Германию в целом); названия, которые вошли в научную литературу (например, Танаис, Борисфен, роксоланы). Все спорные моменты, связанные с названиями, читатель найдет в комментарии к тексту.

Выражаю искреннюю благодарность кандидату филологических наук, доценту Н. А. Федорову (филологический факультет МГУ) за помощь, оказанную в работе над переводом, и научному сотруднику, кандидату исторических наук И. П. Старостиной (Институт российской истории РАН) за консультации по истории литовского права.

В. И. Матузова

Его Сиятельству Октавиану Александру, князю Пронскому, владыке Берестечка и Рязани и т. д. всемилостивейшему господину моему

Сколько бы раз, сиятельнейший князь, я ни участвовал в твоих дружеских беседах, которыми ты меня милостиво удостаивал, обсуждая вопросы теологии и истории, столько раз я молчаливо внимал тебе и восхищался героической душой твоей, и не могу не вспомнить то божественное высказывание: «Великий принцип доблести [состоит в том], чтобы, постепенно закаляя душу, сначала изменять зримое и преходящее, дабы после этим можно было пренебречь. Сколь мягок тот, кому любезно отечество, стоек тот, кому весь мир — отечество, и совершенен тот, кому мир — чужбина». Ибо, покидая отечество, любовно лелеевшее тебя до юношеского возраста в светлейшие правители, с Юлием, братом твоим единственным, которого Господь вот уже два года тому, как призвал в небесное отечество, в Марселе, ты достиг не только отдаленнейших земель Польши, но и самых дальных пределов Германии, где, часто посещая лекции, диспуты и промоции многих прославленных докторов, коими некогда был весьма знаменит Базель, куда ты вот уже несколько лет подряд приезжаешь с таким желанием учиться славным делам, чтобы в тех церквах, которые Господь в обширнейших владениях твоих избрал почетнейшими для Себя, мы могли бы по праву возрадоваться, что у них будет благодетель, столь разносторонний в доблести и учености; с великой радостью обозрел ты и Францию, Италию и Испанию вплоть до Балеарских островов, чтобы по величию ума твоего из первых рук получить уникальное и восхитительное знание языков, а также нравов и законов этих стран.

А самым действенным стимулом для таких героических дел было благоговение перед памятью твоих предков. Ведь каков, Господи, был отец прадеда твоего Рюрик, могущественнейший князь всея Руси, оставивший двенадцати своим сыновьям семь величайших княжеств, а именно: Киевское, Владимирское, Галицкое, Черниговское, Переяславское, Рязанское и Пронское.

Прапрадед твой, владевший Рязанским и славнейшим Пронским княжеством, оставил потомкам светлейшее имя «Пронский».

Прадеду твоему, Георгию Пронскому, Казимир Великий, король польский, оказал ту честь, что, когда князя пленили татары, он освободил его, отправив авустейшее посольство, и со всяческими почестями препроводил в Литву, в Вильну, и послал его с войском на москвитян, а за одержанную победу и другие выдающиеся заслуги перед отечеством и помощь всему коро-

Князь Октавиан Август Пронский. *Гравюра 1615 г.*

левству даровал ему обширнейшие владения. Женат он был на светлейшей княгине Соломерской, прославленной героине.

Брат его, коему он великодушно возместил ущерб, причиненный при дележе наследства, был женат на сестре великого князя московского, от которой имел двоих сыновей. Потом в минувшем столетии один из них, на свои средства снарядив три тысячи всадников, повел их на помощь великому князю московскому против Стефана Батория.

Эти два брата, как и их предки, назывались великими князьями пронскими, как явствует из множества договоров и приви-

легий литовской канцелярии, ибо князья пронские заключали договоры и союзы с королями Польши.

Прапрадед твой Глеб взял в жены дочь тиуна виленского из рода Подбипентов. Он погиб близ Минска в жесточайшей битве с татарами.

Прадед твой, основатель города Белая Церковь, за оказание различных услуг государству Польскому был удостоен воеводства киевского и многих префектур в пределах российских.

Дед твой, Фридрих, воевода киевский, был женат на дочери Богуша Боговитиновича, казначея Великого княжества Литовского, великого человека, весьма чтимого иноземными государями. Сестра ее сначала была замужем за Тенчинским, воеводой краковским, а потом за виленским княжеским воеводой Радзивиллом. От него, по воле Божией, родила она Иоанна, который умер в Дании, и светлейших князей Слуцких, а именно: Георгия, Симона и Александра.

Зятем этого деда твоего был славнейший сенатор вашего королевства г. Иоанн Зборовский, кастелян гнезненский, силы которого сослужили добрую службу королю Стефану Баторию в Гданьской битве.

Отец же твой, Александр, князь Пронский, почти все свое отрочество и юность провел за пределами отечества, отдавшись естественной склонности к изучению языков, изящных искусств и нравов и разных доблестей, а потому он был всю жизнь меценатом и покровителем не только словесности и писателей, но и вообще любой полезной науки, чем вызывал всеобщее восхищение; когда же он достиг зрелого возраста, начала героических доблестей его, то при дворе Карла IX, короля франков, словно в величайшем театре мира, являл зрелища разным народам.

Вернувшись в Польшу, во время избрания нового короля, за любовь к отечеству и за божественное совершенство высших доблестей, которым дивились все герольды короля, он был введен в сенат, назначен кастеляном тракайским и по единодушному согласию Великого княжества Литовского избран легатом во Францию с воеводой виленским, чтобы просить короля Генриха стать правителем королевства Польского. Не было ни одного человека во всей Польше, который не знал бы, какую он стяжал у него милость.

Сколь ревностным был он к любым задачам отечества, тому свидетельством Полоцк, Псков и пр., ведь, на свои средства снарядив весьма многочисленное войско, он привел его к королю Стефану. Не было ни одного татарского нашествия, которому он не противостоял бы своим героическим фронтом, защищая благоденствие отечества не только советами, но и с мечом в руках. Свидетельством тому вся Волынь и Русь; свидетельством тому Олиско, где со своим небольшим отрядом воинов и придворных он напал на татарские когорты и, сражаясь два часа, между прочим, своими руками убил одного яростно оборонявшегося татарского Полифема и одержал победу.

Славит светлейшее имя этого Александра Редка, где он захватил великое множество врагов. Трофеи можно видеть в Берестечке. Известны и многие другие места, где татары не дремали, зная, что герой Пронский неподалеку.

Одним словом, благочестивейший отец твой сослужил добрую службу не только отечеству, но и всему миру христианскому и нередко усмирял варваров-язычников. Не останавливали его великие расходы, не щадил он своей головы. Все дела свои и людей своих посвящал он Господу и отечеству, а душа его была исполнена веры.

Достойны величайшей хвалы следы, оставленные предками твоими, чтобы ты следовал по ним к желанной твоей цели. Да придаст тебе мужества и приободрит тебя пример славного и великого героя г. Рафаэля Лещинского, графа лешненского и пр., воеводы брестского и куявского, кастеляна вислицкого и пр., который среди знати королевства вашего более всех выделялся доблестью, образованностью и упорным стремлением неустанно двигаться вперед во славу Божию, ради покоя церкви и процветания государства.

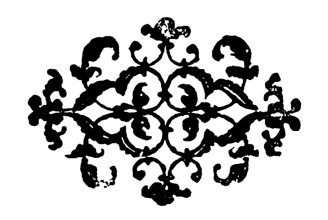
А поскольку, светлейший князь, ты до сих пор со всем вниманием наблюдал за обычаями и нравами немцев, французов, итальянцев и испанцев, а по возвращении твоем на родину, о котором ныне помышляешь, тебе наверняка придется сражаться подчас с татарами и москвитянами, пожелал я сочиненьице это, в котором правдиво описывается жизнь этих врагов, заслуженно адресовать и посвятить славному имени твоему. Первая книжечка вышла в 1550 г. для Сигизмунда-Августа, короля польского, другая была набрана в 1580 г. для князя слуцкого Александра. Обе рукописи оказались у одного приятеля среди известнейших сочинений, присланных некогда из Польши для издания нашему печатнику Петру Перне.

Прими же муз, некогда посвященных великому королю и князю, родственнику твоему, прими муз воскресших, некогда посланных из Польши в Базель, чтобы они увидели свет. Да пошлет Бог-хранитель благой и великий знамение, что я счастливо предвидел, что гений этого творения лишь с тобой и осененный светлейшим именем твоим пожелает вернуться на Родину.

Желаю здравствовать, светлейший князь!

Базель, окт.-кал., 1614 г.

Всецело преданный Вашему Сиятельству
Иоганн Иаков Грассер, пфальцграф

Михалона Литвина о нравах татар, литовцев и москвитян десять фрагментов, содержащих различные истории

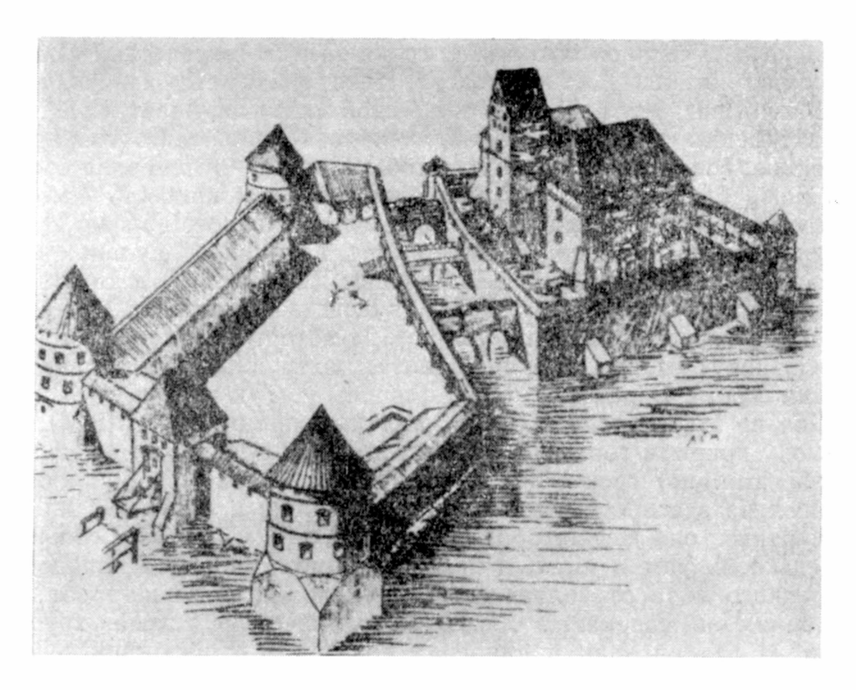

Фрагмент первый

Хотя татары (tartari) [1] считаются у нас варварами и дикарями, они, однако, хвалятся умеренностью жизни и древностью своего скифского племени, утверждая, что оно происходит от семени Авраама [2], и они никогда ни у кого не были в рабстве, хотя иногда бывали побеждены Александром [3], Дарием [4], Киром [5], Ксерксом [6] и другими царями и более могущественными народами: а ныне оно разделено на разные орды (ordas) [7], то есть народы (nationes). Ведь за соседними с нами перекопскими (Precopenses) [8] [татарами] и тесно связанными с ними белгородскими (Belhorodenses) и добруджскими (Dobricenses), живущими на границе Молдавии (Moldaviae), к востоку находятся сильные орды, враждебные перекопским. Одни — ногаи (Nahai) [9], другие — астраханы (Chastorakani) [10], третьи — за рекой Танаисом (Tanaim), называемой Волгой (Volha) [11], заволжские (Zawolsca), [это] родина царя Батыя (caesaris Bati) [12], разорителя Венгрии (Ungariae), некогда господствовавшая над москвитянами (Moschorum) и всеми рутенами (Ruthenorum) [13], принадлежащая ныне нагайцам (Nahaiensibus), четвертые — казанские (Kozanii) [14], пятые — казахские (Kazaczka) [15], также Бухара (Buchar) [16], Самарканд (Samarchan) [17] и, говорят, многие другие, разделенные между 12 императорами (imperatoribus), как обещал господь предку их Исмаилу [18] в книге Бытия, 17, что он родит двенадцать вождей и превратится в великий народ. Из всех же народов татарских только более слабые, но ближайшие к нашим землям (regiones) перекопские, опасны нам, как из-за отсутствия у нас бдительности, так и из-за близости и благоприятного расположения места, куда они могут уйти (receptaculum). Ибо у перекопских [татар] есть место отступления, укрепленное самой природой. Ведь два болотистых озера, одно из которых называется Меотийским (Meotis) [19], простираются от моря в[нутрь] суши примерно на тридцать миль (milliaria) [20] в длину, а друг от друга они отстоят почти на столько же у истоков и на [всем] протя-

жении; концами же они сближаются друг с другом и разделяются узким перешейком; там, где они оканчиваются, они соединяются рвом и высоким валом, имеющим врата, которые являются единственным входом в эту землю (provincia) по суше. Посему и небольшая крепость (castellum), находящаяся у этих врат, и весь заключенный в этом заливе полуостров мы называем Перекоп (Prekop) [21], он прежде носил название Таврики (Taurica) [22], ибо это место обитания и владения (imperium) трапезундских греков (Graecorum Trapezuntinorum) [23], так что до сих пор сохраняют греки там свой греческий язык и веру (religionem). А полуостров этот омывается Понтийским морем (mari Pontica), которое в этой части называется Понтом Эвксинским (Pontus Euxinus) [24], и хотя положение его укрепленное, все же не настолько, чтобы все это — и широкие озера, и рвы, и высокий вал, и крепкая маленькая крепость — могли помешать продвижению мало-мальски обученного войска. И добираются до тех единственных врат Таврики от дальних крепостей Литвы (Litvaniae) [25], Черкасс (Czerkasi) [26] и Брацлава (Braczlaw) [27] за шесть дней, идя всегда поросшими травой и повсюду очень ровными полями [28], на которых нигде не встречаются ни горы, ни леса, ни болота, ни трудные для переправы реки, кроме Борисфена (Borysthenem) [29]. Так ведь и сама Таврика по эту сторону Альп (Alpes) и близ моря (maritima) повсюду покрыта горами и лесами, и ее ныне населяют коренные (aboriginibus) греки. В других же местах она, вся равнинная, населена здесь татарами и повсюду удобна и легка для жизни смертных; она весьма обильна хлебом, вином, мясом и солью [30]. Ведь соль там в ямах, в некоторых реках родится наподобие крепкого льда от солнечного жара; во время летнего солнцестояния она сверкает в обилии своем, ничем не уступая хрусталю. И всякий злак и виноград родит там в изобилии земля, быв однажды вспахана и кое-как взборонена. А скот, рабочий и мелкий, даже и зимой живет на пастбищах и всегда пасется на воле. Ведь после того, как их оставляют, они, освобожденные от поклажи, изможденные и тощие, там, в поле, снова тучнеют. Пучки травы, добытые копытами из-под снега, ничуть не хуже, чем у нас лучший корм и под крышей. Ведь и климат там помягче, а почвы, где болотистые, где соленые. А травы, растущие там, более вкусные; они всегда зелены и превосходны для откорма скота; называются они типеч (tipecz) [31]. Вот почему рассказывают, что некогда там было такое многочисленное население, что каждый греческий город имел по тысяче храмов, и притом с таким горделивым духовенством (clero), что настоятели (antistites) и архимандриты (archimandritae) их въезжали в святилища лишь верхом. Да и поныне, хотя некоторые города там разрушены, все же размерами очертаний их и развалин они являют былое величие, а особенно тот, который мы некогда называли Солхат (Solhoth) [32], москвитяне (Mosci) — Крым (Krym), греки — Феодосия (Theodosia) [33], и старый столь-

ный град (metropolis) Корсунь (Korsunij), князь (princeps) которого крестил народ рутенский и нарек его христианским [34], после же он стал добычей нашего народа и был разорен им [35]. Вот почему Киев (Kiowia) наш в мозаиках и инкрустациях храмов своих до сей поры хранит точные свидетельства об этом разграблении; из добычи которого гнезненской базилике подарена дверь [36]. И с этим вот Корсунем мы обошлись так, что

Резиденция великого князя литовского в Тракае. *Реконструкция*

он вынужден был заплатить дань таврическим (Tauricensibus) христианам, погрязшим в роскоши и праздности, для того чтобы получить в помощь, поработив людей наших, отряд татар со стороны Заволжской Орды (orda Zawolsca) для заселения поместья (feudalem). А когда постепенно окрепла там сила татарская и разрослась поистине до размеров целого народа, то они выдвинули себе в князья (principem) Темиркутла (Temirkuthla) [37], одного из соплеменников своих, и был он назван царем (caesar). А предки Священного Величества Вашего [38], поработив этих царьков (caesarianis), враждебных вассалов (vassalis) греков, давали им в цари подвластных себе татар из Литвы. А последний царь из Литвы Ачкирей (Aczkirei) [39], родившийся здесь близ Трок (Troki) и отсюда посланный в те владения (ad imperium) блаженной памяти Витовтом [40] (Withow-

do), правя в Таврике, родил там сына Менгли-Кирея (Mengli-kirei) [41]. Менгли-Кирей же [родил] нынешнего царя Сап-Кирея (Sapkirei) [42] и братьев его, родившихся и правивших прежде: Махмет-Кирея (Machmethkirei) [43], Садет-Кирея (Sadetkirei) [44] и Хас-Кирея (Chaskirei) [45]. Таким образом, знаменитое имя предка служит ныне всем потомкам, последовательно сменявшим его у власти. Ведь это тот род Киреев (Kireorum) [46], насажденный там могучей десницей предков Священного Величества Вашего, который ныне в благодарность за свое преуспеяние причиняет нам заботы. И вот уже славится Таврика и людьми и властью пришельцев; однако ее города Манкуп (Mancup) [47], Каффа (Caffa) [48], Керчь (Kercze) [49], Козлев (Kozlew) [50] и другие приморские [города] сохраняли свободу от них, пока, вот уже около семидесяти лет, не были взяты турецким (turcica) отрядом, с помощью военной силы Константинополя (Constantinopolitanis) [51]. И с тех пор потомки местных греков, попав под иго Турции, платят ей поголовную дань. Хотя еще и теперь они, занимаясь земледелием, виноградарством и скотоводством, не нищенствуют, но имеют даже серебряные украшения, так как они живут в мире и общей справедливости, под наиболее разумным языческим управлением, все же они ведут там жизнь не слишком радостную. Ведь их не уважают и ни во что не ставят их магометанские владыки. И они не только пренебрегают общением с ними, но и смотрят на них искоса и заставляют самих владельцев серебряных украшений работать, особенно по воскресным и пасхальным дням. Христианин не имеет там никакой власти ни над рабом, ни над слишком дерзким сыном, если он раз только представится правителю (magistratui). Даже сам глава семейства теряет свои права, если донесут, что он позволил себе неуважительное слово или хотя бы движение пальца в отношении к их религии.

Ведь тому, как переменчива судьба, сама Таврика служит достаточным свидетельством, ибо положение людей ее совершенно изменилось: [потомки] патрициев лишены чести и свободы, унижены, отданы в рабство, отвержены, потеряли свои права и платят поголовную подать магометанам; а эти настоятели, некогда надменно презирающие церкви божии, ныне презираемые сами и отверженные, пресмыкаются перед дикими татарами и турками. Города же ее, о великих богатствах, гордыни, веселии и всяческой роскоши которых разносилась молва, ныне пришли в упадок и многие опустели, прочих же, сровнявшихся с землей, позабыты уже и названия; и властвуют ныне над ними не благородные христиане, прирожденные их властители, но языческий пришелец, не так давно освободившийся из рабства, а также [получивший] и власть и свободу, даруемую здесь потомкам вассалов. Ведь настолько выросла численность татар в Таврике, что они выставляют на войну почти тридцатитысячное войско, но собранное принудительно, так как должны [идти] все как один, кто только способен сесть на коня, и [даже] пас-

тухи и не владеющие оружием. Поскольку, когда я был там, и когда царьпослал половину их и сына своего на помощь туркам[52], ходившим недавно на Венгрию, то их насчитывалось тогда пятнадцать тысяч. Хотя и ходили избранные, однако снаряженные по обычаю своему, а именно — многие безоружные, и едва ли у десятого или двадцатого из них был при себе колчан или дротик, а в панцирях было их еще меньше; но одни по крайней мере были вооружены костяными[53], другие — деревянными палками, третьи — с пустыми ножнами на поясе[54]. Щитов и копий и прочего подобного оружия они и вовсе не ведают[55]. Вот так они никогда не [были] обременены ни оружием, ни запасами пищи и никаким другим грузом из того, что составляет военные обозы, кроме небольшого количества поджаренного проса или измельченного сыра[56]. Однако никто из них не отправляется без множества свежих ремней, особенно когда им предстоит совершить набег на наши земли. Ибо тогда их более заботят путы, чтобы вязать конечности наши, чем доспехи для своей защиты. У них всегда в запасе множество коней для войны, так что бо́льшая часть их войска ведет с собой по пяти коней, к тому же неоседланных. Посему они очень быстро совершают набеги и любой путь благодаря такой быстрой смене коней и весьма легко бегут от настигающего врага; также и следы их устрашают обилием, а они не боятся в войске своем ни усталости, ни голода. Также в походе они весьма выносливы, легко переносят голод, жажду, усталость, бессонные ночи, жару, холод, всякую непогоду и любые трудности. Ведь военные набеги они всегда совершают без повозок и безо всякого обоза, за исключением упомянутого мною множества коней[57]. Безо всякого труда они преодолевают даже в зимнее время широкие степные просторы, бездорожье, создаваемое глубоким снегом и настом, хотя затвердевший снег и лед обдирают ноги коней. Быстрые полноводные реки, которые в суровое зимнее время на севере к тому же страшно трещат от лопающегося льда и трудны для переправы, они, однако, преодолевают без судов, но только на конях; сами они держатся за гривы, а к хвостам привязывают мешки, [положив их] на деревянные брусья или на связки камыша, чтобы переплыть без промедления, легко и быстро[58]. А в сражении они более стойкие, чем москвитяне (Moschovitae), хотя и хуже вооружены, и, всегда первыми вступая в битву, стремятся захватить левый фланг войска противника с тем, чтобы сподручнее было обстреливать. Также нередко, обратившись в бегство, повернув вспять, они останавливаются и, когда преследующий враг уже рассеян, нападают на него из засад, и так подчас они, побежденные, отнимают победу у победителей[59]. Когда же без уловок и военной хитрости, но честно, лицом к лицу, приходится вступить в сражение с ними, то наши воины превосходят их, даже если тех намного больше. Так что весьма часто мы мерялись силами под победоносными знаменами блаженной памяти отца Священного Величества

Сигизмунд I Старый (1506—1548)

Вашего[59a]. Ведь и спустя пять месяцев после поражения христиан от магометан, последней битвы короля Людовика[60], двоюродного брата Св. Величества Вашего, в календы февраля, в год [от Рождества] Христова 1527 в тех ровных степях близ Черкасс (Czerkassi) при реке Ольшанице (Olssanicza), двадцать пять тысяч тех перекопских татар (Precopensium Tartarorum) пали от руки нашей, а было там нас не более трех с половиной тысяч[61]. И прежде у Клецка (Kleczko) погибло двадцать семь тысяч их, поверженных девятью тысячами наших[62]. Тогда как в других [местах] и у крепости Давида (Davidis Castellum)[63], и у Стрешина (Stressino), Чечерска (Czeczersko)[64], Лопушна (Lepussno)[65], а также в тех широких степях, в Лебедине (Lebedino), и у Белой Церкви (templum album)[66], и на реке Суле (Sula), и в прочих битвах, сколько бы ни сражались с ними в этом столетии наши люди, выходило на поверку, что мы сильнее. Ведь и при Сокале (Sokal)[67] они одолели нас не военной силой, но хитрость и сложность местности сослужили им; наше войско полегло, коварно завлеченное на место только что сожженного города, где повсюду зияли провалы по-

гребов, то есть подземелий, ям и подземных ходов. И тут-то впервые возгордился против нас род Киреев, перенеся к себе в Таврику обагренные кровью доспехи воинства нашего. Также после, при Очакове (Oczakow) [68], хотя не менее доблестным было войско наше и также вышло победителем над ними, но все же по оплошности уступило победу побежденному Ослам Солтану (Oslam Soltano) [69], послав ему в крепость для переговоров вождей своих, не ведая, что сказано: кто во время войны обсуждает хитрость или доблесть врага? Так вот, всегда мы были бы

Набег татар на Венгрию. *Гравюра XVI в.*

сильнее перекопских [татар], если бы не их уловки, хитрость и коварство. А образ жизни татар, которым они кичатся, патриархальный, пастушеский, какой некогда, в золотой век, вели святые отцы, и из них также избирались народом вожди, короли и пророки [70], один из которых сказал: «Господь взял меня от овец» [71]. Вот так до сей поры живут татары, следуя за стадами и бродя с ними по степям туда и сюда. Нет у них ни дворов, ни домов, одни лишь переносные шатры, сделанные из лозы и тростника, крытые козьим войлоком, защищенные плетеными рогожками и циновками [72], они везут их с собой на повозках [73] вместе с женами и детьми. Землю они не возделывают, даже самую плодородную [74], довольствуясь тем, что она сама приносит, [то есть] травой для пастьбы скота. Вот почему по совету Соломона они питаются одним молоком [75], не зная хлеба и сикеры [76], в трезвости и умеренности, ибо по закону им также запрещено пить вино и есть свинину [77]. И хотя они едят мясо

мелкого и крупного скота, а также конину, однако только тогда, когда [животные] уже пали или околевают, щадя, стало быть, здоровое стадо[78]. Ибо в стадах состоит все их достояние. Ведь они не владеют никаким недвижимым имуществом, кроме колодцев, а ими — совместно со своими единоплеменниками. О движимом же они не пекутся; настолько оно не в чести, что имеют они повседневную, да и то небогатую домашнюю утварь и простейшее снаряжение, необходимое для верховой езды и военного дела. Только к этому они относятся бережно, и, не ведая других дел, они считают, что человека благородного бесчестит какая-либо усердная работа, кроме этого [военного дела]; тем старательнее должны они следовать предписанию закона своего, который им предназначено распространять силою оружия. Также в этой дикости они не обладают ничем, кроме умеренности и воздержания, и все они живут без излишеств и в крайней нужде[79]. Ведь точно так же говорится в Священном Писании: «Научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть в обилии и в недостатке»[80]. Также: «Кто собрал многое, не имел лишнего, и кто мало, не имел недостатка»[81]. Так ныне и у варваров сих, ни один богач не задыхается от алчности, а бедняк не умирает от голода и не страждет от холода, и никто при такой бедности и нужде не побирается. Ведь у них не часто [встречается] кутила, равно как и страждущий от голода, и нищий, и обманщик, стяжатель чужого, и сутяга, и судья неправедный, и лжесвидетель, и клятвопреступник, а также вор и разбойник. Вот почему им нет дела, чтобы беспрестанно заботиться об охране имущества и обременять себя оружием дома, чтобы постоять за себя. Ведь путешествующему по земле их излишне и противозаконно иметь при себе оружие. Свято чтут они у себя мир и правосудие, возвращая каждому то, что принадлежит ему, неприкосновенным и не изъятым в пользу чиновников в качестве десятины или под каким-либо иным названием. Ибо не наживе, но справедливости служит занятие правосудием у этих безбожных язычников. Ведь оно у них не мирское, а священное, и отправляется оно священниками кадиями (Cadios)[82], которые посвящаются в это священное звание особою присягою, причем из многих избираются менее отягощенные нечестивыми делами, за которые будут судимы другие. А чтобы правосудие велось успешнее, судопроизводство свободно от проволочек крючкотворов и не зависит от наговоров клеветников. Если обвиненный старается укрыться от суда и, позванный обвинителем в суд прикосновением к краю его одежды, не является тотчас же, то с этого момента как изобличенный уже считается осужденным. Ведь его избивают палками, как это предписывается божественным законом. Также не место в суде обвинителю и свидетелю, не вполне твердо усвоившему из закона, что необходимо для защиты, или тому, которого уличили в том, что он однажды отведал вина или был замечен в каком-либо ином пороке. Также предстают они пред судом его, то

есть судьи кадия (Cadij), и знать, и вожди с народом равно и без различия и, кроме верховного предводителя, чье Величие они также полагают выше человеческого, все воедино, а также все до единого живут по одному и тому же закону. Также они обнаруживают равенство и однообразием одежды и сходным образом жизни, считая беззаконием и достойным наказания, даже избиения палками, если кто-нибудь из людей их носит платье, шапку или длинные волосы не так, как в их земле и не по древнему обычаю, или если кто-нибудь имеет у себя особую пищу, не разделяя ее с присутствующими, или сам хозяин (patronus) возьмет что-либо, прежде чем выставлено всем, разделено на куски и тщательно смешано, так чтобы каждому из присутствующих досталось одинаковое. И в пути все дорожное у них общее, но все же они наперебой стараются услужить любому старшему по возрасту или немощному. Дома они также гостеприимны к каждому путнику и чужаку предоставляют задаром и пищу и кров, но на расстоянии от стойбищ (statiuarum) их [83]. Впрочем, в остальном они не так уж учтивы, ибо у них никоим образом не дозволено смотреть на их жен гостю, другу, а также сотрапезнику, в какой бы он ни был милости; и они держат их [жен. — *В. М.*] бедных взаперти в удаленных покоях, и, не говоря уже о пиршествах, но и от синагог (synagogarum) [84] и от всяких обычных принародных дел они совершенно отстранены и переложена на них вся портняжная и сапожная работа, впрочем не без их согласия. Но они [мужчины] между тем не довольствуются супругами своими, как издревле велит человеческий обычай: каждому — единственная, [но] кичатся числом их, тем более что и закон их призывает каждого иметь по четыре жены, а на каждую из них — по десять наложниц. И чем особенно отличаются мужчины — они ищут не приданого невест, не ради плотских их прелестей соединяются, но еще почти и в лицо не видя, выведывают, насколько возможно, об их душе и нравах, и они не гнушаются в браках и служанками своими, пленными и купленными. Вот почему они [жены. — *В. М.*] в браке верны, послушны, живут душа в душу, терпимы к наложницам, пользующимся милостями мужа, также стыдливы, так что у них совершенно не слыханным является грех прелюбодейства, смертный для каждого и грозящий казнью [85]. И кроме того, поскольку эти варвары знают, что нет ничего спасительнее для народов, чем доблесть и военная дисциплина, и что мужество состоит в твердости, то, отвергая изнеженность и избалованность, ведут жизнь суровую, с детства занимаются верховой ездой и уже с колыбели они ездят верхом, равно как и в глубокой старости от этого не отучаются. От повозок же отказываются как старики, так и немощные, чтобы не изнежиться и поберечь лошадей. Ибо они так берегут коней, что даже барон (Baro) [86] их, которого за пределами его земли сопровождают сотни его собственных всадников, по своей стране ездит верхом один. У них даже знатная женщина, если

ей необходимо прибыть ко двору царя, не смущается тем, что ее везет [в повозке] один вол, а если повозка тяжела, — то два, хотя и сидит дома взаперти, сверкая золотом и драгоценными каменьями. Впрягать же в повозку лошадь, даже самую никудышную, для любого из них считается тягчайшим грехом, хотя бы в конюшне его была тысяча коней. А жизнь людей сих сурова и мрачна, за исключением предводителей их. Ибо предводители скифов (scytharum) [87], при всеобщей умеренности народа их, сами между тем живут в роскоши. Как [например] нынешний перекопский царь [88], ныне переложивший военные дела на сыновей, [который] сам охотно предается удовольствиям в кущах жен своих. Особенно красив один [его] сад, который славится местоположением, постройками, ухоженностью, разнообразием трав и деревьев, и тем изяществом, с каким они рассажены. Когда он в раю своем [89] принимает гостей, во время роскошных пиров, то хотя и вкушает из деревянной и глиняной посуды, как бы из отвращения и презрения к богатству, все же восседает на расшитых золотом подушках, опираясь локтями и ногами на серебряный стол, который украшают фиалы из золота и драгоценных камней и разные роскошные яства, и услаждается при этом звуками кифар, цимбал, кастаньет, песнопений и прочими пустяками, полагая, что это ему позволительно при общем воздержании в народе [90].

Живут же народы татарские без излишеств, послушные Священному Писанию, в котором говорится: «Не пейте вина ни вы, ни дети ваши, вовеки; и домов не стройте, и семен не сейте, и виноградников не разводите и не имейте их, но живите в шатрах во все дни жизни вашей, чтобы вам долгое время прожить на той земле, где вы странниками» [91]. Вот так и живут они на земле той многие дни, вольные, независимые и всегда уверенные в своей неистребимости. Поскольку они презирают роскошь и не владеют ничем недвижимым и подверженным захвату, то все свое добро, куда бы они ни передвигались, имеют при себе. Вот почему сии кочевники имеют единственно движимую [собственность] — идущих с ними скот и рабов [92].

И хотя владеют перекопские [татары] скотом, обильно плодящимся, все же они еще богаче чужеземными рабами-невольниками, почему и снабжают ими и другие земли. Ведь у них не столько скота, сколько невольников. Ибо они поставляют их и в другие земли (provinciis). Ведь к ним чередой пребывают корабли из-за Понта и из Азии, груженные оружием, одеждой, конями, а уходят от них всегда с невольниками. Ибо все их торги (emporia) и места сбора податей (telonea) полнятся только товаром этого рода, на который к тому же у них всегда спрос, [он годится] и для торговли, и для залога, и для подарка, и всякий из них, по крайней мере имеющий коня, даже если на деле раба у него нет, все же, полагая, что всегда может приобрести их множество, обещает по контракту (in contractibus) с кредиторами (creditori) своими в назначенный срок за-

платить им за одежду, оружие и резвых скакунов тоже живыми, но не конями, а людьми, притом нашими единокровными. И они спокойно дают такие обещания, как если бы в своих зверинцах и скотных дворах они всегда держали этих наших пленников. Вот почему один иудей там в Таврике у тех единственных врат ее, стоящий во главе таможни (teloneo), видя, что туда постоянно ввозится бесчисленное множество пленных людей наших, спрашивал у нас, все так же ли наши земли изобилуют людьми или нет и откуда здесь такое множество смертных. Так у этих разбойников всегда в наличии такая собственность не только для торговли с любыми странами, но и для удовлетворения у себя дома своей жестокости или прихоти.

Ведь очень часто [встречаются] среди этих несчастных людей весьма сильные, которых если не оскопили, то отрезали уши и [вырвали] ноздри, прижгли раскаленным железом щеки и лбы и принуждают закованных в путы и оковы днем трудиться, ночью [сидеть] в темницах, и поддерживает их скудная пища, [состоящая] из мяса околевших животных, гнилого, кишащего червями, какого даже собаки не едят. А женщин самых юных они держат для разврата, а некоторых из них, обученных искусствам, даже приглашают на пиршества для увеселения, чтобы играли они на арфах и кифарах и танцевали. Если же среди наших пленных сородичей оказываются женщины, чей благородный вид [выдает] их знатное происхождение, то их отвозят к Таласию (Thalasio) и в его райские кущи [93].

Следует сказать и о другом, что они делают там с такими людьми. А именно: когда происходит торг, этих несчастных ведут на многолюдную рыночную площадь, группами, построенными наподобие отлетающих журавлей и по десять вместе связанных за шеи, и продают их десятками сразу с аукциона, причем торговец, чтобы повысить цену, громогласно возвещает, [что это] новые невольники, простые, бесхитростные, только что пойманные, из королевского народа, не московского (Moscovitico). Ибо род москвитян (Moschorum), как хитрый и лживый, весьма дешево ценится там на невольничьем рынке. Итак, этот род товара тщательнейшим образом оценивается в Таврике и за большую цену покупается чужеземными купцами, чтобы продать [его] дороже более отдаленным и диким [народам]: сарацинам (Sarracenis) [94], персам (Persis), индусам (Indis), арабам (Arabibus), сирийцам (Syris) и ассирийцам (Assyriis). И ведь любой из них алчет [получить] невольниц отсюда в жены, однако без насилия и беззакония, но по правилу, предписанному свыше, Господом во Второзаконии, 21. Ибо и любимейшая жена нынешнего турецкого (Turcarum) императора [95] мать перворожденного [сына] его, который будет править после него [96], похищена была из земли нашей. Также и перекопский Сап-Кирей, рожденный от христианки [97], ныне имеет и жену-христианку. И все служители, евнухи, писцы и разные ремесленники этих тиранов (tyrannorum) и лучшие воины яны-

чары (janiczari), которые там уже с детства обучаются воинскому искусству и дисциплине и из которых в конце концов выбирают вождей (Duces) и баронов (Barones), происходят от нашей христианской крови [98]. И поэтому, когда они там покупают невольников, то осматривают не только открытые взору органы и зубы, чтобы не были они ни редкими, ни темными, но обследуют также и самые сокровенные части тела. И если у кого обнаруживают родимое пятно, опухоль, шрам или иной скрытый порок или недостаток, то такого возвращают. Но даже и при таком осмотре покупаемого, тем не менее хитроумные барышники и нечестивые торговцы способны на обман, создавая приманки. Ведь тех более красивых мальчиков и девушек, которые попадают в толпу пленников, не сразу выводят [на продажу], но [сначала] хорошенько откармливают, одевают в шелк, белят и румянят, чтобы продать подороже. Иной раз самые красивые и целомудренные девушки нашей крови оцениваются здесь на вес золота. А случается, красивую невольницу, едва купив, тут же перепродают, тщательно приукрасив, чтобы поднять цену и получить барыш. Делают это и в прочих городах этого полуострова, а особенно в Каффе. И случилось там, что толпы этих несчастных невольников отправлялись с торга прямо на корабли. Ибо этот порт удобнейшим образом граничит с морем и по этому своему ненасытному и преступному местоположению он не город, а поглотитель крови нашей. И вот там эти скитальцы, столпившиеся на берегу перед тем, как взойти на корабли, увидели, что мы печалимся за них, [стоящих] перед нашими глазами. Тогда один из них, знакомый мне и земляк, как бы прочитав наши мысли по печальному выражению лиц, ответил за всех, не спуская с меня глаз: «Не надо вам,— сказал он,— любезный брат, печалиться о нас, изгнанниках, странствующих так; хотя, как это ни горько и печально, мы отправимся в путь, покинув милую землю отчизны, переправляясь туда, откуда никогда не вернемся, и чем дальше от границ отчизны увезут нас, тем сильнее день ото дня будет сжигать нас тоска по родной земле; однако нам суждено уже нести этот неминуемый жребий с невозмутимой душой, так как мы не единственные и много нас, товарищей по несчастью, и когда мы видим, что остальные остаются здесь, в Таврике, не в лучшем положении, которым выпал такой же жребий, заклейменные эти, помеченные тавром [99], даже с изуродованными лицами, мы знаем на опыте, что [100] на родине их равно ожидал по обыкновению не более радостный исход: близким нашим, как мы видели, отрубали, отсекали и отрывали от тел их руки, ноги и головы, трепещущие сердца и вырезанные легкие бросали в огонь, а, выпотрошив животы их, из остывающих кишок выхватывал дикий враг внутренности для жертвенного гадания, желчные пузыри и желчь для мазей [-100]. Впрочем [101-], было бы много лучше и нам, если бы, претерпев все до одной эти да и другие жестокости, мы умерли бы близ

отчих ларов и теней, исповедуя нашу веру, и рядом с могилами предков, а тела наши были бы гораздо счастливее, чем теперь, даже если бы они были обезображены и растерзаны и пожраны хищниками; но поскольку это нам заказано, сохраняет нас на продолжительное время для глумления им слепой рок, которому надо повиноваться, и эта горесть ваша и сожаление не помогут нам —[101]. Скорее нам должно опасаться, чтобы не постигла и вас та же участь, то есть, чтобы и вы когда-нибудь не сели на эти уносящие нас корабли и чтобы наконец все племя наше не погибло, потому что день ото дня все больше гибнет его питомцев. А этого поистине всячески следует страшиться, если вы, каковыми ныне являетесь, будете продолжать впредь упорствовать в ваших весьма пагубных нравах, неминуемо влекущих вас к гибели. Итак, если есть у тебя сколько-нибудь любви к родине или верности князю, или по крайней мере веры в Бога, то надлежит тебе о той неминуемой опасности поведать князю и тем, наконец, кто его окружает, так как ныне вы поняли, каковы обстоятельства, испытываемые здесь людьми. И если ничто другое не заставляет тебя этого сделать, то да подвигнет тебя хотя бы любовь к вере истинного Бога, именем которого мы, несчастные, теперь только чувствующие всю цену отечества и свободы, заклинаем тебя, дабы желанная отчизна по крайней мере получила от нас этот последний залог нашей любви»[102]. Высказав это и тяжко вздыхая, он был увлечен на корабль, поднимаясь в десятке своей, прочно скованной, и исчез на высоком судне, уведенный [вместе с ней], оставив нам такое завещание.

Конец первого фрагмента

Несколько слов к читателю

В следующих за этой книгах Михалон жалуется главным образом на испорченность нравов своего народа, пагубнее которых ничего нет, и горячо просит, чтобы они были исправлены прежде всего ради отражения врагов и предлагает способы исправления. Однако мы опустили подобные жалобы, поскольку мы исследуем не что иное, как относящееся к учительнице жизни истории.

Извлечение из второго фрагмента

Москвитяне (Mosci) и татары намного уступают литвинам (Lituanis) в силах, но превосходят их трудолюбием, любовью к порядку, умеренностью, храбростью и прочими достоинствами, которыми упрочиваются королевства. Приносят татарам эти достоинства те выгоды, что они владеют множеством скота, отнятого у нас, и, так со временем возвысившись, они услаждаются ежегодными дарами от Священного Величества Вашего, [будучи], как известно, друзьями-союзниками, с которыми и прежде литвины всегда заключали договоры. Они привычны к верховой езде, ведут войны без обозов, у них обилие вольных коней и нет городов, которые бы они обороняли. Москвитяне (Mosci) каждую весну из татарской Ногайской орды (orda tartarica Nohaiensis) в обмен на одежду и другие дешевые вещи получают многие тысячи коней, наиболее подходящих для войны [103]. Турки фракийские (turcae Thraces) шлют нам по высокой цене коней самой дрянной породы, старых, загнанных, снедаемых таящимися в них болезнями: ибо продавать христианам здоровых коней или оружие считается у них грехом и преступлением. А предки наши довольствовались рожденными на родине лошадьми; они всегда были готовы к войне с копьями, щитами, доспехами и с мешками, полными муки. Героинь литовских, отправляющихся в храм или на пир, везут в парадных экипажах, то есть в висячих носилках, запряженных шестериком или восьмериком одного и того же цвета; а скиф (scytha) безнаказанно уходит, ведя столько же связанных ремнями людей. А у татар, особенно богатых конями, не принято впрягать коней даже в повозку предводителя. Турки и прочие сарацины (saraceni), сходящиеся пять раз в день в местах, предназначенных для молитвы, снимают обувь и моют холодной [водой] даже срамные свои места [104]. Они, а также татары, москвитяне (Moscovitae), ливонцы (Livones), пруссы (Pruteni), из бережливости непрерывно носят одну и ту же одежду, а у нас она и дорога и разнообразна.

У татар длинные туники без складок и сборок, удобные, легкие для верховой езды и сражения; их белые остроконечные войлочные шапки сделаны не для красоты; их высота и блеск придают толпам [татар] грозный вид и устрашают врагов, хотя почти никто из них не носит шлемов. Этому приему также подражают москвитяне (Mosci). А делаются эти шапки из овечьей шерсти, часто моются и купленные за один грош (grosso) долго им служат.

Хотя одни только москвитяне (Mosci) богаты соболями и другими подобными зверями, однако, запросто дорогих соболей не носят. Но, посылая их в Литву (Litvaniam), нежных изнеженным, получают за них золото[105], а по краям своих шапок из козьей шерсти укрепляют золотые бляшки и драгоценные каменья. И не портят их ни дождь, ни солнце, ни моль, как соболей.

Конец второго фрагмента

Извлечение из фрагмента третьей книги

Они [москвитяне] до такой степени не признают пряностей, что и за пасхальными трапезами довольствуются такими приправами: серой солью, горчицей, чесноком, луком и плодами своей земли не только простолюдины, но даже и высшая знать (optimates), и верховный вождь (summus dux) их, захвативший наши крепости, коих уже кичливо насчитывает 73[106].

На пиршественном столе князя (principis) среди золотых сосудов и местных яств [бывает] все же немного перца, однако его подают сырым отдельно в чашах, но никто к нему не прикасается. А литвины питаются изысканными заморскими яствами, пьют разнообразные вина, отсюда и разные болезни. Впрочем, москвитяне (Mosci), татары и турки, хотя и владеют землями, родящими виноград, однако вина не пьют, но, продавая христианам, получают за него средства на ведение войны. Они убеждены, что исполняют волю божью, если каким-либо способом истребляют христианскую кровь.

Татары перекопские точно так же не признают пряностей и пьют молоко и колодезную воду, которая во всей равнинной Таврике редко встречается не горькая, а еще реже — чистая, разве только отыщется очень глубоко в недрах земли. Предки наши избегали заморских яств и напитков. Трезвые и воздержанные, всю свою славу они мыслили в военном деле, удовольствие — в оружии, конях, многочисленных слугах и во всем сильном и храбром, что служит Марсу; и когда они отражали чужеземцев, то расширили свои [пределы] от одного моря до другого, [и] называли их враги хоробра Литва (Chorobra Litwa)[107], то есть храбрая Литва. Нет в городах литовских более часто встречающегося дела, чем приготовление из пшеницы пива и водки[108]. Берут эти напитки [и] идущие на войну и стека-

ющиеся на богослужения. Так как люди привыкли к ним дома, то стоит им только отведать в походе непривычной для них воды, как они умирают от боли в животе и расстройства желудка. Крестьяне, забросив сельские работы, сходятся в кабаках. Там они кутят дни и ночи, заставляя ученых медведей увеселять своих товарищей по попойке плясками под звуки волынки. Вот почему случается, что, когда, прокутив имущество, люди начинают голодать, то вступают на путь грабежа и разбоя, так что в любой литовской земле за один месяц за это преступление платят головой больше [людей], чем за сто или двести лет во всех землях татар и москвитян (Moscovum), где пьянство запрещено. Воистину у татар тот, кто лишь попробует вина, получает восемьдесят ударов палками и платит штраф таким же количеством монет. В Московии (Moscovia) же нигде нет кабаков. Посему если у какого-либо главы семьи найдут лишь каплю вина, то весь его дом разоряют, имущество изымают, семью и его соседей по деревне избивают, а его самого обрекают на пожизненное заключение. С соседями обходятся так сурово, поскольку [считается, что] они заражены этим общением и [являются] сообщниками страшного преступления[109]. У нас же не столько власти (magistratus), сколько сама неумеренность или потасовка, возникшая во время пьянки, губят пьяниц. День [для них] начинается с питья огненной воды. «Вина, вина!» — кричат они еще в постели. Пьется потом эта вот отрава мужчинами, женщинами, юношами на улицах, площадях, по дорогам; а отравившись, они ничего после не могут делать, кроме как спать; а кто только пристрастился к этому злу, в том непрестанно растет желание пить. Ни иудеи (judaei), ни сарацины не допускают, чтобы кто-то из народа их погиб от бедности — такая любовь процветает среди них; ни один сарацин не смеет съесть ни кусочка пищи, прежде чем она не будет измельчена и смешана, чтобы каждому из присутствующих досталось равное ее количество.

А так как москвитяне (Mosci) воздерживаются от пьянства, то города их славятся разными искусными мастерами; они, посылая нам деревянные ковши и посохи, помогающие при ходьбе немощным, старым, пьяным, [а также] чепраки, мечи, фалеры и разное вооружение, отбирают у нас золото[110].

Прежде москвитяне (Moscovitae) были в таком рабстве у заволжских татар (tartarorum zavolhensium), что князь их [наряду с прочим раболепием] выходил навстречу любому послу императора и ежегодно приходящему в Московию (in Moscoviam) сборщику налогов (census exactori) за стены города и, взяв [его] коня под уздцы, пеший отводил всадника ко двору. И посол сидел на княжеском (ducali) троне, а он сам коленопреклоненно слушал послов[111]. Так что и сегодня заволжские и происшедшие от них перекопские [татары] называют князя москвитян (Moscovum) своим холопом (cholop), то есть мужиком (rusticum). Но без основания. Ведь себя и своих [людей]

избавил от этого господства Иван (Johannes), дед того Ивана [сына] Василия, который ныне держит [в руках] кормило власти, обратив народ к трезвости и повсюду запретив кабаки[112]. Он расширил свои владения, подчинив себе Рязань (Rezani), Тверь (Twer), Суздаль (Susdal), Володов (Volodow) и другие соседние княжества (comitatibus)[113]. Он же, когда король Польши Казимир (Casimiro rege Poloniae) и князь Литвы (duce Litvaniae)[114] сражался в Пруссии (Prussia) с крестоносцами (cruciferos) за границы королевства, а народ наш погрязал в распущенности, отнял и присоединил к своей вотчине литовские земли (Litvanicas provincias), Новгород (Novohrod), Псков

Василий III. *Гравюра XVI в.*

(Pskow), Север (Siewier) и прочие[115]; он, спаситель и творец государства, был причислен своими [людьми] к лику святых. Ведь и стольный град свой он украсил кирпичной крепостью[116], а дворец — каменными фигурами по образцу Фидия[117], позолотив купола некоторых его часовен (sacellorum). Также и рожденный им Василий (Basilius)[118], поддерживая ту же трезвость и ту же умеренность нравов, в год 1514 в последний [день] июля отнятую у нас хитростью Михаила Глинского (Michaelis Hlinscii)[119] крепость и землю со Смоленском (Smolensco) присоединил к своей вотчине[120]. Вот почему он расширил стольный

Успенский собор Московского Кремля

град свой Москву (Moscwam), включив в нее деревню (vico) Наливки (Nalewki)[121], создание наших наемных воинов, дав ей название на позор нашего хмельного народа. Ведь «налей» соответствует латинскому «Infunde». Точно так же рожденный от него, правящий ныне[122], хотя и отдал нам одну крепость[123], но между тем в наших пределах воздвиг три крепости: Себеж (Sebesz), Велиж (Velisz), Заволочье (Zawlocz)[124]. Он в такой трезвости держит своих людей, что ни в чем не уступает татарам, рабом которых некогда был; и он оберегает свободу не мягким сукном, не сверкающим золотом, но железом; и он держит людей своих во всеоружии, укрепляет крепости постоянной охраной; он не выпрашивает мира, а отвечает на силу силой, умеренность его народа равна умеренности, а трезвость — трезвости татарской (tartaricam); говорят, что образом жизни он подражает образу жизни нашего героя Витовта (Vitovdum).

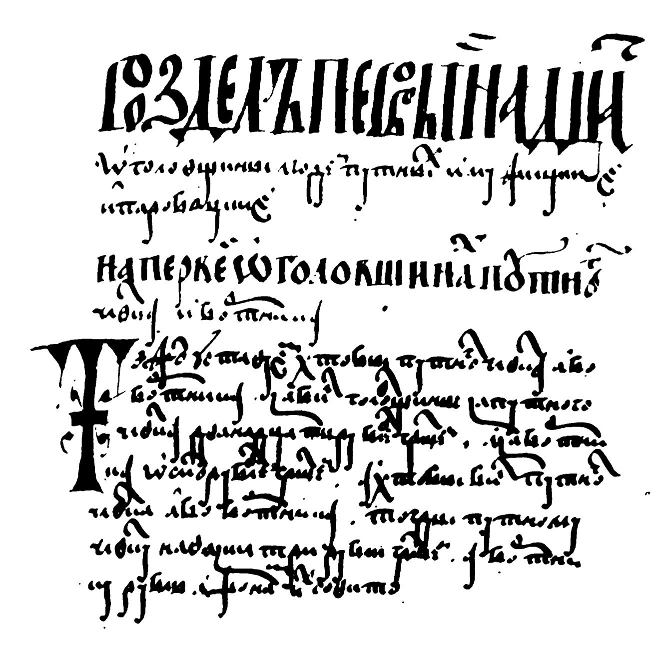
Извлечение из четвертого фрагмента

Татары превосходят нас и в правосудии[125]. Ведь они возвращают немедленно каждому то, что ему принадлежит. У нас же забирает судья (iudex) десятину (decimam partem) [от стоимости] спорной вещи (rei iudicatae) у невиновного истца (ab actore), и эта плата судье называется пересуд (Peressud)[126]. Она подлежит уплате тут же, в суде. Когда же дело касается небольшого клочка земли, то дают не десятину, но сто грошей, каждый стоимостью двух круциат (cruciatos), немецких монет, да еще половины круциаты[127], хотя спорная вещь и не стоила того. От большего же всегда берет десятину, от всего владения в целом, сколько бы ни оттягали по суду.

В делах же о личных обидах и оскорблениях, вменяющих в вину насилие, он берет у ответчика (a reo) крупную сумму, столько, сколько присуждает истцу[128]. А присуждает он истцу из такого своего корыстолюбия, даже открыто поддерживая клевещущего, за любое его оскорбление мужчине — по двадцати коп[129] грошей, женщине — по сорок, за убыток же, который клеветник нанес, принеся ложную клятву, по сто и тысяче, если даже оказывается, что все его имущество не стоит и одной копы. И за убийство выносится приговор не по божьему закону, чтобы отмщалось кровью за кровь, но в виде денежного штра-

фа с судейской десятиной[130]. Поэтому здесь так часто совершаются убийства. И пусть даже прямодушный истец, выиграв дело, удовлетворится смиренными словами ответчика, но не судья. Ведь он [судья.— *В. М.*] всегда гребет деньги, из одного — штрафные, из другого — десятинные.

Он берет десятину и за утверждение сделок и договоров. В уголовных же делах берет не десятую часть, а все, что ни оказалось бы краденого или отнятого у разбойника, и этот его доход называется лице (Litze)[131]. Когда же краденую вещь, [найденную] у вора или у отнявшего ее, нужно нести к другому судье, всю ее стоимость полностью берет первый судья. Так что у нас отыскивающему украденную вещь необходимо заплатить властям (magistratum) больше, чем стоит сама вещь; по-

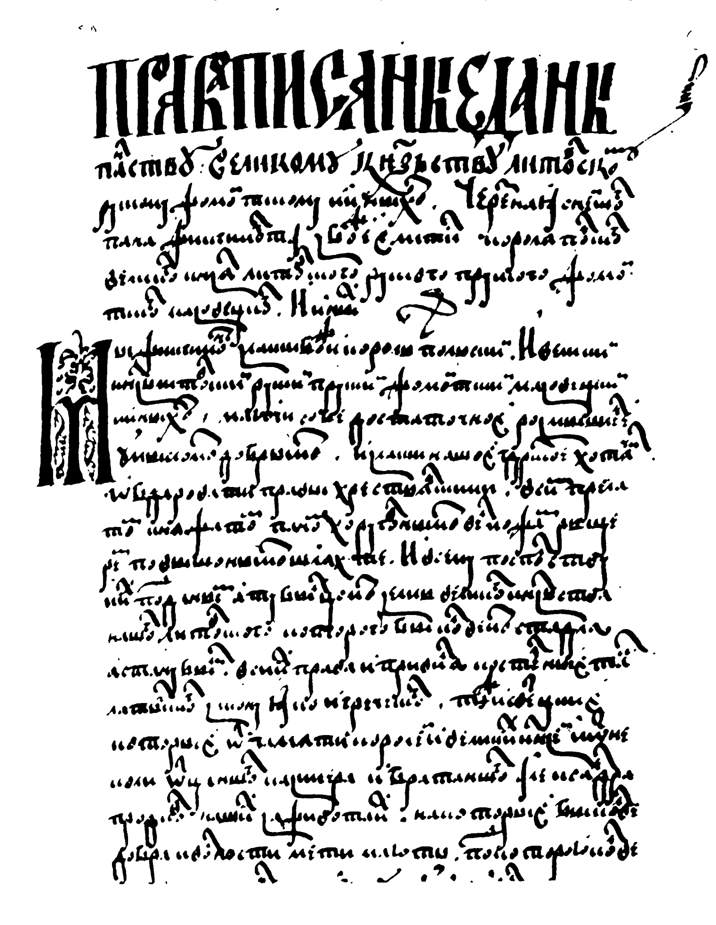

I Литовский статут. Дзялыньский список. Фрагмент. Статья о головщине

сему многие, видя это, не осмеливаются из-за этого вступать в тяжбу за свой воровски уведенный или силой отнятый скот. Вор же, пойманный с поличным, не подлежит суду того места, где совершил преступление или был пойман, но его долгими путями ведут на суд к его господину, подчас к тому, в чей дом он сносил краденое[132]. Вследствие чего кражи совершаются безнаказанно. А у соседних с нами татар и москвитян (Moscos) судебное разбирательство надо всеми подданными вель-

мож (baronum) и дворян (nobilium) как в гражданских, так и в уголовных делах передано не какому-то частному [лицу], но общественному и законному (ordinario) чиновнику, [причем] трезвому и живущему вместе с другими. Наши же делают это поодиночке и пьют, удалив свидетелей (arbitris et testibus), и могут делать, что им угодно. Получает также у нас председатель суда (praeses) кроме штрафа за преступление 12 грошей с лошади, которую кто-то украл и, объявив ее бродячею, отводит в конюшню суда[133]. Также и с человека, ни за что посаженного в тюрьму, он получает столько же грошей, полагая, что это вознаграждение законно, [так как] и тюрьмы и конюшни должны оплачиваться. Также и слуга судьи, исполнитель приговора, получает десятину от спорной вещи. Десятину даже без суда берет он с должника или с кредитора, или с вещи, оставленной под залог, даже если он не отказывается от уплаты долга. И писарь (notarius) получает десятину за составление решения, а за любую другую работу тоже кое-что: только за печать на вызове в суд по грошовому делу [берет] четыре. И чтобы все продавалось дороже, необходимо [сделать] повторный вызов в суд[134] и его скрепить печатью и подписью помощника писаря (protonotarii), поскольку писарь может быть занят другими [делами], и потому иногда, если этого не сделать, ответчик ускользает без вызова в суд, так как бежать свойственно его натуре. Также берет другой служитель (apparitor); виж (Wisz)[135], назначающий день суда, даже по самому мелкому делу, если он представляет воеводу (palatine) — пятьдесят грошей, если его наместника (vicarii) — 30, если королевский или таким называет себя — 100. Берет столько же, то есть 100 или 50, или самое малое 30, еще один. А тот, кто вызывает ответчика и приводит по делу с вызовом, называется децкий (deczki)[136]. Берет столько же и член суда (satelles), который с началом тяжбы отряжается для вызова или опроса свидетелей, для осмотра поля или луга, вытоптанного или потравленного чужим скотом или иного менее серьезного ущерба. Если у бедняка не окажется таких денег, у него отбирают скот. Несправедливо и то, что если бедняку понадобится призвать (к суду) кого-то из магнатов (e magnatibus), то даже за огромное вознаграждение он не сыщет служителя. Не менее несправедливо и то, что мой более имущий сосед, хотя бы владеющий частью общего со мною села (pagi), имеет другую подсудность:[137] его не так легко вызвать в суд, как меня. И чтобы лишить нас права пользования апелляцией (appellationis), оно обложено огромным штрафом, как [об этом сказано] в Лит/овском/ стат/уте/ разд/ел/ 6, ст. 1[138]. Против имущих запрещены так же вадиумы (vadia)[139], которые служат для бедных оружием и словно оборонительным щитом. К тому же всякий назначается в свидетели в любых делах, кроме межевых[140], и [ему] вполне доверяют без присяги, и он делает лжесвидетельство жизненным поприщем. Общественной книги для занесения в нее куп-

чих (venditiones) и прочего у нас нет, кроме частных листов (schedas)[141]. Ответчик, даже если доказано, что он похитил чужое имущество или совершил насилие, приводится в суд лишь по истечении месяца после вызова[142]. К тому же, если у меня похитят лошадь, стоющую 50 или 100 грошей, в самое горячее время полевых работ, то я не могу позвать похитителя в суд прежде, чем заплачу за позов (citaturo) члену суда полную

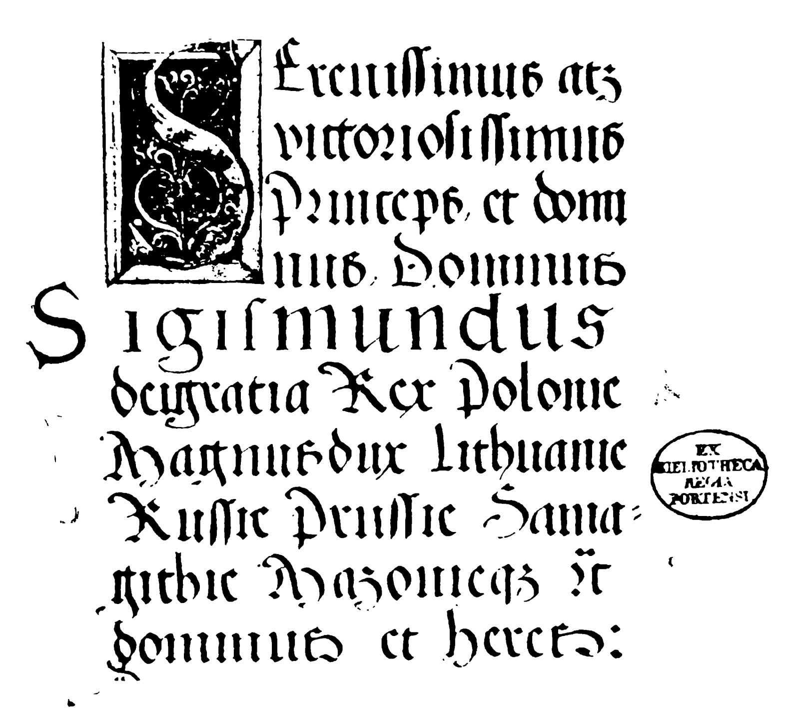

I Литовский статут. Дзялыньский список. Заголовок

стоимость похищенной лошади, хотя после не только не получу возмещения убытков, но и виновного привлекут к суду лишь месяц спустя. Итак, пострадавший (iniuria affectus) или все оставляет похитителю, или все равно отдает [под давлением] силы и хитрости.

Во время обнародования литовских законов [143] (legum litvanicorum) вол стоил 50 грошей, корова — 30 [144]. Ныне эти цены намного выросли. А в других местах, находящихся под властью короля Польши, ответчику не предоставляются такие поблажки и не требуются такие расходы, чтобы вызвать в суд. Но служитель получает за вызов ответчика в суд полгроша. А королевская грамота, по которой вызывают в суд, имеет вес и без подписи помощника писаря. И [она] не так дорого стоит, даже по указу (edicto) короля Сигизмунда (Sigismundi) в польском Пиотрковском стат. (stat. polonicis Piotrcoviensibus) 1511 года [от Рождества] Христова [ее] повелевалось давать даром. И судья даже при самой крупной спорной вещи получает не десятую часть ее [стоимости], но довольствуется двумя или самое большее четырьмя малыми нашими грошами, которые оцениваются в 8 немецких круциат. У нас по причине [взимания] трижды двойных десятин [со] спорной вещи судья — сам себе судья: и словно насадив наживку на крючок, он всегда ведет к осуждению, даже затемняя часть законов. Даже законы язычников (ethnicorum) запрещают оплату правосудия. У нас этот обычай [платить.— *В. М.*] возник не так давно от пагубной привычки высшей знати (procerum primorum) приспосабливать законы к своим выгодам, в силу которых никто не может владеть ничем, что не зависело бы от судебной власти. Например: если кто-то или враждебный мне, или поддерживающий судью и ищущий выгоду похищает мои деньги или присваивает данное взаймы (depositum) или вверенное (creditum), или занимает мою землю, я ничего из этого не могу получить у него, прежде чем не дам судье и приближенным (familiaribus) его десятины и все прочие поборы, на что непременно быстро уйдут все мои деньги, если точно так же еще раз или дважды тот же самый честный друг этого судьи открыто со мной проделает. Если же подосланный (emissarius) судьею крадет или украдкой отнимает у меня золото, серебро и прочее, то все это переходит к председателю [145]. Вот как правосудие, светлейший князь, в вотчине (patrimonio) твоей, воздает каждому по делам его, вот оно святое право [146].

Хотя из числа знати (optimarum) два воеводы во всей Литве исполняют обязанность судьи, находясь поблизости друг от друга [147], но разве достаточно их, чтобы рассудить тяжбы столь многих людей и стольких земель? Особенно потому, что они же заняты государственными делами. Ибо они называются воеводы (voivodae), то есть предводители войска (belli duces). Понятно, что поэтому они, занятые множеством и общественных и частных дел, разбирают тяжбы в праздничные дни, когда они свободны. Но плохо еще и то, что у них нет постоянного места суда (tribunalia). Часто надо пройти более 50 миль, чтобы обратиться в суд за разбирательством о нанесенном ущербе. Несчастные люди идут от границ Жемайтии (Samagitiae) и Ливонии до пределов Мазовии (Masoviae) и Московии в поис-

Serenissimus atq; victoriosissimus Princeps, et domi nus, Dominus Sigismundus dei gratia Rex Polonie Magnus dux Lithuanie Russie Prussie Samagithie Mazovieq; etc. dominus et heres:

I Литовский статут. Лаврентьевский список. Фрагмент заголовка

ках обычного судьи. До сих пор ежегодно 40 дней, посвященных у нас поминовению страстей Господних, посту и молитве, мы постоянно проводим в делах, разбирая тяжбы[148]. Эти воеводы имеют своих наместников, которые тоже, холя тело, сидят обыкновенно вместо суда среди шума пирушек, мало сведущие в юриспруденции (iurisprudentia), но исправно взимающие свой пересуд. А москвитяне (Moscovitae) хвалятся тем, что от нас переняли законы Витовта (leges Vitowdinas)[149], которыми мы уже пренебрегаем, а от татар — оружие, одежду и способ ведения войны без обозов, [без] редкостных яств и напитков.

Извлечение из пятого фрагмента

Рассердившись на кого-либо из своих, московитяне (Moscovitae) желают, чтобы он перешел в римскую или польскую веру (romanae sive polonicae religionis), настолько она им ненавистна. У нас, к сожалению, нет гимназий[150]. Мы изучаем мос-

ковские письмена (literas Moscoviticas)[151], не несущие в себе ничего древнего, не имеющие ничего, что бы побуждало к доблести, поскольку рутенский язык (idioma Ruthenuva) чужд нам, литвинам, то есть италианцам (Italianis), происшедшим от италийской крови.

То, что это [именно] так, явствует из нашего полулатинского языка и из древних римских обрядов, которые не так уж давно у нас исчезли, а именно сожжение человеческих трупов, гадания, прорицания и прочие суеверия, до сих пор бытующие в некоторых местах, особенно в культе Эскулапия (Aesculapii)[152], почитаемого в виде змеи, в каком он переселился некогда из Эпидавра (Epidauro) в Рим (Romam). Почитаются и священные пенаты, моря, лары, лемуры, горы, пещеры, озера, священные леса. Но едва лишь этот священный и постоянный [обряд] римский (Romanorum) и еврейский (Hebreorum) жертвосожжения превратился в обычай, как под волной крещения погас ugnis, то есть огонь [153]—. Ведь и огонь, и вода, воздух, солнце, месяц, день, ночь, роса, заря, бог, человек, devir, то есть деверь, внук, внучка, ты, твой, мой, свой, легкий, тонкий, живой, юный, ветхий, старый, око, ухо, нос, зубы, люди, стой, сиди, поверни, выверни, переверни, вспаханный, взбороненный, посеянный, семя, чечевица, лен, конопля, овес, скот, овца, змея, скобы, корзина, ось, колесо, ярмо, вес, куль, тропка, почему, ныне, протянутый, втянутый, затянутый, вытянутый, купленный, некупленный, сшитый, несшитый, повернутый, вывернутый, перевернутый, первый, один, два, три, четыре, пять, шесть, семь и многие другие [слова] звучат в литовском языке так же, как и в латинском —[153]. Ведь пришли в эти края наши предки, воины и граждане римские, посланные некогда в колонии (in colonias), чтобы отогнать прочь от своих границ скифские народы (gentes Scythicas). Или в соответствии с более правильной точкой зрения, они были занесены бурями Океана при Г. Юлии Цезаре[154]. Действительно, когда этот Цезарь, как пишет Луц[ий] Флор (Luc. Florus)[155], победил и перебил германцев (Germanis) в Галлии, и, покорив ближайшую часть Германии, переправился через Рейн (Rhenum) и [поплыл] по Океану в Британию (in Britanniam), и его флот был разметан бурей, [и] плавание было не слишком удачно, и пристали корабли предков наших к побережью, то, как полагают, они вышли на сушу там, где ныне находится крепость Жемайтии Плотели (Ploteli)[156]. Ибо и в наше время приставали иные заморские корабли к этому самому побережью. Здесь наши предки, утомленные и морскими трудностями и опасностями, и владеющие огромным количеством пленных, как мужчин, так и женщин, начали жить в шатрах с очагами, по военному обычаю, до сих [пор] бытующему в Жемайтии. Пройдя оттуда дальше, они покорили соседний народ ятвягов (jaczvingos)[157], потом роксоланов (roxolanos), или рутенов (ruthenos)[158], над которыми тогда, как и над москвитянами (Moscis), господствовали за-

волжские татары; и во главе каждой рутенской крепости стояли так называемые баскаки (basskaki)[159]. Они были изгнаны оттуда родителями нашими италами (italis), которые после стали называться литалами (litali), потом — литвинами (Litvani). Тогда с присущей им отвагой, избавив рутенский народ (populis Ruthenicis), земли и крепости от татарского и баскакского рабства, они подчинили своей власти все от моря Жемайтского (a mari Samagitico), называемого Балтийским (Balteum), до Понта Эвксинского, где [находится] устье Борисфена, и до границ Валахии (Valachiae), другой римской колонии и земель Волыни (Voliniae), Подолии (Podoliae), Киевщины (Kijoviae), Северы (Siewer), а также степных областей вплоть до пределов Таврики и Товани (Towani), [места] переправы через Борисфен, а отсюда распространились на север к самой крайней и самой близкой к стольному граду Московии крепости [называемой] Можайском (Mozaisco), однако, исключая ее, но включая Вязьму (Wiazmam), Дорогобуж (Dorohobusz), Бе-

Владислав Ягайло (1385—1434)

лую (Biela), Торопец (Toropetz), Луки (Luki), Псков (Pskov), Новгород (Novihorod) и все ближайшие крепости и провинции [160]. Впоследствии воинской доблестью расширив так владения их, они добыли корону с королевским титулом князю (principi) своему Миндовгу (Mindawgo), принявшему святое крещение [161]. Но по смерти этого короля погибли как титул королевский, так и христианство, пока соседний христианский с нами народ польский (gens Polona), не вернул нас к святому крещению и высокому королевскому титулу, в год [от Рождества] Христа 1386. Он пригласил счастливо правящего здесь прадеда Священного Величества Вашего, блаженной памяти Владислава (Wladislavum), по-литовски (Litvanice), называемого Ягелло (Jagelonem) [162], чтобы объединенная доблесть двух

Возвращение Ягайлы в Люблин после Грюнвальда

граничащих друг с другом народов усилилась в отражении общего врага имени христианского. В эту землю стекся изо всех других земель самый скверный народ иудейский (judaica), уже распространившийся по всем городам Подолии, Волыни и других плодородных областей; [народ] коварный, ловкий, лживый, подделывающий у нас товары, деньги, расписки, печати, на всех рынках лишающий христиан пропитания, не знающий иных способов [поведения], кроме обмана и клеветы; как доносит Священное Писание, это злейший народ из рода халдеев (chaldaeorum), развратный, греховный, неверный, подлый, порочный.

Извлечение из шестого фрагмента

Татары превосходят нас не только воздержанием и благоразумием, но и любовью к ближнему. Ибо между собой они сохраняют дружеские и добрые отношения. С рабами, которых они имеют только из чужих стран, они обходятся справедливо. И хотя они или добыты в сражении, или [приобретены] за деньги, однако более семи лет их не держат [в неволе]. Так предначертано в Священном Писании, Исход, 21. А мы держим в вечном рабстве не добытых в сражении или за деньги, не чужеземцев, но нашего рода и веры, сирот, бедняков, состоящих в браке с невольницами[163]. И мы злоупотребляем нашей властью над ними, ибо мы истязаем, увечим, казним их без законного суда, по любому подозрению[164]. Напротив, у татар и москвитян (Moscos) ни один чиновник не может казнить человека, пусть и уличенного в преступлении, кроме столичных судей; и то — в столице. А у нас по всем деревням и городам выносятся приговоры людям. До сих пор мы берем налоги на защиту государства от одних лишь подвластных нам бедных горожан и беднейших земледельцев, обходя владельцев земель[165], тогда как они многое получают от своих латифундий (latifundiis), пашен, лугов, пастбищ, садов, огородов, плодовых насаждений, лесов, рощ, пасек, ловов, кабаков, мастерских, торгов, таможен, морских поборов (naulis), пристаней (portoriis), озер, рек, прудов, рыбных ловов, мельниц, стад, труда рабов и рабынь. А гораздо лучше шли бы военные дела и собирались нужные для нас подати, которые взимались бы с каждого человека, если бы пришло к концу начатое измерение всех земель и пашен, [принадлежащих] как шляхте, так и простому люду (plebeiorum)[166]. Ибо тот, у кого земли больше, больше и вносил бы.

Извлечение из седьмого фрагмента

Татары всегда держат своих жен взаперти. Наши же ходят без дела в гости друг к другу, вмешиваясь в мужские компании, одеты чуть ли не по-мужски. Вот откуда рождается соб-

лазн. Они же ставят себе целью заполнить людьми землю, о которой говорится, что она создана для обитания, и распространить род человеческий во славу Господа. Кроме того, поскольку не каждая женщина плодовита, и не во всякое время месяца доступна для мужчины, и не всегда способна зачать, а, однажды зачав потомство, в это время не должна быть познана, ибо жена берется ради потомства, а не похоти, а от одного соития иногда бывает зачат плод не единственный, как видно на примере Фамари и Ревекки[167]. Поэтому, говорю я, татары так заботятся о жизненной силе мужского семени и остерегаются, как бы оно не растратилось впустую. Они следуют указаниям природы и достойному похвалы обычаю древних, о которых [говорится] в Библии,— они все, как один, имеют многих жен[168]. От этих браков они обретают бо́льшие по сравнению с нами силы, приобретают великое множество детей и родственников, а жены их, чем их больше, тем более ими любимы, и они наслаждаются счастливыми браками. Они не ищут ни большого приданого за невестами, ни красоты, ни славного рода, вплоть до того, что верховные вожди берут себе жен из купленных ими невольниц.

Впрочем, у нас, вопреки обычаю древних и святых людей и [согласно] животной природе (да не оскорбим этим слух благочестивых), иногда приходят многие к одной женщине, не ожидая от этого ни потомства, ни родства, ни иного плода дружбы, не боясь Бога. Они ищут приданого, ценят красоту, которой женщины привязывают к себе и покоряют мужчин. Они [женщины.— *В. М.*] становятся надменными и стремятся к тому, чтобы быть не столько непорочными, сколько денежными и красивыми, даже если деньги порой мнимые, [а] лица крашенные. Вот что получило распространение в народе нашем после обнародования известного закона Лит/овский/ стат/ут/ разд/ел/ 4, ст. 7, по которому в приданое женщины назначается определенная часть наследства[169]. Вот почему, возгордившись, они нередко пренебрегают добродетелью, неуважительно относятся к опекунам, родителям, супругам и готовы даже покуситься на их жизнь. Этим множеством жен достигается то, что соседние с нами перекопские татары, столько раз наголову разбитые нами, снова плодятся. Не так давно в войске Ослам Солтана[170] были собраны сразу 40 сыновей некоего Омельдеша (Omeldesz)[171], сильные, рожденные случайно в один год, может быть, и месяц, женами и наложницами его. Эта когорта из 40 братьев была великолепна. И ныне у реки Ваки (Vaka) есть большая татарская деревня (villa), издревле называемая Сорок Татар, то есть братьев[172]. Известно, что обычай покупки невест, который существует у татар, был также у израильтян (israelitas), Бытие, 29 и 1 Царств, 18[173]. Точно так же некогда и у нашего народа родители [жениха] должны были давать за невесту выкуп, который у жемайтов (Samagitis) называется крено (Krieno)[174]. Но ныне нас покупают приданым жен, и мы,

стремясь обрести знатную родню, превращаемся из-за них в рабов.

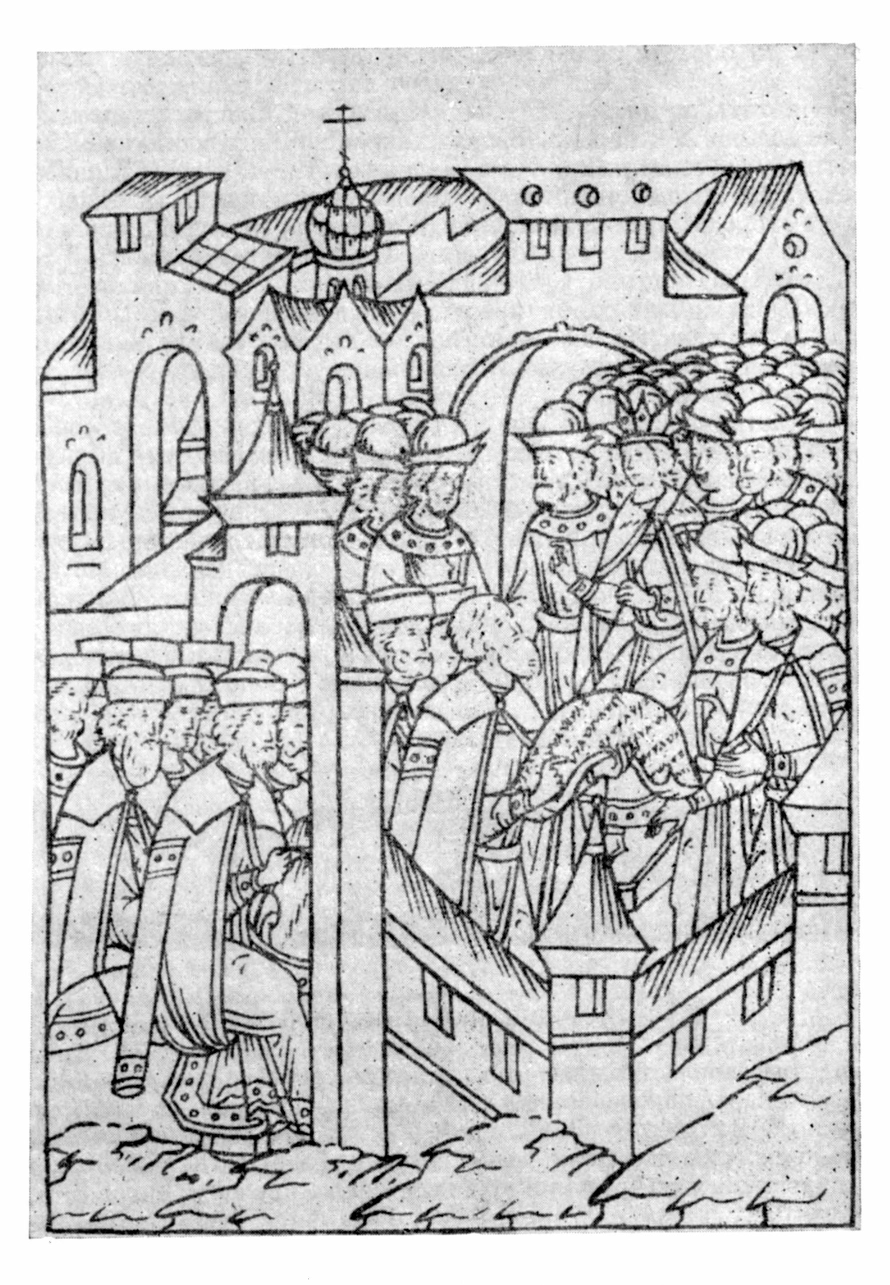
Ни татары, ни москвитяне (Mosci) не дают женщинам никакой воли. А в народе говорят так: «Кто даст волю женщине, тот у себя ее отнимет». Они не имеют у них прав. У нас же некоторые главенствуют надо многими мужчинами, владея селами, городами, землями, одни обладая правом пользования, другие — по закону наследования. Одолеваемые похотью, они живут разнузданные под видом девства или вдовства и докучают подданным, одних преследуя ненавистью, других возвышая и губя слепой любовью, поскольку «горче смерти женщина» и «всякая злость мала в сравнении с злостию жены». Экклезиаст, 7 и 25[175].

И хотя власть женская достаточно позорна, даже в собственном доме, однако у нас принадлежат им крепости [вблизи] земель москвитян (Moscorum), татар, турок, валахов (Valachorum), которые следует вверять лишь сильным духом мужам[176]. Следовательно, не зря предки Священного Величества Вашего не давали женщинам воли и этого права наследования. Но выдавали их замуж по своему, а не по их разумению[177]: мужам, знатным не по богатству, не по роду, а по достоинству заслужившим знатность, проливая в сражениях кровь и свою и вражескую. Итак, даже храбро сражавшимся конюхам отдавались здесь жены за геройство; а назывались они Саконы (Sakones) и Сунгайлоны (Sungailones)[178].

Извлечение из восьмого фрагмента

Иные, прельстившись этими дарами, нередко даже из народа, стали хорошими воинами, с помощью которых предки Священного Величества Вашего вдоль и вширь раздвинули свои владения, так что даже ныне посреди Таврики и Московии и в других землях (provinciis) видны следы предков Величества Вашего: ведь там названы в честь Гедимина[179] и Витовта (Gediminei ac Vitowdini) валы, холмы, колодези, мосты, дороги, рвы, лагеря и стены[180], разрушенные их метательными машинами, о других же помнят, что они были уничтожены палками (baculis) литвинов[181]. Но все же ни в косности и ни в безделии не увядало мужество юных, они постоянно упражнялись в военном деле по обычаю их римских предков, ведь они не ждали объявления войны или грубого вторжения врага, или благопри-

Прием литовских послов в Москве в 1542 г. *Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.*

ятного летнего времени, но или из-за частного или из-за не слишком грубого нарушения начинали войну, иногда они нападали на стольный град москвитян (Moscovum) Москву перед Пасхой и там с поверженными врагами заключали мир[182]. А ныне князь их страшен нам, поскольку он постоянно обучает людей своих воинскому искусству. Не подобает никому из местных жителей вечно сидеть дома, но надлежит поочереди посылать их на защиту границ. Над этой нашей ленивой беспечностью враги наши татары обычно зло насмехаются, когда мы после пирушек погружены в сон, [а] они нападают со словами: «Иван, ты спишь, [а] я тружусь, связывая тебя»[183]. Ныне наших воинов погибает в безделье по кабакам и в драках друг с другом больше, чем врагов, которые нередко разоряли нашу отчизну. А между тем в ратном деле на полях сражений в Подолии и Киевщине с трезвым и ловким врагом они имели бы бóльшую возможность достичь воинской славы и могли бы превратиться из новобранцев в опытных воинов и вождей, и не надо было бы для этого искать людей на стороне. Предки Величества Вашего не гнушались подданными своими, в интересах которых было храбро сражаться и умирать за свои обычаи и отчизну. И если бы двоюродный брат Священного Величества Вашего король Венгрии (Hungariae) Людовик (Ludovicus) не предпочел наемников своим собственным воинам, им бы не пренебрегли в походе, не бросили бы в сражении и не растоптали бы при бегстве[184]. Узнал цену их верности дед и его, и Величества Вашего блаженной памяти Казимир (Casimirus), сражаясь с крестоносцами при Хойнице (Choinicze) в Пруссии; там, когда войско его пришло в замешательство, а он, исполняя долг воина и вождя [и] изнемогая от усталости и тяжести доспехов, на раненном коне был тут же окружен воинами народа нашего [и], пересев на другого [коня], рассеяв вражеские полчища, спасся от неминуемой гибели[185]. Подражая этому, и москвитяне (Mosci) не готовят в войско воинов-наемников, [которые] когда-нибудь уйдут из их земли (e regiono), и не расточают на них деньги, но стараются поощрять своих людей к усердной службе, заботясь не о плате за службу, но о величине их наследства. Ныне же наши воины, охраняющие границы, хотя и пользуются многими пожалованиями и льготами и имеют преимущества по сравнению с другими воинами, однако пренебрегают ими, позволяя заниматься военным делом и защищать отечество беглым москвитянам (moscovitis) и татарам. Мы ежегодно подносим дары царю перекопскому (caesari praecopensi), тогда как наша литовская и жемайтская (Litvana et Samagitana) молодежь была бы полезнее в войске, обладая как врожденной отвагой, так и физической силой, и будучи более твердой и несгибаемой при обороне. Но не разумеют наши начальники (summates), что и государство стареет в праздности, и тела юношей более укрепляются на воинской службе, чем дома.

Фрагмент девятый

В Литве один человек занимает десять должностей, тогда как остальные исключены от исполнения их. А москвитяне (Moscus) соблюдают равенство между собой, множество обязанностей не возлагается на одного. Управление одной крепостью осуществляется одновременно двумя наместниками (prefectis), двумя писарями (notarii) в течение года или самое большее двух лет[186]. Это ведет к тому, что придворные (aulici), надеясь получить власть (praefecturae), более ревностно служат своему князю; и подданные пользуются милостью властей (praesidibus), поскольку в этом они должны дать отчет или предстать за это перед судом. Ведь осужденному (damnato) за взятки (repetundarum), надлежит вступить в поединок с пострадавшей стороной, даже с плебеем (plebeio). И пусть даже будет разрешено обвиненному (incusato) выставить на поединок другого вместо себя, все равно, если он потерпит поражение, обвиняемый (accusatus) приговаривается к уплате штрафа. Так что при дворе весьма редко слышатся жалобы на притеснения.

Даже и в повседневных делах блещет хитроумие этого варвара. Ведь он настолько ничем не брезгует, что продает мякину, сено и солому. На пирах же его используются большие золотые и серебряные чаши, называемые соломенными, то есть отлитые на выручку от сена и мякины. Осмотрительное распределение должностей приносит еще и ту выгоду, что те, кого он посылает защищать границы земель, исполнять общественные дела, а также отправлять зарубежные посольства, выполняют все эти поручения не на полученные от князя средства, а на собственный счет[187]. И если только все будет выполнено по приказу и повелению его, то в качестве вознаграждения они получают от него не наличные деньги, но отдельные из уже упомянутых префектур. Подобное этому было уже у римлян (Romanos), как свидетельствует Лука в Деяниях, гл. 24. «По прошествии двух лет,— говорит он,— на место Феликса поступил Порций Фест»[188]. А у нас, напротив, те, кого куда-нибудь посылают, даже если они еще не заслужили, все же вдоволь получают денег из казны, хотя многие и возвращаются, ничего не сделав. При этом они в обузу тем, через чьи владения лежит их путь, [и только] загоняют находящихся в их распоряжении лошадей, которых мы называем подводами (podwodas). А в Московии использование таких лошадей позволено лишь гонцу (tabellario), отправляющемуся срочно по государственному делу; быстро скача на них и часто меняя усталых (ведь

Иван IV. *Парсуна XVI в. Копенгаген*

повсюду для этого есть быстрые и свежие [кони]), они скоро разносят вести[189]. В Литве же канцелярия (cancellaria) Вашего Величества не скупится на раздачу грамот (diplomatum) для такого рода поездок. Кроме того, наносится ущерб подводам, [которыми пользуются] для перевозки личного имущества придворных. И вследствие нехватки подвод мы без оповещения подвергаемся нападению врагов, опережающих вести об их появлении, посланные от самых границ. Ведь были не так давно освобождены от этой обязанности (ministerio) те, которые, издавна получив ее вместе с землей, должны были выполнять ее по всем дорогам от земель москвитян (Moscorum), татар и турок до стольного града нашего Вильны (ad Vilnam). Эти их привилегии (privilegia) следовало бы упразднить как вредные для блага государства. Имеется уже великое множество московских (Moscorum) перебежчиков, нередко появляющихся среди нас, которые, разведав дела и разузнав о деньгах, состояниях и обычаях наших, беспрепятственно возвращаются восвояси; пребывая у нас, они тайно передают своим наши планы[190].

А у татар они ходят в невольниках, у ливонцев (Livoniensibus) же таких убивают, хотя москвитяне (Mosci) не занимали никаких их земель, но всегда связаны с ними вечным миром и договором о [добро]соседстве. Более того, убивший получает кроме имущества убитого определенную сумму денег от правительства. Ибо открылось молящемуся Иисусу, сыну Сирахову: «Не верь врагу твоему вовек», «не ставь его подле себя, чтоб он, низринув тебя, не стал на твое место»[191]; если бы и мы руководствовались этими советами, то не потеряли бы ни крепостей, ни земель Северских (provincias Severenses). С ними отпали от нас Можайск (Mozaiski) и Ошомачиц (Ossomacitz)[192]. Города эти были бедны, когда перешли к нам, а от нас отошли богатые и усиленные целыми землями, которые были вверены их управлению (administrationi). Ведь это род людей коварных и вероломных, всегда неискренних и ненадежных. Вернувшись на родину и став полководцами (duces), они дерзко опустошали наши земли (regiones). Среди перебежчиков москвитян (Moscos), которые глубокими ночами убивали жителей Вильны и освобождали из тюрьмы пленников своего рода, был один священник (presbyter), который, тайно проникнув в королевскую канцелярию (cancellariae regiae), доставлял своему князю (ducem) копии договоров (foederum), постановлений (decretorum), указов (consiliorum) –[190]. Другой купил у одной девушки евхаристию, используемую при таинстве причастия, для чародейства и ворожбы. И когда в 1529 году вся Вильна сгорела дотла[193], то такие вот пронырливые и преступные люди немедленно донесли своему князю (principi). Здесь в соборной церкви блаженного Станислава (Stanislai)[194], крытой свинцом с золочеными верхами, украшенной также драгоценными каменьями, вместе со многими золотыми, серебряными сосудами, сгорело и около трехсот старинных знамен, добытых в победах над роксоланами, москвитянами, (Moscorum), алеманами (Alemanorum) и другими народами. После победы над москвитянами (Moscus) при Орше (ad Orsam) в день Рождества Девы Марии, 8 сентября 1514 г., когда убитых и взятых в плен было восемьдесят тысяч[195], к этим знаменам были присовокуплены еще 12. Ведь этим хитрым человеком перебежчику, возвратившемуся даже ни с чем, установлено вознаграждение: рабу — свобода, плебею — знатность, должнику, опутанному долгами,— свободу от долгов, преступнику — прощение. Есть у нас славная крепость и град Киев (Kiovia). Она, однако, как и прочие, запущена: с холмов ее, как гласит народная поговорка роксоланов, можно видеть многие другие места. Главная среди прочих крепостей и земель, поставленная на реке, со всех сторон окруженная полями и лесами, она обладает настолько плодородными и легкими для обработки почвами, что всего раз вспаханные на двух волах они дают щедрые всходы. Родятся также дикие травы, с корнями и стеблями, пригодными для пищи человека, и деревья с разными изысканными плодами,

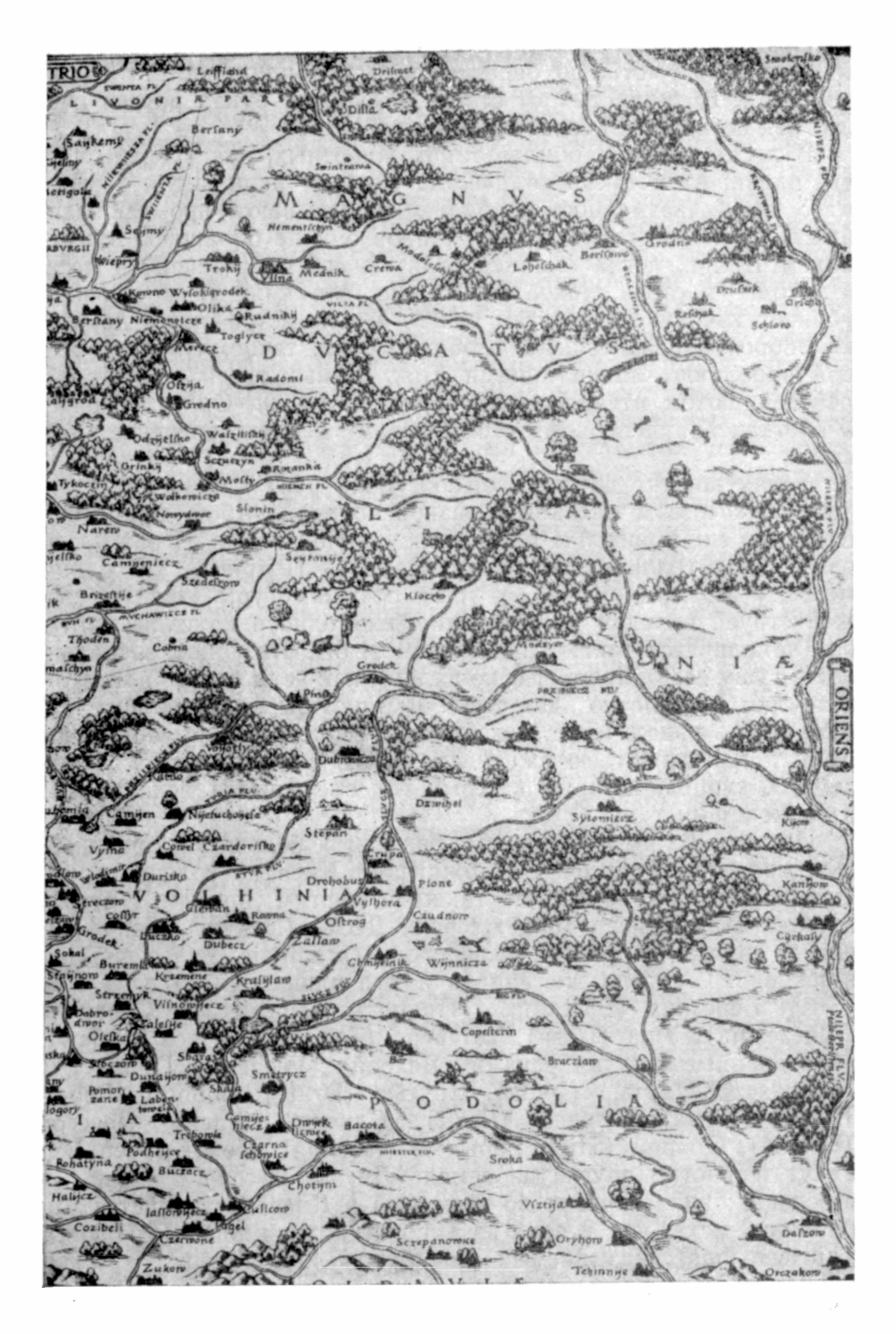
а также виноград. Чем более ухожен виноград, тем крупнее грозди; кроме того, по берегам реки в обилии растет дикий виноград. В дуплистых от старости дубах и буках роятся пчелы, мед которых изумителен на цвет и вкус.

В лесах и полях обилие таких животных, как зубры, онагры, олени; их в таком количестве убивают ради шкур, что все мясо из-за чрезмерного изобилия выбрасывают, кроме филейных частей. На диких коз и кабанов они не обращают внимания. Антилоп, когда они переходят зимой из степей в леса, а летом — в степи, такое множество, что каждый крестьянин убивает тысячу. По берегам рек то и дело встречаются домишки бобров. Поразительное изобилие птиц, такое, что дети весной наполняют лодки яйцами уток, лесных гусей, журавлей, лебедей, потом птенцами их заполняют садки. Орлят держат в клетках ради перьев, чтобы потом делать оперение для стрел.

Собак кормят дичью и рыбой. Ведь реки кишат невероятным количеством мальков и разной крупной рыбой, поднимающейся из моря вверх, в пресные воды. Некоторые из них называются золотыми, прежде всего Припять (Pripiecz). В одном месте, у Мозыря (Mozir), у устья речушки Туры (Tur)[196], свежей струей вытекая из источника, ежегодно в календы марта, она наполняется таким множеством рыбы, что копье, вставленное в гущу ее, застревает и не падает, как если бы его воткнули в землю. Так плотно идет рыба. Я и сам бы этому не поверил, если бы не видел часто, как оттуда беспрестанно вычерпывают рыбу и наполняют ею ежедневно около тысячи повозок чужеземных купцов, которые каждый год съезжаются туда в одно и то же время.

Из всех же имеющихся там рек самой большой и обильнейшей является Борисфен, снабжающий Киев не только огромным количеством рыбы, но также и многим другим. В него с востока выше Киева впадают реки Десна (Dessna), Сейм (Siem) и другие из земли Северской (provincia Sevieriensi) и Московии. С севера же, запада и юга вливаются в него Сож (Sos), Березина (Beresina), Припять (Prypiecz), Словечна (Slorzesnia), Уша (Ussa), Тетерев (Teterew), Рпев (Rpiew), образованные каждая реками Вехрой (Vechra), Пропастью (Propascz), Ипутью (Iputz), Друтью (Drutz), Бобром (Bobr), Титвой (Titwa), Птичью (Pczit), Случем (Slucz), Орессой (Oressa), Стырем (Stir), Горынью (Horinia), Пеной (Piena)[197]. Текут и многие другие из земель Литвы, Руссии, Волыни и Московии; вниз и вверх по всем ним в Киев доставляется рыба, мясо, меха, мед и соль из Таврических лиманов (ex lacunis Tauricensibus), называемых Качибичов (Kaczibiciow)[198]. Там наполнить целый корабль солью стоит десять стрел.

Полезен также Борисфен всем землям Величества Вашего для отражения набегов татар. Ведь и у плывущих по нему ниже Черкасс (Cerkassi) в одиннадцати местах встают на пути

Полония. Фрагмент карты Великого княжества Литовского, XVII в.

пороги (limina), имеющие свои названия[199]. Они представляют трудности из-за крутых и лежащих поперек пути подводных камней. Их можно преодолеть, только разгрузив суда, а из-за высоких, крутых, скалистых берегов к ним нельзя пристать, а переправа возможна лишь в нескольких местах ниже Черкасс (Cirkassi). Они [переправы] называются Кременчуг (Kerměczik), Упск (Upsk), Гербердейев Рог (Hierbedeiewrog), Машурин (Massurin), Кочкош (Koczkosz), Товань (Towany), Бурхун (Burhun), Тягиня (Tyachinia), Очаков[200]. Если бы в этих местах стояли даже небольшие морские отряды, то они могли бы преградить путь огромным татарским полчищам. Ведь, когда они переплывают, как обычно, без судов, привязавшись к коням и безоружные и нагие, то их разбивают те, которые устремляются на суденышках с островов, из камышовых зарослей и ивняка.

Но насколько наш Борисфен опасен для перекопских [татар] летом, настолько удобен зимой, ибо, когда прекращается судоходство, они спокойно пасут свои стада за рвом на островах и в ивняках этой реки. Поэтому они говорят, что он струится медом и молоком[201]. Ибо он, протекая в верховьях лесистыми и медоносными, в низовьях — степными и пригодными для пастьбы местами, дает местным жителям обилие молока и меда. Поэтому они убеждены, что им следует хранить мир и союз с великим князем Литвы, владыкой Борисфена. Вся эта река, от истока до устья, а именно и на востоке и на западе, протекает по землям, [находящимся] с древних времен под властью литовской, близ крепостей, перечисленных мною, — Вязьма (Viazma), Дорогобуж (Dorohobusz), Смоленск (Smolensko), Дубровна (Dubrowno), Орша (Orssa), Могилев (Mohilew), Рогачев (Rohaczow), Быхов (Bihow), Речица (Reczicza), Любеч (Lubecz), Чернобыль (Czornobil), Киев (Kiow), Канев (Kaniew), Черкассы (Czerkassi) и Дашов (Dassow), иначе — Очаков. Там он впадает в море, разделенный на двенадцать рукавов. Все вместе они называются Лиман (Linien), [а один из них] близ устья Днестра (Dnestri) имеет название Видово (Vidovo), по имени поэта Овидия, [так как] полагают, что он жил в изгнании в этой части Понта[202]. Так считается, что и Илион (Ilium), или Троя (Troiam), некогда находились на киевской территории (territorio Kioviensi), в плодороднейших степях и живописнейших лесах[203]. Здесь можно видеть памятники, от которых ныне сохранились развалины, подземелья, гроты, мраморные плиты и остатки мощных стен. Это давно покинутое, но весьма удобное для обитания место называется ныне Торговица[204] (Torgovitza).

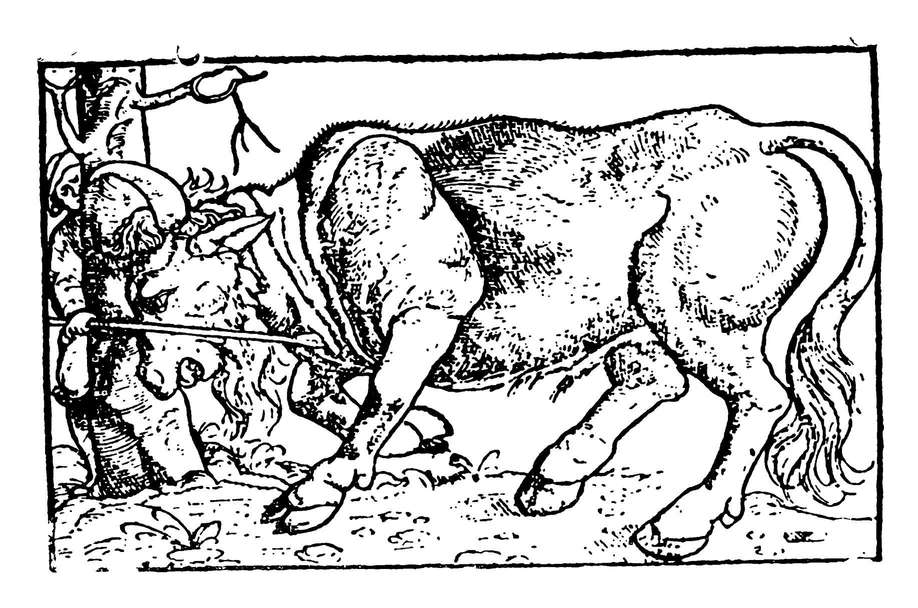
Киев изобилует также и заморскими товарами. Ведь каких только каменьев, шелковых [одежд], вытканных золотом, шелков, курений, благовоний, шафрана, перца и прочих пряностей ни доставляют из Азии, Персии (Perside), Индии, Аравии (Arabia), Сирии (Syria) на север (Septentrionem), в Московию,

Псков (Plescoviam), Новгород (Novogardiam), Швецию (Sveciam), Данию (Daciam), не каким иным более надежным, более прямым и более проторенным путем, но именно этим, древним и весьма наезженным, ведущим от порта Понта Эвксинского, то есть от города Каффы, через ворота Таврики (per portam Taurice) и Тованский перевоз на Борисфене, а оттуда степью в Киев. Ведь имеют обыкновение ходить туда чужеземные купцы, большей частью в тысячу числом, собравшись в группы (cohortes), называемые караваны (korovani), со многими нагруженными повозками и навьюченными верблюдами. Они издревле платили за знак на таможне[205] предкам Священного Величества Вашего, при переправе через Борисфен у Товани. Там и ныне существует сводчатое помещение из цельного камня, которое и нами, и жителями Таврики (Tavricani), и греками называется Витординской баней (balneum Vitordinum)[206]. И говорят, что здесь останавливался сборщик налогов (publicanus) великого князя Литвы, собиравший пошлину. Так что, если кто-нибудь не уплатил пошлину или был уличен в беспошлинном провозе товаров, на того налагался штраф, а все его добро изымалось для Киева. Этот закон, называемый осменничество (Ossmicztwo)[207], поставленный с целью обуздать сарацинскую (Saracenicae) алчность, и служивший много веков, не так давно начал выходить из употребления.

Когда же купцы, чтобы избежать двойной переправы через Борисфен, не желая платить пошлину Величеству Вашему, отклонившись от древнего пути, ведущего через владения Величества Вашего, идут вниз от ворот Таврики, прямо устремляясь по нехоженным полям в Московию к Путивлю (Putivl), или возвращаются из него, то случается, что там их грабят, да и разбойники нападают.

Вот тогда сильно наживаются киевские жители (praesides): сборщики налогов, купцы, менялы (trapezitae), лодочники (naucleri), извозчики (vectores), трактирщики (lixae), кабатчики (caupones), и до сих пор на это не жаловались ни москвитяне (Moscus), ни турки, ни татары. Но и тогда получают они выгоду от этих караванов, когда иной раз те идут зимой по непроходимым полям и гибнут под снежными заносами.

Так случается, что киевские хаты, изобилуя плодами и фруктами, медом, мясом и рыбой, но грязные, полнятся драгоценными шелками, каменьями, соболями (zobolis) и другими мехами, пряностями, настолько, что я видел там шелк дешевле, чем в Вильне лен, а перец дешевле соли. А счастливая и обильная Киевщина богата и людьми, ибо на Борисфене и на других впадающих в него реках есть немало многолюдных городов, много деревень, жители которых уже с детства приучаются плавать, ходить на судах, ловить рыбу, охотиться; из них одни скрываются от власти отца, или от рабства, или от службы, или от [наказания за] преступления, или от долгов, или от чего иного; других же привлекают к ней, особенно весной, более

Зубр. *Гравюра XVI в.*

Тур. *Гравюра XVI в.*

богатая нажива и более обильные места. И испытав радости в ее крепостях, они оттуда уже никогда не возвращаются; а в короткое время становятся такими сильными, что могут кулаком валить медведей и зубров. Привыкнув к жизненным невзгодам, они становятся весьма отважными. Поэтому там очень легко набрать множество добрых воинов [208].

Она была владением князей Руссии и Московии; в ней они также приняли христианство; и ныне в ней есть величественные старинные церкви (basilicas), воздвигнутые из полированного мрамора и прочих заморских материалов, крытые свинцом, медью, а также и позолоченными пластинами. Есть и весьма богатые монастыри (monasteria), особенно тот, что посвящен Благой Деве Марии. Он хранит в своих подземельях и подземных ходах многие гробницы, в которых лежат нетленные и иссохшие останки: поскольку они считаются святыми, то с благоговением почитаются рутенами. Ибо они полагают, что души тех, чьи тела погребены здесь, обрели от этого вечное спасение. Поэтому вся самая высшая знать, даже из отдаленных мест, и деньгами и дарами стремится заслужить право быть погребенными здесь [209]. Князь москвитян (Moscorum) собирает ежегодно значительные доходы с тех владений этого монастыря, которые отошли к нему. Но он не спешит возвратить их, потому что сам всеми силами желает овладеть этим городом, который по сердцу ему, утверждая, что он — потомок Владимира (Volodimiri), киевского князя [210]. Немало печалятся и люди его, что не владеют столь древней столицей царей (cathedram stemmatum) и святынями ее.

При всех удобствах города, есть у него и свои неудобства. Ведь жители его не защищены от татар, нападающих на границы его из засад. Однако они не пытаются взять его силой. Грозят приезжим и лихорадки, происходящие от дневного сна, а также от переедания рыбы и плодов; коням же их — от травы, зараженной разливами богатого рыбой Борисфена. Посевы же очень часто портит саранча, налетающая из приморских мест. Родятся там у рек и в лесах рои как пчел, так и прочих насекомых, вредных для крови, таких, как бескрылая саранча, комары, мухи, особенно много их с июльских календ.

Извлечение из десятого фрагмента

Религия, или закон, общий у татар с турками, а также с прочими сарацинами, напоминает иудаизм (judaismum) и несторианскую ересь (haeresim Nestorianum)[211]. Они признают единого и цельного (simplicem) Бога. Ибо они верят в Христа, святого проповедника и конечного судию мира, рожденного от непорочной Девы, но не претерпевшего страстей. Они соблюдают обрезание. Но его производят в таком зрелом возрасте, в каком подвергся обрезанию Измаил (Ismahel), патриарх их. Рассказывают, что возникла эта секта (secta) в Мекке (Mecha)[212], городе Аравии, около 600 года от Рождества Христова при содействии иудеев (judaeis), переселившихся туда после падения Иерусалима, по злому умыслу некоего монаха и злостного вероотступника Сергия (Sergii), на погибель христианства (Christianitatis). Она [была] создана одним неграмотным арабом (Arabem), наделенным весьма острым умом. Он, став из возницы мужем и господином богатой женщины, возжелал также возыметь власть над своими [людьми]. Когда эта попытка не удалась, он выдал себя за посланника (nuntium) и пророка божьего и убедил [в этом] арабских идолопоклонников[213]. Вера эта, которую они считают себя обязанными распространять оружием, настолько баснословна, что они высшее благо и наслаждение полагают в удовольствиях, которыми блаженные будут наслаждаться в будущей жизни посредством вкушания, осязания и всех внешних чувств. И все же варвары в таком скотском заблуждении бахвалятся, что они близки Богу, а любовью и деяниями, которыми умилостивляют Божественное Величие, превосходят нас. И они сулят, что по делам Бог благосклонен к ним и надеются, что положение их дел со временем улучшится; таково человеческое тщеславие.

Нас же, христиан, из-за большой небрежности к божественным делам и тому, какие один другому наносит вред, зло, они порицают, осмеивают, попрекают, [говоря], что [мы] варвары, безбожники, случайно носящие имя Христа, не принадлежащие к его вере, и почитают нас недостойными общения с ними. Они свято чтут правосудие. Они проповедуют свою религию с неутомимым рвением. Молитвой они начинают день и молитвами кончают. Ежедневно утром, вечером и днем они молятся; и ничто не может заставить их отказаться от этого. Это дело они возлагают не только на священнослужителей (sacerdotes), хотя и их они имеют для молитвы и толкования веры. Любой у них, как клирик (clericus), так и мирянин (laicus) и тайно, и пред

людьми на всеобщих сходках исповедуют Бога, Землю, на которой они, всегда трезвые, с конечностями, омытыми очистительной водой, беседуют с Богом, подражая Священному Писанию, они почитают святой и простираются на ней. В святилищах у них нет никаках сидений. Они производят своеобразные жесты, предписанные и определенные законом, воздевают ладони к небу, преклоняют колени, наклоняясь до самой земли, припадают к ней лицом, всем сердцем, и всеми членами они предаются молитве, в которой они говорят не слишком много слов, но исключительно эти: «Единому и бессмертному Богу, Творцу неба и земли, кроме которого нет иного, честь и слава во веки веков».

К молитве они присовокупляют пост. Ведь они целыми днями умерщвляют души свои не только голодом и жаждой, но воздерживаются от всякого нечестивого слова и дела, не помышляя ни о чем, кроме божественного, до глубокой ночи, когда они принимают пищу не для пресыщения, но для восстановления сил. Им смешны наши посты, не включающие ни голода, ни жажды, ни пепла[214], ни размышлений о божественном, ни бдений, ни молитв.

Они щедры и раздавая милостыню. Ведь они не позволяют никому из своего народа нищенствовать или умирать от голода и холода. Однако с этими благодеяниями неразлучно связана справедливость. Ибо они дают не тем, кто превратит милостыню в алчность и роскошь, но беднякам, больным, паломникам, ученым (scholasticis), овладевающим знаниями писаний и обрядов их религии.

Выведывать божественные тайны у них считается грехом и невежеством, они проклинают нашу дерзость, поскольку иные из нас божественные суды и тайны, которые они называют великой бездной, обсуждают в застольях, всуе поминая имя Божие[215]. Татары высмеивают наших церковников или пророков (prophetas), порицают, что храмы полны украшений, сидений, алтарей, образов стареющего Бога и красивых женщин, возбуждающих похоть, [что] в них на сидениях почтеннейшие [люди] мирно восседают [и] спят, когда идет служба, а бедным людям не позволяют садиться; сами ходят в храмы, окруженные большой свитой (stipatores), позволяют им стоять возле себя, выставляя напоказ свою гордыню. А у татар нет ни одного хана (tyrannus), который окружал бы себя в синагоге служителями (apparitor) или телохранителями, дабы не выделяться среди народа. Он не претендует на то, чтобы восседать, его смирение соразмерно его величию.

Нас приглашают в храмы удары бронзы, их — громкие выкрики некиих слов хвалы Господу; они осуждают, что мы, вознося хвалу Господу, услаждаем слух наш трубами (buccinis), органами (organis), пением (harmoniis), невнятными словами молитв, а между тем природные наши органы безмолвствуют.

Те, кто являются у них священнослужителями, не жадны, не тщеславны, не преданы ни удовольствиям, ни наживе, менее

всего связаны с мирскими делами, но они честные, кроткие, скромные, прилежные в своей службе, преданы вере; они только отправляют службу и толкуют закон.

Ведь порицают наших священников не только язычники, но и соседние с нами рутены за то, что они пьют вино, а это — излишество, едят мясо и не женятся, подавляя в себе желание производить себе подобных. Ибо никто не может быть воздержанным, если Бог того не дал. От этого воздерживаются безбрачные греческие монахи. В то же время священники издревле имели своих жен, что явствует из многих мест Священного Писания: Левит 21. 3; Ездра 9; Даниил 14; Езекиил 44; Варух 6; Лука 1. 10; 18; у Тита 1.

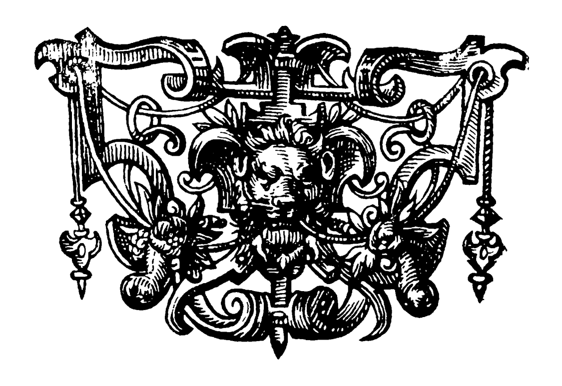
Если бы и наши поступали теперь так же, воздерживаясь за три дня до несения сосудов божиих, то жили бы непорочнее, нежели как изнеженные гурманы в этом поддельном безбрачии. Они всегда сгорают от вожделения или содержат наложниц, то есть, как говорит Софония, «оскверняют святыню»[216]. И, однако, мы на этих наемников (mercenarios) возлагаем обязанность восхваления Бога, трудную для нас, тогда как они скорее гневают Бога своими дурными нравами, чем угождают ему. Обязанности, порученные им нами, возлагают они на нерадивых наместников; сами между тем предаются удовольствиям и праздности; как трутни поедают пчелиный мед, так они — труд народа, пируют и роскошно одеваются. К церковным обязанностям, многим одновременно, еще не достигнув зрелого возраста, не испытав себя, необдуманно стремятся, [а потом] погружаются в мирские и кощунственные дела.

И хотя некогда священникам нельзя было иметь часть владений с народом Божиим, кроме десятины, однако наши не удовлетворяются десятинами, приношениями за отпущение грехов и другими разными доходами (quaestibus), которые они получают от богатых, бедных, новорожденных, вступающих в брак, больных, умирающих, умерших; к тому же кроме богатых имений (opima praedia) они стремятся управлять многими церквами одновременно, во вред обществу, вопреки закону и разуму, так как они в большинстве случаев не живут при тех церквах, в которые вошли непризванные, по словам Господа нашего, не через двери, но как воры и разбойники. Они сдают их мирянам, купцам, сводникам, продают. Есть много [церквей], которые никогда не видели своих пастырей (pastores) или приходских священников (plebanos).

Если кто-нибудь от границ королевства (regni) по всей Литве и Жемайтии, а также Руссии стал бы искать пастырей в церквах, приносящих такие доходы, что одна церковь может прокормить многих [пастырей], то не нашлось бы ни одной, где бы пастырь пребывал постоянно или же часто ее посещал. Поэтому пошатнулась вера в пастве, охладела любовь к Богу, перестали возносить хвалы Господу. И против таких-[пастырей] во многих местах гремят слова Божии[217]. Но я не хочу

навлечь на себя гнев священников, которым мы должны повиноваться и перед которыми должны представать, после того как я задел столь много разных людей. Довольно было размышлений об этом. Если бы положение это было исправлено, мы жили бы счастливее, вознося хвалу Вашему Королевскому Величеству, но особенно — величию Божьему.

Конец фрагментов Михалона Литвина

Комментарии

[1] В латинском тексте Михалон Литвин, следуя лишь одной из ветвей западной письменной традиции, употребляет искаженную форму этнонима, — «тартары», — что в какой-то степени указывает на его малоосведомленность о содержании и реальной форме данного термина и на книжные источники его информации. В данной публикации было признано более целесообразным применение исторического варианта этого этнонима — татары. *М. У.*

[2] *Авраам* — легендарный родоначальник еврейских племен. Согласно библейской традиции (Быт. XI—XXV) родиной Авраама считается Ур. *И. С.*

[3] *Александр* Македонский, Александр Великий (356—323 гг. до н. э.), полководец и государственный деятель, сын македонского царя Филиппа II и его жены Олимпиады, царь Македонии (336—323 гг. до н. э.) *И. С.*

[4] *Дарий* I (ум. 486 г. до н. э.), царь Персии из династии Ахеменидов (521—486 гг. до н. э.). *И. С.*

[5] *Кир* II Великий (ум. 530 г. до н. э.), царь Персии из династии Ахеменидов (558—530 гг. до н. э.). *И. С.*

[6] *Ксеркс* I (ум. 465 г. до н. э.), царь Персии из династии Ахеменидов (486—465 гг. до н. э.), сын Дария I и Атоссы, дочери Кира II. *И. С.*

[7] Тюркское слово «орда» означало, как сообщает С. Герберштейн, «собрание» или «множество» (Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 167 (далее — Герберштейн). В русском же языке этот термин первоначально означал «шатер», «ставку хана», центр улуса, а впоследствии — сам улус Джучи — Золотую Орду (Богатова Г. А. Золотая Орда//Русская речь. 1970. № 4. С. 70—77; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевая орда в улусе Джучи//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1970. № 5. С. 75—86). *М. У., А. Х.*

[8] Перекопские татары получили в ВКЛ название от «перекопа» рва на Крымском перешейке, на Руси их звали крымскими. *М. У., А. Х.*

[9] *Ногаи.* — Ногаи, тюркоязычная народность, относящаяся к кыпчакской группе, сложившаяся в XIV—XV вв. в результате смешения различных тюркских племен (половцев и преимущественно мангытов и кунгратов) на территории бывшего владения темника Ногая (ум. 1300 г.), к имени которого и восходит данный этноним. Подробнее см. прим. 639 к «Запискам» Герберштейн С. Указ. соч. С. 342). *М. У.*

Ногайская орда располагалась к востоку от Нижней Волги и занимала территорию от Северного Прикаспия и Приаралья до Туры и Камы и от Волги до Иртыша. Центр Орды — г. Сарайчик в низовье р. Яик (Поноженко Е. А. Общественно-политический строй Ногайской орды в XV— середине XVII в. М., 1977; Kappeler A. Moskau und die Steppe: Das

Verhälthis zu den Nogai—Tataren im 16. Jh.//Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd 46. Berlin, 1992. S. 87—106). *А. Х.*

[10] Астраханское ханство, татарское феодальное государство, на востоке граничило с Ногайской Ордой по р. Бузану, на юге его территория доходила до Терека, на западе до Кубани и Дона, на севере до г. Сарая. Астраханское ханство выделилось из состава Золотой Орды в XIV в.; окончательно обособилось ок. 1459—1460 гг.; первым правителем был Махмуд, брат хана Ахмата. Столица — г. Астрахань (Хаджи Тархан). Присоединено к России в 1556 г. (Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877; Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII в. М., 1955). *М. У.*

[11] Неточность. Танаис — древнегреческое название не Волги, а Дона *И. С.*

[12] *Батый* (Бату, Саин-хан) (ум. 1255) — монгольский хан, сын Джучи, внук Чингис-хана. В 1236—1243 гг. возглавил поход в Восточную Европу. В 1236 г. завоевал Половецкую степь (Дешт-и-Кыпчак), в 1237—1240 гг. — Русь, затем совершил поход на Польшу, Венгрию и Далмацию, но не смог захватить эти страны. После возвращения из походов в Европу (1243 г.) обосновался на Нижней Волге. В результате его завоеваний на территории от Иртыша до Дуная возникло государство Золотая Орда. В устье Волги Батый основал г. Сарай — столицу Золотой Орды (в восточных источниках — г. Сарай-Бату) (см.: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Спб., Т. 2. М.; Л., 1941. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950). *М. У.*

[13] *...над москвитянами и всеми рутенами.* — Согласно терминологии, принятой в ВКЛ, «москвитяне», «моски», «мосхи» — жители Московского княжества, а позднее и Русского государства. Противопоставление «москвитян» остальным русским — «рутенам», находившимся в ВКЛ, возникло в конце XV в., когда Иван III выдвинул претензии на все земли бывшего Древнерусского государства, населенные «русью» («русаками»). Отказывая этому князю в праве называться князем «всея Руси», литовские дипломаты и политические деятели признавали его лишь князем «Московии» (см. подробнее: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 100—102). *А. Х.*

[14] Казанское ханство — феодальное государство в Среднем Поволжье на территории Волжско-Камской Болгарии — выделилось из состава Золотой Орды в 1438 г. Основателем династии казанских ханов был Улу-Мухаммед (1438—1445 гг.). Столица — г. Казань. Казанское ханство прекратило свое существование после казанских походов 1545—1552 гг. и взятия Казани русскими войсками в 1552 г. (Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1—4; Спб., 1863—1887; История Татарской АССР. Т. 1. Казань, 1955. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. *М. У.*

[15] Казахская Орда образовалась в середине XV в. в результате отделения от Узбекской орды, получившей свое название от хана Узбека (ум. 1341), группы кочевников во главе с сыновьями хана Барака Гиреем и Джанибеком, которые обосновались в Монголистане в долине реки Чу. К началу XVI в. Орда заняла значительную часть теперешнего Казахстана, к этому же времени относится объединение казахских племен в Казахское ханство. С 30-х гг. XVI в. термин «казах» стал применяться ко всему населению степей, вхо-

дивших ранее в Узбекское ханство и расположенных к востоку от него районов (Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2. М., 1963; История Казахской ССР. Т. 1—2; Алма-Ата; Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1—2. Алма-Ата. 1961—1962). *М. У.*

[16] *Бухара* — в XVI в. резиденция династии Шейбанидов. Бухарское ханство — феодальное государство в Средней Азии в XVI — начале XX в. — образовалось в результате разгрома государства Тимуридов Шейбанидами. Название «Бухарское ханство» появилось в XVI в. после перенесения столицы из Самарканда в Бухару (История Узбекской ССР. Т. I, кн. 1—2. Ташкент, 1955—1956). *М. У.*

[17] *Самарканд* — город в долине р. Зеравшан. В IV в. до н. э. на месте Самарканда существовал город Мараканда (впервые упомянут в 329 г. до н. э.). В 1500 г. Самарканд был завоеван узбеками во главе с Шейбани-ханом. В середине XVI в. столица государства была перенесена из Самарканда в Бухару, и Самарканд вошел в состав Бухарского ханства (Вяткин В. Л. Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1927; История Узбекской ССР. Т. I, кн. 1—2; Пугаченкова Г. А. Самарканд. Бухара. М., 1961). *М. У.*

[18] *Исмаил* (Измаил), согласно библейской традиции, сын Авраама и рабыни-египтянки Агари; Коран называет его родоначальником арабских племен; считался предком и других кочевых народов. *М. У.* Ссылка Литвина не точна. Правильнее: Быт. 16. *А. Х.*

[19] *...озеро ...называется Меотийским.* — Меотида — название Азовского моря у древних греков и римлян — восходит к местному этнониму — меоты. *А. Х.*

[20] *...на тридцать миль.* — Миллиарий — римская мера длины, составляющая тысячу шагов; миля. *С. Д.*

[21] *...крепость... Перекоп.* — Свое название получила от рва, прорытого на перешейке, соединявшем полуостров Крым с материком. *С. Д.*

[22] *Таврика* — южная часть Крымского полуострова, названная по имени тавров — древнейших племен, упоминаемых античными источниками на этой территории. В средневековых источниках Таврика означает Крымский полуостров. *С. Д.*

[23] *...владение трапезундских греков.* — Трапезундская империя возникла на северо-востоке Малой Азии в процессе распада Византийской империи и существовала в 1204—1461 гг., столица — г. Трапезунд (совр. Трабзон). В 1461 г. завоевана султаном Мехмедом II и превращена в провинцию Османской империи (Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1926; Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981. Miller W. Trebisond, the last Greek Empire. L., 1926. *И. С.*

[24] Понтийское море, *Понт Эвксинский* — античное название Черного моря, употреблявшееся также в средневековых источниках. В русских летописях, начиная с Повести временных лет, встречается название Понтьское море. Понетьское море. *И. С.*

[25] Литвой автор именует ВКЛ, в состав которого в XVI в. входили и украинские земли. *С. Д.*

[26] *Черкассы* впервые упоминаются в 1282 г. В первой трети XIV в. вошли в состав Литовского княжества; являлись оборонительной крепостью

(Яковлів А. Намісники, державці и старости господарського замку Черкаського в кінці XVI ст. Київ, 1907). В 1532 г. подверглись нападению крымского хана Саадат-Гирея, после чего крепость была восстановлена в 1549 г. (Малиновский И. История панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. С. 185—189). *Ю. М.*

[27] *Брацлав* (в настоящее время поселок городского типа в Винницкой обл.), впервые упоминается в армянских летописях уже в 1059 г. в числе городов, с которыми армянские купцы вели торговлю; в русских летописях XII в. — Браславль. После захвата Подолья вел. кн. лит. Ольгердом в 1362 г. здесь сооружена крепость, разрушенная в результате набега татар в 1479 г. и восстановленная в 1479 г. по приказу вел. кн. Александра Казимировича. После присоединения украинских земель к Польше в 1569 г. — центр Брацлавского воеводства. По второму разделу Польши (1793 г.) перешел к России (Григоренко Г. Город Брацлав и его храмы. Каменец-Подольск, 1896; Малаков Д. В. По Брацлавщине (от Винницы до Тульчина). М., 1982). *С. Д.*

[28] *...всегда поросшими травой и повсюду очень ровными полями.* — Литвин имеет в виду причерноморские степи. Арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший в 1333—1334 гг. Золотую Орду, писал о них: «Степь эта зеленая, цветущая, но нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема» (Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 279). *И. С.*

[29] *Борисфен* — название Днепра в античности и в эпоху Возрождения в латиноязычной литературе. *С. Д.*

[30] *...обильна...солью.* — Итальянский купец Барбаро, посетивший Крым в XV в., описал «соляные озера» в Крыму около Перекопского перешейка: «Там (около перешейка к острову Каффы) находятся огромнейшие соляные озера, которые непосредственно тут же на месте и застывают» (Барбаро И. Путешествие в Тану//Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 154) — Фламандский путешественник Рубрук (1253 г.) сообщал, что татары получают большие доходы с налогов на соль, а также о том, что к Перекопу приезжают за солью со всей Руси. (Плано Карпини Дж. дель. История монголов; Рубрук де Г. Путешествие в восточные страны. М., 1957. (далее — Плано Карпини; Рубрук. Указ. соч.). *С. Д., И. С.*

[31] *Типеч* — очевидно, искаженное слово от тюркского корня «теп/тип» — в значении «лягать, бить ногами», в переносном значении — «добывать копытами траву из-под снега». Имеются ранние русские заимствования — тибеновать (добывать траву) и тебеновка (зимнее пастбище). У Литвина тюркское «тибин» превратилось в русское «типеч». *М. У.*

Рубрук, описывая черноморские степи, также отмечает, что они покрыты превосходной травой.

[32] *Солхат* (Старый Крым) возник еще в античную эпоху; его название, возможно, восходит к искаженному армянскому названию Сурб Хач (Святой крест) (Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Л., 1964. С. 170). Литвин заблуждается, полагая, что Солхат, Феодосия и Корсунь один и тот же город. См. прим. 33. *И. С.*

[33] *Феодосия* — основана выходцами из древнегреческого города Милета в середине VI в. до н. э. Во второй половине XIII в. генуэзцы основали там

торговую факторию Кафу. В 1475 г. Кафа (Каффа, ал-Кафа) перешла к туркам. *И. С.*

[34] *Корсунь* (Херсонес, Херсон). Основан в 422—421 гг. до н. э., в V—XI вв. — самый крупный город Причерноморья. С начала IX в. вступает в непосредственные связи с Русью. С 30-х гг. X в. Херсонес — центр византийской фемы (области) в Крыму, в 989 г. был захвачен киевским князем Владимиром Святославичем. Взятие Херсонеса было связано с введением христианства на Руси. Владимир Святославич помог Византии подавить восстание в Малой Азии, но византийский император отказался скрепить союз с Русью династическим браком своей сестры с киевским князем. Захват Владимиром Херсонеса заставил Византию выполнить свое обещание. Христианство было введено на Руси в качестве государственной религии около 988—989 гг. (Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948; Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. Спб., 1906; Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. М., 1991. Беляев С. А. Теперь я узнал истинного Бога // Наука в СССР. 1990. № 1 (55). С. 84—91). Shepard G. Some remarks on the souries for the Conversion of Ruś // Le origini e lo sviluppo della christianita slavo, — bizantina. Roma, 1992. P. 59—95. *И. С.*

[35] По мнению Р. Батуры, упомянутое Михалоном вторжение литовцев в Крым могло произойти в конце XIV в., во время походов вел. кн. Витовта (см. прим. 40) против татар (Batūra R. Lietuva tautu kovoje prieš Aukso Ordą. Vilnius, 1975. P. 299). Согласно другой точке зрения, такой поход литовцев мог состояться в 1363 г. при Ольгерде Гедиминовиче, великом князе литовском в 1345—1377 гг. (там же. С. 240—241). *И. С.*

[36] Это указание ошибочно. В действительности двери собора в древней столице Польши — Гнезно — средневековой немецкой работы (отлиты из бронзы ок. 1175 г.) и изображают сцены из жизни чешского епископа Войцеха (ок. 955—997), обращавшего в христианство жителей Поморья, убитого пруссами и причисленного к лику святых (Słownik historii Polski. Warszawa, 1973. S. 114—115, 537). С Корсунем традиция долгое время связывала появление ворот на Софийском соборе в Новгороде. Установлено, что так называемые «Корсунские врата» (их иногда именовали Сигтунскими, Магдебургскими, Плоцкими) были сделаны в 1153 г. в Магдебурге и первоначально предназначались для собора Успения Приснодевы Марии в Плоцке. Около 1453—1456 гг. они оказались в Новгороде (Поппе А. В. К истории романских дверей Софии Новгородской//Средневековая Русь. М., 1976. С. 191—200.) Видимо, Михалону была знакома легенда о вывозе русскими из Корсуни бронзовых врат, и он ошибочно связал ее с дверьми Гнезненского собора. Эта ошибка Михалона опровергает предположение Е. Охманьского о посещении Литвином Гнезна (см.: Охманьский Е. Михалон Литвин и его трактат о нравах татар, литовцев и москвитян середины XVI в.//Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., С. 104), поскольку побывав в этом городе, где был развит культ св. Войцеха, он, несомненно, знал бы, что на гнезненских дверях изображены сцены из жизни этого католического святого, и, следовательно, не мог бы приписывать их изготовление православным грекам. *С. Д.*

[37] *Темиркутл* (Темир Кутлук, Тимур-Кутлуг), хан Золотой Орды в 1305—1401 гг. *М. У.*

[38] Здесь и далее Литвин обращается к Сигизмунду I Старому (1467—

1545), который в 1506—1545 гг. был королем польским и в 1506—1544 гг. великим князем литовским. *С. Д.*

[39] *Ачкирей-хан* Хаджи-Гирей бин Гияс ад-дина бин Таш-Тимура, хан Крыма (ок. 1428—1456, 1456—1466), основоположник крымской династии Гиреев. О помощи литовских князей и короля Польши Хаджи-Гирею при утверждении его в Крыму сохранилась значительная письменная традиция той эпохи (АЗР. Т. I. Спб., 1848. С. 119 и др.). *М. У.*

Активное вмешательство в ордынские дела являлось со времен вел. кн. Витовта (о нем см. прим. № 40) одним из важных элементов внешней политики ВКЛ. При поддержке Витовта пытался вернуть себе власть в 1399 г. хан Тохтамыш, когда престол на короткое время захватил его сын Джелал-эд-Дин (участник Грюнвальдского сражения 1410 г.). Хаджи-Гирей начал борьбу за Крым еще в 30-е гг. XV в.; потерпев неудачу, он бежал в Литву, и, согласно хронике Быховца, получил от вел. кн. Сигизмунда Кейстутовича во владение г. Лиду (ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. с. 160). По сообщению ряда хроник, Хаджи-Гирей был отправлен в Крым в 1443 г. вел. кн. Казимиром по приглашению ширинских и багринских мурз в сопровождении литовского земского маршалка Миколая Радзивилла. М. Стрыйковский добавляет, что Казимир еще в Вильно торжественно короновал своего ставленника на ханство (S t r y j k o w s k i M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych slawnego naroda litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego // Oprac. J. Radziszewska. W-wa, 1978. S. 433—434). Окончательно утвердившись в Крыму в 1449 г., Хаджи-Гирей проводил политику союза с ВКЛ. Сведения Литвина о рождении Хаджи-Гирея в Литве звучат довольно правдоподобно; уже в конце XIV — начале XV в. там действительно возникли поселения татар, служивших князьям ВКЛ (см. прим. 172); но по другим данным, уроженцем Литвы был соперник Хаджи-Гирея Сеид-Ахмед (Сеид-Махмет), внук Тохтамыша, изгнанный из Крыма в 1449 г. и умерший в Литве, в г. Ковно (совр. Каунас) (Г р е к о в И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы в XIV—XVI вв. М., 1963. С. 123—124). Не исключено, что Литвин приписывает Хаджи-Гирею факт из биографии Сеид-Ахмеда, путая двух крымских ханов, живших в Литве. *С. Д.*

[40] *Витовт* (Александр) (1350—1430) — вел. кн. литовский с 1392 г. Боролся за независимость ВКЛ от Польши, вел активную завоевательную политику на востоке. В 1404 г. захватил Смоленск, совершал походы на Псков и Новгород, вел борьбу против Тевтонского ордена, над которым соединенное польско-литовское войско одержало победу при Грюнвальде в 1410 г. Его противоборство с Крымским ханством было менее успешно. *А. Х.*

[41] *Менгли-Кирей* — хан. Менгли-Гирей (ум. 1514), крымский хан в 1466—1474, 1475—1476 гг. и в 1478—1514 гг. Сын основателя династии Гиреев — Хаджи-Гирея, муж (с 1487 г.) влиятельной казанской и крымской царицы Нур-султан (Б о с в о р т К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии/Пер. с англ. и прим. П. А. Грязневича. М., 1971; I n a l d c i k H. Giray Islam änsiklopedisi. Istambul, 1945). *М. У.*

[42] *Сап-Кирей* — хан Сагиб-Гирей, сын крымского хана Менгли-Гирея и Нур-султан; казанский хан в 1521—1524 гг., крымский — в 1532—1551 гг. *М. У.*

[43] *Махмет-Кирей* — хан Мухаммад-Гирей I, сын Менгли-Гирея, крымский хан в 1514—1523 гг., проводил активную антирусскую политику (С ы р о е ч-

ковский В. Т. Мухаммед-Гирей и его время//Учен. зап. МГУ. Вып. 61. Т. 2. М., 1933). *М. У.*

[44] *Садет-Кирей* — хан Саадат-Гирей, сын Менгли-Гирея и царицы Нурсултан, крымский хан в 1524—1532 гг. *М. У.*

[45] *Хас-Кирей.* — Имеется в виду крымский хан Газый-Гирей I; сын Мухаммад-Гирея I, правил менее года (1523—1524). Следует заметить, что правописание личных имен крымских ханов и султанов у Михалона полностью соответствует нормам, зафиксированным в западно-русских письменных источниках, что, возможно, указывает на письменный характер истоков информации автора. *М. У.*

[46] *...род Киреев.* — Очевидно, имеется в виду династия Гиреев (Гираев). О происхождении и содержании слова «гирей», точных сведений нет; возможно, оно восходит к этнониму — названию рода и племени гирей (кирей), так как роды с подобным названием до недавнего времени встречались среди тюрок Средней Азии, Казахстана и Западного Китая: кирей, кара-кирей, сары-кирей и т. д. Согласно преданиям тюркоязычного населения Крыма, воспитателем (аталыком) царевича, будущего основателя династии, был человек, принадлежавший к роду Гиреев. Начиная со времен Менгли-Гирея, сына Хаджи-Гирея, этот компонент имени стал даваться каждому царевичу как часть двухсоставного имени. *М. У.*

[47] *Манкуп* (Мангуп, Мангуп-Кале, Манкоп, Ман Кермен) — древний город и крепость, развалины которой сохранились близ Бахчисарая в Крыму. Возник около VI в. н. э. как один из городов крымской Готии; местопребывание епископа. В XIII в., после покорения Крыма татарами, готы удержались в Мангупе, который до XV в. управлялся своими князьями. Один из них, по сведению летописей, сватал свою дочь за сына вел. кн. Ивана III. В 1492—1493 гг. Мангуп был взят турками. Пришел в упадок после пожара 1592—1593 гг., к XVIII в. был окончательно покинут населением. *С. Д.*

[48] *Каффа* — совр. Феодосия (переименована в 1783 г.). Основана в VI в. до н. э. В XIII—XV вв. — генуэзская колония. В 1475 г. захвачена турками. *А. Х.*

[49] *Керчь* (в древности Пантикапей), город в Крыму, основан в VI в. до н. э. — в V—IV вв. до н. э. — столица Боспорского государства; в X—XI вв. входил в состав русского Тмутараканского княжества; в период татаро-монгольского нашествия подчинился Генуе; в 1475 г. после захвата турками стал опорным пунктом их владычества в Крыму. *С. Д.*

[50] *Козлев* (правильнее Кезлев или Гёзлев) — татарское название крымского города Евпатории; восходит к тюрко-татарскому корню «кезлеву (кёзлэу)» в значении: «родник», «источник». Это единственный случай отражения в сочинении Литвина исторической топонимии Крыма первой половины XVI в. в местной форме. *М. У.*

[51] Это произошло в 1475 г. (ср. прим. 49). *А. Х.*

[52] Е. Охманьский полагает, что Литвин мог быть свидетелем похода крымских татар в направлении Венгрии весной и летом 1543 г. О передвижении татарских войск Сигизмунд I Старый писал из Кракова 4 июля 1543 г.: «Царь Перекопский на сей стороне Днепра с великими людьми наготову стоит» (Archiwum Sanguszków w Sławucie. T. IV. Lwów, 1890. S. 352). Но присутствие хана в этом походе сомнительно, поскольку Сахиб-Гирей

поручил его проведение сыновьям, об этом пишет и Литвин (Охманьский Е. Указ. соч. С. 105). *И. С.*

[53] *...вооружены костяными...* — Вероятно, должно быть: «кистенями». Кистень — боевое оружие, «палка наподобие римского цеста» (Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 114), название которого тюркского происхождения (Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 185). *А. Х., С. Д.*

[54] Посол Венеции в Персию в 1474—1477 гг. Контарини сообщал о вооружении Большой орды хана Ахмата (1459—1481) следующее: «Утверждают также, что во всей Орде не найдется и двух тысяч мужчин, вооруженных саблями и луками; остальные — это оборванцы без всякого оружия» (Барбаро и Контарини о России. С. 223). *С. Д.*

[55] *...хотя и ходили избранные... они и вовсе не ведают»* — текстологическое сравнение этого места с «Германией» Тацита, проведенное Забулисом, показывает сходство описания вооружения татар Михалоном с соответствующим отрывком из Тацита (см.: Тацит. Германия, 6, 1; Zabulis H. Mykolo Lietuvio problema ir M. Ročkos «Mykolas Lietuvis» // Ročka M. Mykolas Lietuvis. Vilnius, 1988. P. 195). *И. С.*

[56] *...измельченного сыра.* — Речь идет о разновидности сухого творога, входившего в запасы походного продовольствия татар (см.: Барбаро и Контарини о России. С. 142, 170). *М. У.*

[57] Запасные верховые кони, слегка загруженные поклажей, у тюркских воинов в прошлом выполняли функцию обоза. *М. У.*

[58] Подобный способ переправы описал Барбаро (см. Барбаро и Контарини о России. С. 151). Таким же образом переправлялся через Днепр и Волгу Контарини (там же. С. 212, 224). *И. С.*

[59] Традиционную военную тактику тюрских и монгольских народов аналогичным образом подробно описывает Плано Карпини (Плано Карпини Дж. дель. Указ. соч., Рубрук Г. де. Указ. соч. С. 49—65). *С. Д.*

[59а] Речь идет о Сигизмунде I Старом, великом князе литовском и короле польском (1506—1548).

[60] *Людовик* (Лайош) II Ягеллóн, венгерский король (1516—1526), сын Владислава II Ягеллона, короля Чехии (1471—1516), а с 1490 г. и Венгрии (Уласло II, 1490—1516). Лайош II погиб в Мохачской битве, которая произошла у г. Мохач на правом берегу Дуная 29 августа 1526 г. Турецкие войска одержали там победу, после чего значительная часть Венгрии более чем на 160 лет стала вассалом Турции. *И. С.*

[61] Речь идет о следующих событиях. В начале 1527 г. 26-тысячный отряд ордынцев после опустошительного набега на Белзское и Люблинское воеводства Короны Польской возвращался в Крым через Волынь и Киевщину. В погоню за ними отправился литовский гетман кн. Константин Иванович Острожский (о нем см.: Герберштейн С. С. Записки о Московии. С. 296). Он настиг татар, расположившихся на ночлег на берегу р. Ольшаницы между Киевом и Черкассами 5 февраля 1527 г., внезапно напал на них и нанес им сокрушительное поражение. 700 татар были взяты в плен, лишь немногим удалось спастись бегством. был освобожден 40-тысячный полон (Bielski M. Kronika Polska. Warszawa, 1833. S. 558). *С. Д.*

Сведения о битве на Ольшанице содержатся в белорусско-литовских летописях под 1527 г.: в списке Рачинского, в Ольшевском списке, в Евреинов-

ском списке. В последнем приведено другое число убитых татар: «Побил в зиме татар князь Костянтин Остроский 20000 на Алшаницы велми с малыми людми» (ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 170, 192, 213, 235). Подробно сообщает об этой битве Хроника Литовская и Жмойтская, кроме предводителя Константина Острожского называя и других литовских и русских военачальников, указывая также, что в плен был взят крымский царевич Малай; согласно этому сообщению, со стороны татар в битве участвовало 24 тыс. человек, из них 10 тыс. турок, и число жертв с татарской стороны также достигало 24 тыс. человек. Стрыйковский в своей хронике также перечисляет участвовавших в битве князей и воевод, которые отразили 34 тыс. татар, при этом 24 тыс. были убиты (Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódska i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. 2. S. 394). Только у Михалона приведено число воинов с литовской стороны — 3,5 тыс., число указанных им противников литовцев — 25 тыс. — также не совпадает ни с одним из сообщений об этом событии ныне известных белорусско-литовских летописей: видимо, автор пользовался каким-то не дошедшим до нас списком. Михалон приводит также точную дату битвы, но не указывает имен участников.

В Панегирике Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, принадлежащем перу Деодата Септенния, упомянута битва с татарами в 40 милях от Киева, идентифицируемая С. Лазуткой и Э. Гудавичюсом с битвой при Ольшанице. В Панегирике преувеличена роль Гаштольда в победе над татарами и не упомянут предводитель литовского войска князь Константин Острожский. (Победа в битве при Ольшанице была воспета в стихах Т. Жебравского. См.: O pieczęczach dawnej Polski i Litwy. Napisał Teofil Żebrawski. W. Krakowie, 1865. P. 57. Цит. по: Lazutka St., Gudavičius E. Deodato Septennijaus Goštautu «Panegirika» // Lietuvos istorijos metraštis 1976 m. Vilnius, 1977. P. 84, 88, 89). *И. С.*

[62] 5 августа 1506 г. под белорусским г. Клецком было разгромлено войско крымских царевичей Махмет-Гирея, Бетю-Гирея и Бурнас-солтана, совершившее набег на ВКЛ. Литовским войском командовал кн. Михаил Львович Глинский (о нем см.: Герберштейн. С. 297). Сведения об этой битве содержатся в белорусско-литовских летописях: Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евреиновской (ПСРЛ. Т. 35. С. 167, 192, 213, 234), хронике Литовской и Жмойтской (ПСРЛ. Т. 32. С. 101), наиболее подробные — в Хронике Быховца (ПСРЛ. Т. 32. С. 172—173); об этой битве сообщают также Кромер и Стрыйковский (Kromer M. Kronika. Warszawa, 1867. S. 784; Stryjkowski M. Kronika. T. 2. S. 332—338; idem. O początkach. S. 591—597). *С. Д., И. С.*

[63] Имеется в виду битва с татарами в Белоруссии под Давидгородком в 1503 г., описанная в Хронике Быховца (там крепость названа Городком. См.: ПСРЛ. Т. 32. С. 170). Stryjkowski M. Kronika. S. 319; idem. O początkach. S. 571. *И. С.*

[64] Сведений о битвах под Стрешином и Чечерском литовско-белорусские летописи не содержат. *С. Д.*

[65] У Лопушны (под Вишневцем) (в русских летописях — Лопасня) — 28 апреля 1512 г. литовские и польские войска под командованием кн. К. И. Острожского разбили 24-тысячное войско хана Менгли-Гирея. Подробный рассказ о битве см. в летописи Рачинского (ПСРЛ. Т. 35. С. 168); см. также Хронику Литовскую и Жмойтскую (ПСРЛ. Т. 32. С. 104), а также

сочинение Стрыйковского (Stryjkowski M. Kronika. T. 2. S. 371). *С. Д., И. С.*

[66] Сведений о битвах под Лебедином и Белой Церковью литовско-русские летописи не содержат. *С. Д.*

[67] В августе 1519 г. после набега на Белзское, Люблинское и Хелминское воеводства татарское войско было настигнуто на берегу р. Буга собранным на Волыни войском под командованием кн. К. И. Острожского и польскими отрядами. По некоторым данным, Острожский ждал подкрепления, но польские отряды самовольно вступили в сражение, причем во время атаки попали на развалины сожженного татарами Сокаля и расстроили свои ряды. Татарам удалось одержать победу и увести весь полон (см.: Bielski M. Op. cit. S. 542; а также: ПСРЛ. Т. 35. С. 169); в Хронике Литовской и Жмойтской это событие датировано 1521 г. и отмечено, что собственно литовское войско никакого ущерба не потерпело (ПСРЛ. Т. 32. С. 106). *С. Д.*

[68] Как сообщает М. Бельский, в 1529 г. польский отряд из Подолии предпринял нападение на Очаков, разбил татар и угнал их скот. Когда выяснилось, что эти татары подвластны Ислам-Гирею, союзнику Сигизмунда I, получившему Очаков в удел от хана Сахиб-Гирея, с которым он помирился, предводители отряда возвратили татарам скот и отправились в Очаков для встречи с Ислам-Гиреем. Тем временем отряд, оставшийся без командования, был разгромлен татарами (Bielski M. Op. cit. S. 542; Stryjkowski M. Kronika. T. 2. S. 395). *С. Д.*

[69] *Ослам-Солтан* — хан Ислам-Гирей I, сын Мухаммад-Гирея I, брат Газы-Гирея I; до 1532 г. на некоторое время захватил трон; был убит в 1537 г. ханом Сахиб-Гиреем I. *М. У.*

[70] *«...и из них также избирались народные вожди, короли и пророки».* — По наблюдениям Забулиса, высказывания Михалона о выборе предводителей у татар находят соответствие в рассуждениях Тацита о том, что германские короли и вожди избирались или по происхождению или за храбрость (Тацит. Германия 7, 1; Zabulis H. Op. cit. P. 195). *И. С.*

[71] Амос VII, 15. «Но Господь взял меня от овец и сказал мне Господь: иди, пророчествуй к народу моему Израилю». *И. С.*

[72] У Михалона неточность: для каркаса юрты употреблялись не лозы, и тростник, а специально обработанные тонкие жерди из ивы и тальника, а войлок для юрты изготовлялся только из овечьей шерсти. *М. У.*

[73] Наиболее раннее и достоверное описание татарских жилищ на повозках см.: Джиованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. С. 27—28. *М. У.*

[74] *Землю они не возделывают, даже самую плодородную...* — это утверждение Михалона справедливо лишь для живущих в степной зоне Крыма и неприемлемо для характеристики занятий ряда традиционно оседлых групп населения татарских ханств, обитающих, в частности, на юге Крымского полуострова. Об обработке татарами земли см. напр.: Барбаро и Контарини о России. С. 149—150. *М. У.* Сходным образом описывал германцев Тацит (Тацит. Германия 14, 3; Zabulis H. Op. cit. P. 196). *И. С., М. У.*

[75] *«...по совету Соломона они питаются одним молоком...»* — Соломон (ум. ок. 928 г. до н. э.), царь Израиля и Иудеи; библейская традиция приписывает ему необычайную мудрость. *С. Д.* Как совет Соломона питаться *одним* молоком Литвин, очевидно, истолковал следующий текст Притчей Со-

ломона: «И довольно козьего молока в пищу тебе, в пищу домашним твоим и на продовольствие служанкам твоим» (Притча, 28). *А. Х.*

[76] *«...не зная хлеба и сикеры».* — Сикера — «хмельной, пьяный, броженый напиток, кроме вина» (см.: Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955. С. 184). Ср.: «Вино — глумливо, сикера — буйна». Притч. 20. *А. Х.*

[77] Употребление вина и свинины запрещено мусульманам Кораном. *М. У.*

[78] Вернее, для еды чаще забивали больной, более слабый скот, и тем самым сберегали здоровое стадо. Кроме того, по обычаям татар и по предписанию Корана употребление в пищу падали и мяса околевших животных категорически запрещалось. *М. У.*

[79] *...все они живут без излишеств и в крайней нужде.* — Это утверждение Михалона применительно ко всем татарам противоречит его же сведениям о роскоши феодалов, владевших многочисленными рабами, гаремами и т. п. *М. У.*

[80] Филипп. IV, 12: «Умею жить и в скудности, умею жить и в изобилии, научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть в изобилии, и в недостатке». *И. С.*

[81] Коринф. VIII, 15: «Как написано, кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало — не имел недостатка» (Исход. 16, 18). *И. С.*

[82] *Кадий* — религиозный судья у мусульман; в татарских наречиях — «казый»; фонетическое оформление этого слова у Михалона (причем дважды), видимо, указывает на использование им при написании этой части труда письменных источников нетатарского происхождения. *М. У.*

[83] Обычаи гостеприимства характерны для кочевников и степняков. В их быту, где чрезвычайно редкими были или вообще отсутствовали базары и лавки, не было никакой возможности для покупки продуктов в пути. Поэтому гостеприимство являлось всеобщей необходимостью, порожденной материальными условиями. *М. У.*

[84] *...от синагог...* — Речь идет о мечетях. «Синагогами» в европейской латиноязычной литературе того времени традиционно именовали все нехристианские храмы. *С. Д.*

[85] Отмечены параллели с Тацитом (Тацит. Германия, 181; Zabulis H. Op. cit. P. 196). *И. С.*

[86] *Барон.* — Баронами, следуя обычной практике применения этого термина в латинских документах канцелярии ВКЛ и короны Польской, Михалон называет представителей знати, в данном случае, — видимо, предводителей отдельных улусов, крымских карачаев и беев, возможно, и мурз. *С. Д.*

[87] *...предводители скифов...* — «Скифами» латинские источники того времени называли татар. *С. Д.*

[88] Речь, видимо, идет о казанском хане Сагиб-Гирее, в 1532—1551 гг. занимавшем крымский престол. *С. Д., М. У.*

[89] *...в раю своем...* — Имеется в виду резиденция хана, название которой, однако, не приведено. В XVI в. место ставки хана часто менялось, о чем свидетельствуют заключительные формулы ханских ярлыков, где наравне с Бахчисараем называются Мараш, Туроуга, Даулят-Сарай, Фарах, Алма-Сарай и др. (Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 36—42). *М. У.*

[90] Отмечено сходство в описании гостеприимства татар у Михалона и

германцев у Тацита (Тацит. Германия, 21, 2; Zabulis H. Op. cit. P. 196). *И. С.* Ср. прим. 83.

[91] Иерем. XXXV, 6, 7. *И. С.*

[92] Неоднократно повторяемое утверждение Михалона о якобы пренебрежительном отношении крымцев к земельной собственности указывает на его малоосведомленность об укладе их жизни; даже кочевье протекало не на ничейной земле, а на территории, закрепленной за каждым улусом. *М. У.*

[93] *«...их отвозят к Таласию и в его райские кущи».* — Этот текст показывает знакомство автора с сюжетом о похищении сабинянок у Тита Ливия; там самая красивая из похищенных девушек была предназначена Таласию (Ливий Тит. 1, 9, 11—12). Ср.: «Одну из девиц, самую красивую и привлекательную, похитили, как рассказывают, люди некоего Талассия, и многие спрашивали, кому ее несут, а те, опасаясь, насилия, то и дело выкрикивали, что несут ее Талассию» (Ливий Тит. История Рима от основания города. М., 1989. С. 17). Известно, что подобно греческому свадебному возгласу: «Гименей! Гименей!», слова «Талассий! Талассий!» звучали на римских свадьбах (там же. С. 17, 509; Zabulis H. Op. cit. P. 196, 205, n. 65). *И. С.*

[94] *Сарацины* — бытовавшее на Западе название мусульман. *М. У.*

[95] *...любимейшая жена нынешнего турецкого императора...* — Имеется в виду Роксолана (Хуррем Султан) (ок. 1505—1561), украинка, жена турецкого султана Сулеймана I Великолепного (1495—1566), правившего в 1520—1560 гг.; оказывала большое влияние на государственные дела. *М. У.*

[96] Селим II (1524—1574), по прозвищу Мест (Пьяница), турецкий султан (1566—1574), сын Роксоланы и Сулеймана Великолепного, стал наследником престола после того, как в результате интриг его матери был казнен старший сын султана Мустафа. *М. У.*

[97] Утверждение Михалона неверно: матерью хана Сахиб-Гирея была Нур-султан (род. ок. 1447, ум. к. 1520), которая в третьем браке (после смерти казанских ханов Халиля и Ибрагима) вышла замуж за Менгли-Гирея (см. прим. 41). О ней см. подробнее: Бережков М. Нур-салтан, царица крымская (историко-биографический очерк) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1897. № 27. С. 1—17). *М. У.*

[98] *...янычары... происходят от нашей христианской крови.* — Янычары — регулярная пехота в Османской империи, созданная ок. 1330 г. Корпус янычар формировался не только из пленных, но и из христиан — подданных султана и турков; был ликвидирован в 1826 г. Рассуждения Литвина о роли выходцев из христианских стран при турецком дворе справедливы лишь отчасти и отражают хотя и не столь уж редкие, но все же изолированные случаи карьеры, сделанной пленными, принявшими ислам, и ниже он сам говорит о тяжелой участи пленников, обращенных в рабство. *С. Д.*

[99] *«...помеченные тавром».* Тавро — «клеймо, знак, метка». (См. Даль В. И. Словарь живого Великорусского языка. Т. IV. С. 385). *А. Х.*

[100—100] *«на родине... для мазей».* — Забулис сопоставил этот текст с речью Агриколы из произведения Тацита «О жизни Юлия Агриколы» (37, 2—3). В данном тексте, по Забулису, литературные реминисценции переплелись с распространенными в народе слухами о зверствах татар, с наездами которых к тому же ассоциировались бесчинства, творимые феодалами, враждовавшими друг с другом (например, Радзивиллами и Гаштольдами). Zabulis H. Op. cit. P. 192. *И. С.*

[101–101] *«впрочем... не помогут нам».* — Отрывок отличается эпическим стилем. Возвышенность слога и вычурность фраз ведут, по Забулису, к Энеиде Вергилия, а именно к тому отрывку, где описано настроение Энея, всматривающегося в неизвестное (Aen. I, 94—101, 199—206). Следующий далее текст Трактата предостерегает князя от опасности гибели всего литовского народа. Неожиданное объяснение содержания приведенного отрывка речи пленника Забулис находит в IV фрагменте, в сообщении об измене Глинского. Сопоставив с текстом жалобу на Радзивилла, в которой распря между магнатами приравнивается к предательству Глинского, Забулис указывает на внутреннюю связь приведенных отрывков из I и III фрагментов. Предостережение князю таким образом является не просто фразой, а становится выражением вполне реальных опасений за будущее Литвы, если сородичи не откажутся от плохих обычаев (Малиновский И. И. Сборник материалов, относящихся к истории панов рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. С. 396—397; Zabulis H. Op. cit. S. 191—194). *И. С.*

[102] Сцену прощания с земляком в Каффе филологи считают элементом риторизированной литературы. Драматическая, исполненная пафоса речь пленника не добавляет никаких конкретных деталей, к уже обрисованному Литвином положению рабов, но усиливает воздействие идеи автора: чтобы избежать гибели, литовцы должны отказаться от пагубных обычаев во имя любви к родине, веры в истинного бога. *И. С.*

[103] Еще в княжение Василия III ногайские мурзы выхлопотали от него разрешение, подтвержденное впоследствии Иваном IV, «ногайским гостям ездити к Москве с коньми и со всяким товаром». Этим разрешением ногайцы пользовались очень широко. В 1524 г., например, от ногайских князей в Москву прибыли послы в сопровождении 4700 «гостей», пригнавшие 8000 коней, в 1569 г. в Москву тысяча ногайцев привела 8000 коней и т. п. Эти громадные табуны ставились на лугу у Симонова монастыря, где и производился торг (История Москвы. Т. I: Период феодализма XII—XVII вв. М., 1952. С. 171). Ср. комм. 9. *С. Д.*

[104] Имеется в виду предписанное мусульманам Кораном обязательное ритуальное омовение перед молитвой. *С. Д.*

[105] Меха составляли одну из важнейших статей русского экспорта, одновременно Русь импортировала драгоценные металлы (и в виде сырья, и в виде готовых изделий), предназначавшиеся для изготовления ювелирных изделий и прежде всего для чеканки денег. *С. Д.*

[106] Речь идет о городах бассейна Верхней Оки — «верховских» и западнорусских городах, потерянных Литовским княжеством в результате войн 80-х годов XV в., начала XVI в., таких, как Одоев, Воротынск, Мцевск, Смоленск и т. д. Подробнее см.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; Хорошкевич А. Л. Русское государство...; Кром М. М. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. АКД. Спб., 1993. *А. Х.*

[107] Выражение «хоробра Литва» упоминается в былине об Илье Муромце (Пашуто В. Т. Песни, собраиные П. Н. Рыбниковым. Т. I. М., 1909. С. 31).

[108] *...приготовление из пшеницы пива и водки.* — Пиво было известно в Литве еще в языческие времена, но являлось тогда преимущественно обрядовым напитком. В XV—XVI вв. пивоварение получило в ВКЛ большое раз-

витие, а выращиваемый в Литве хмель был в XVI в. одним из предметов литовского экспорта. Тогда же широкое распространение получило и производство водки (горелки). Первоначально корчмы принадлежали в основном великому князю, но литовская шляхта, почувствовав всю прибыльность этого дела, стала забрасывать правительство ВКЛ просьбами о разрешениях на открытие корчем с правом продажи меда, пива, горелки, зачастую добиваясь при этом и освобождения от сбора за право пропинации (т. е. производства спиртных напитков). Особенно массовый характер выдача таких разрешений получила в 50-е гг. XVI в. Позже в Речи Посполитой нередко продажа шляхтой крестьянам алкогольных напитков носила принудительный характер, крестьянин был обязан в случае праздника, свадьбы, крестин покупать у своего пана определенное количество горелки, но и во времена Литвина шляхта была заинтересована в сбыте крестьянам своей горелки и фактически поощряла пьянство (Gloger Z. Encyklopedia staropolska. T. II. Warszawa, 1978. S. 202—203; T. IV. Warszawa, 1978. S. 28—31; Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. Historia państwa i prawa polskiego. Warszawa, 1977. S. 206; Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958. С. 73—75). *С. Д.*

Вплоть до XVIII в. в Жемайтии сохранялся обычай пить пиво, приготовленное из собранного в складчину зерна (оно называлось «самбериновое», «сомборы»). Судя по относящимся к 1589 г. документам иезуитов во время колдовского обряда, на пиру при участии стариков или колдунов, пили такое пиво, съедали овцу или быка и молились о хорошей погоде или урожае. 1593 годом датируется известие о том, что самбериновое пиво собирались пить на Петров день. Аналогичные сведения относятся к 1596 г., когда пили пиво у жертвенника на следующий день после Петрова дня («алкас») «на местцу, называемом Олках, над речкою Явкгилою, кгде се люди добрые сходят» (Jablonskis K. Apie XVI amžiaus ūkininkų alaus apeigas//Jablonskis K. Lietuvių kultūra ir jos veikėjai. Vilnius 1973. P. 366—370). Пиво ставили и при заключении сделок. В 1541 г. господарская подданная Федковая обратилась в суд с жалобой на ответчика, отказавшегося разыскать виновного в поджоге ее гумна. Он же сослался на то, что пива не пил (Федковая якобы поставила его на 2 гроша) и был освобожден от ответственности (Акты Виленской археографической комиссии. Т. 17. Вильно, 1890. № 533. С. 196; Bardach J. Sok, soczenie, prosoka/jBardach J. O dawnej i niedawnej Litwie. Poznan, 1988. S. 152, 154, n. 60, 68). Известно, что свои подписи на грамотах, закреплявших земельные сделки, ставили и «могарычники» (ОР Библиотеки АН Литвы. F. 138). В рассказе Стрыйковского о религиозных обрядах древних литовцев также говорится о том, что в октябре после окончания жатвы у них был праздник приготовления пива (Stryjkowski M. O początkach... S. 236). *И. С.*

[109] Михалон, очевидно, заблуждается, принимая строгие меры, направленные против незаконных корчем, за борьбу с пьянством вообще. Его противопоставление пьянства в Литве трезвости на Руси носит полемический характер. Но подобной точки зрения придерживался и Герберштейн, утверждая, что «русским, за исключением нескольких дней в году, запрещено пить мед и пиво» (Герберштейн. С. 132). Ср. комм. 112. *С. Д.*

[110] Свидетельство Литвина об активном экспорте в ВКЛ не только русских мехов, воска и других традиционных товаров, но и изделий искусных

русских ремесленников, в том числе кожаных изделий, подтверждается многими источниками; московские седла и уздечки имелись даже у литовских великих князей (Хорошкевич А. Л. Русское государство... С. 28). *С. Д.*

[111] ...*коленопреклоненно слушал послов.* — Сведения о подобных унижениях московских князей перед татарскими послами содержатся также у Длугоша и Стрыйковского, в Хронике Литовской и Жмойтской (Dlugosz J. Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. V. Kraków, 1870. S. 657; Stryjkowski M. Kronika. T. 2. S. 282—283; *Idem.* O początkach... S. 527. См. также: Герберштейн С. 68, 174). *И. С.*

[112] Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), вел. кн. всея Руси с 1533 г. и царь с 1547 г. О его мероприятиях по ограничению употребления спиртных напитков ничего не известно, но по обычаю же варить пиво на дому разрешалось лишь по большим праздникам (Хорошкевич А. Л. «Незваный гость» на праздниках средневековой Руси//Феодализм в России. М., 1987. С. 184—192). *А. Х.*

[113] «...*избавил от этого господства Иван..., подчинив себе Рязань, Тверь, Суздаль, Володов и другие соседние княжества».* — При Иване III (1462—1505) завершилось складывание основной территории Российского государства. К Московскому княжеству были присоединены Ярославское (1463), Ростовское (1474) княжества, Новгород и его владения (1478), великое княжество Тверское (1485), Вятская земля (1489) и бо́льшая часть Рязанской земли. Но окончательно Рязанское княжество, при Иване III попавшее в зависимость от Москвы, было ликвидировано лишь при Василии III (1521). Ошибается Литвин, приписывая Ивану III присоединение Суздаля: Суздальское княжество подчинилось Москве еще в 1392 г. Упомянутый Литвином Volodow — по-видимому, Владимир; однако великое княжество Владимирское уже при Дмитрии Донском считалось и на Руси и в Орде принадлежащим московским князьям. *С. Д.*

[114] *Казимир* IV Ягеллон (1427—1492) вел. кн. литовский с 1440 г.; король польский с 1447 г. При нем было присоединено Гданьское Поморье. Тевтонский орден в результате Тринадцатилетней войны (1454—1466) признал вассальную зависимость от Польши. *А. Х.*

[115] Литвин объявляет Новгород и Псков владениями ВКЛ, отражая точку зрения литовской стороны. Так писали Длугош, Меховский (в первом издании «Трактата о двух Сарматиях», 1517 г.), подробный рассказ о присоединении Новгорода содержит хроника Стрыйковского. Эта последняя имеет композиционное сходство и с повествованием Михалона — в обоих сочинениях сведениям о присоединении Новгорода предшествуют описанию унижений Ивана III при приеме татарских послов; одинаково объяснены причины невмешательства Казимира IV в московско-новгородские отношения 70-х гг. (Dlugosz J. Dzieje. T. V. Kraków, 1888. S. 657—658; Stryjkowski M. Kronika. T. 2. S. 282—284; Idem. O początkach... S. 529—531; Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 106; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 98, 121 и др.; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 216—217.). *И. С.*

В действительности ни Новгород, ни Псков власти Литвы не признавали. Временные кормления в Новгороде получали в конце XIV — начале XV в. служебные князья, приглашаемые из Литвы (Янин В. Л. Новгородская

феодальная вотчина: историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 213—226). Приписывая Ивану III присоединение Пскова, Литвин ошибается: это произошло в 1510 г., уже при Василии III. В конце XV в. под власть московских князей перешла часть Смоленщины (Вяземское княжество) и Верховские княжества (Новосильское, Воротынское, Одоевское и др.), что было вынуждено признать в 1494 г. и литовское правительство. В 1500 г. между Россией и ВКЛ началась большая война, после которой в состав Российского государства вошли Северская земля с Черниговом, Новгородом-Северским и Путивлем, Брянск и ряд волостей Мстиславского княжества. Вопреки утверждению Литвина, война Казимира IV с Тевтонским орденом (в 1454—1466 гг.) не могла оказать влияния на успехи Ивана III в борьбе за Новгород и тем более — за Северские земли, хотя занятый борьбой с крестоносцами король и избегал конфликтов с Москвой. Так было и в 1471 г., когда враждебная Москве партия новгородских бояр вела переговоры о принятии Новгородом литовского подданства. Одной из причин нежелания Казимира вмешиваться было то обстоятельство, что он после смерти в 1471 г. чешского короля Иржи Подебрада в течение ряда лет был занят борьбой за утверждение на чешском троне своего сына Владислава (Владислава II с 1471 г.), в 1490 г. получившего и корону Венгрии (О нем см. прим. 60). *С. Д.*

[116] *«...он украсил кирпичной крепостью»...* В период правления Ивана III в Кремле развернулись большие строительные работы. Были возведены Успенский собор (1475—1479), Благовещенский собор (1484—1489), Грановитая палата (1487—1491). В 1485—1495 гг. под руководством итальянских зодчих М. Руффо и П. А. Солари из кирпича были построены новые мощные стены и башни Кремля. В результате Кремль превратился в мощную крепость — цитадель Москвы, и одновременно пышную великокняжескую резиденцию, символизирующую величие столицы Российского государства. *С. Д.*

[117] *Фидий,* великий древнегреческий скульптор (V в. до н. э.); автор ряда выдающихся произведений; созданная им статуя Зевса считалась одним из семи чудес света. *С. Д.*

[118] *Василий* III Иоаннович (1479—1533) — вел. кн. всея Руси с 1505 г.; продолжал объединительную политику отца, Ивана III. При нем к Русскому государству в 1510 г. был присоединен Псков, в 1514 г. — Смоленск, в 1520—1521 гг. — Рязань, в 1522 г. — Новгород-Северское княжество. *А. Х.*

[119] Михаил Львович Глинский (Дородный, Немец, ум. в 1534) — магнат в Великом княжестве Литовском, в юности 12 лет провел за границей — в Италии и Саксонии, где воевал под знаменами саксонского герцога Альбрехта; в 90-е гг. пользовался большим расположением литовского князя Александра и держал в своих руках все управление княжеством. После смерти Александра в 1506 г. был лишен всех должностей, встал во главе прорусской партии и в 1509 г. перешел на сторону Василия III, активно содействовал завоеванию Смоленска. Позднее из-за попытки возвратиться в ВКЛ, попал в опалу, был заточен и вернулся к политической деятельности только в 1527 г., после женитьбы Василия III на его племяннице, Елене Васильевне Глинской. После смерти Василия III снова попал в опалу. Ср.: Назаренко А. В., Хорошкевич А. Л. Неизвестное послание Михаила Глинского//Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные вопросы. М., 1993. С. 115—122. *А. Х.*

[120] Об участии М. Л. Глинского в присоединении Смоленска см.: Герберштейн. С. 189—192. *С. Д.*

[121] Версия Михалона Литвина несколько отличается от изложенной Герберштейном (Герберштейн. С. 132). Слобода Наливки находилась в районе позднейшего Спасо-Наливкинского переулка между Полянкой и Якиманкой (Зимин А. А. Россия на рубеже нового времени. М., 1972. С. 143; Сытин П. В. Из истории московских улиц. М., 1958. С. 362). *А. Х.*

[122] Имеется в виду Иван IV Грозный (см. прим. № 112). *С. Д.*

[123] Имеется в виду Гомель, уступленный ВКЛ в 1537 г. по договору о перемирии, признавшему за Россией Смоленщину и Северщину (Охманьский Е. Указ. соч. С. 107—108). *С. Д.*

[124] Упоминание о постройке крепостей Себежа, Велижа и Заволочья на землях, принадлежавших ВКЛ, отражает позицию литовских послов в Москве в 1537 г. «Которые новые городки поставлены, поставил, — говорили они, — государь ваш на нашего господаря землях». Твердо отклоняя требование «те городки ⟨...⟩ разорити, чтоб их не было», бояре заявили, что их государь «Велиж поставил на своей земле». В ходе дальнейших переговоров литовские послы настаивали уже только на разрушении Себежа и Заволочья, но и это требование не было удовлетворено, и крепости остались за Россией (Сб. РИО. Т. 59. Спб.,1887. С. 82, 85). *С. Д.*

[125] *«Татары превосходят нас и в правосудии».* — Критикуя систему судопроизводства в ВКЛ, устаревшую и малоэффективную, Литвин выражал настроения большинства литовской шляхты, в 40—60-е гг. XVI в. неоднократно обращавшейся на сеймах к королю с просьбами о снижении судебных сборов, совершенствовании структуры судопроизводства, предоставлении шляхте права выбора присяжных писарей и судей и т. д. В 50—60-х гг. XVI в. большинство этих требований было удовлетворено, что нашло отражение в Литовском статуте 1566 г. (Подробнее см.: Лаппо И. И. Литовский статут 1588 г. Т. I. Каунас, 1934; Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915; а также прим. 126, 128—133, 134—144). *С. Д.*

[126] *Пересуд* — старинная пошлина за судебное разбирательство, восходящая, по-видимому, еще к временам Древней Руси. В ВКЛ со времен вел. кн. Витовта пересуд составлял 10% от размеров иска. Статут 1529 г. установил его размер «от презысканя десятый грош, а от именя, яко будет стояти чого, водлуг его важности, а от земли рубль» (Статут Великого княжества Литовского 1529 г./Под ред. К. С. Яблонскиса. Минск, 1960. С. 75). До начала XVI в. пересуд взимался и с истца и с ответчика, затем только с истца, выигравшего дело (АЗР. Т. 2. Спб., 1848. С. 69). По просьбе шляхты, которая просила короля на сейме 1551 г. об освобождении от уплаты пересуда: «о пересуд и о вины, абы были от того вызволены», Сигизмунд II Август частично согласился на эту просьбу (РИБ. Т. 30. Юрьев, 1914. Стб. 188—189). *С. Д., И. С.*

[127] *«...половины круциаты...»* — Имеется в виду крейцер, серебряная монета, с XIII в. чеканившаяся в Тироле, затем в Австрии и соседних странах. *С. Д.*

[128] Литвин имеет в виду «навязку» — штраф, взимавшийся за нанесение увечий, побоев и оскорблений. Эта юридическая норма сохранилась на территории ВКЛ с XII—XIII вв. «Навязка», указанного Литвиным размера

уже в начале XVI в. взималась в ВКЛ за избиение шляхтича, нанесение ему ран или словесного оскорбления («бесчестье»); компенсация шляхтянке выплачивалась в двойном размере. Тот же размер «навязки» шляхтичам зафиксирован в статуте 1529 г.: «навязка» для лиц других сословий была ниже (Статут Великого княжества Литовского 1529 года. С. 239; см. также: Максимейко Н. А. Источники уголовных законов Литовского статута. Киев, 1894). *С. Д., И. С.*

[129] *Копа* — счетная денежная единица в Великом княжестве Литовском. *А. Х.*

[130] Имеется в виду штраф за убийство — «головщина», «головщизна», довольно типичный для средневекового права. На белорусских и украинских землях, входивших в состав ВКЛ, эта юридическая норма, зафиксированная еще «Русской Правдой», продолжала действовать со времен Древней Руси. Размер «головщизны» различался в зависимости от социальной принадлежности убитого, причем «головщизна» для женщин была вдвое выше, чем для мужчин того же сословия. Этот штраф предусмотрен статутами ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. На сейме 1551 г. шляхта, как и Литвин в своем сочинении, требовала, чтобы за убийство наказывали «согласно божьим законам», и король согласился, чтобы за убийство карали смертью всех пойманных на месте преступления («на горячей крови» — см.: РИБ. Т. 30. Стб. 191), но «головщизна» была сохранена, сначала как наказание для преступников, не заслуживших, по мнению судей, смертной казны (например, при неумышленном убийстве), а затем и как штраф, уплачиваемый и наследниками казненного убийцы (Подробнее см.: Максимейко Н. А. Указ. соч.; Лаппо И. И. Указ. соч. Т. I; Статут Великого княжества Литовского 1529 года. С. 229—230). *С. Д.*

По статуту 1529 г. смертная казнь через повешение была предусмотрена для разбойников, воров, если они совершили кражу вторично или если стоимость украденного составляла более 50 грошей, а также для их пособников и укрывателей. Кара смерти угрожала и браконьеру, пойманному с поличным в чужом лесу, и даже тому, кто более 3 дней задержал у себя приблудный скот или коня. Так же наказывалось убийство отца или матери, сестры или брата (совершенное с корыстной целью); нанесение ран при отягчающих обстоятельствах; нападение на шляхетское имение; нападение во время войны на другого воина или его обоз, сопровождаемое нанесением ран или побоев; некоторые воинские преступления; насилие над должностным лицом великого князя, а также изнасилование. Сожжение угрожало лицам, уличенным в подделке великокняжеских грамот и печатей. Кроме того, вотчинная судебная власть феодалов над крестьянами (см. прим. 132) создавала возможность применения и крайне жестоких наказаний, не предусмотренных статутом. Например, при подавлении крестьянских волнений в Жемайтии в 1537 г. за убийство наместника великого князя четверо крестьян были повешены, а один четвертован. Для приведения приговора в исполнение приговоренный передавался обвинителю; однако он мог вступить с ним в соглашение, откупившись или передав себя в рабство (о рабах в ВКЛ см. прим. 163), но статут 1529 г. запретил такие соглашения, угрожая за нарушение приговора репрессиями (Статут Великого княжества Литовского 1529 г. С. 230). *С. Д.*

[131] *«...доход называется лице».* — Украденная вещь — «лицо», «полич-

ное», — согласно литовским законам должна была оставаться у судьи, а истец получал стоимость украденного — «истинну». Это положение, впервые законодательно зафиксированное в Судебнике Казимира 1468 г., позднее было включено в привилей киевским мещанам и Киевский областной привилей. Судя по тому, что в Полоцком, Витебском и Смоленском привилеях специально оговаривалось, что поличное должно быть возвращено истцу, в русских землях ВКЛ первоначально действовали нормы уголовного права, отличные от норм собственно литовских земель. По статуту 1529 г. поличное оставалось у судьи, если обвиняемый не мог оправдаться, «нижли бы тот виноватый тое лицо во врадника нашого ценою выкупил». На сейме 1551 г. в ответ на просьбу литовской шляхты Сигизмунд II Август установил размер выкупа для поличного стоимостью 100 коп (6 тыс. грошей) — в полтину (30 грошей), стоимостью менее 10 коп (600 грошей) — в 12 грошей. При несостоятельности вора поличное возвращалось владельцу даром. Согласно статуту 1566 г. выкупная плата за поличное составляла 12 грошей, но сохранялась и возможность возврата его владельцу даром (Старостина И. П. Некоторые особенности развития права восточнославянских земель в Великом княжестве Литовском//Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 118—134). *С. Д., И. С.*

[132] В законодательных памятниках ВКЛ долгое время не было полных и точных правил определения подсудности. Впервые этот вопрос подробно отражен в статуте ВКЛ 1566 г. Развитие и укрепление в ВКЛ иммунитета способствовало утверждению подсудности по подданству. Общим правилом при этом было обращение за судом к той власти, в подчинении которой находился ответчик. В соответствии с этим принципом были сформулированы положения общеземского привилея вел. кн. Казимира литовскому боярству 1447 г. По Судебнику Казимира 1468 г. подданные боярина по искам других лиц подлежали суду самого боярина, и только если тот отказывался судить, в спор должен был вмешаться воевода. Эти же принципы действовали в судебной практике. В статуте ВКЛ 1529 г. в постановлениях о суде над частновладельческими подданными применялась и подсудность по подданству, и (реже) подсудность по месту задержания. Литвин выступал против подсудности по подданству, считая более эффективной подсудность по месту совершения преступления или задержания преступников. Но такое предложение, видимо, не отражало мнения большинства шляхты и последующее законодательство в основном сохраняло подсудность по подданству. Окончательно это было закреплено статутом ВКЛ 1588 г., установившим (разд. IV, ст. 29), что подданный, где бы он ни совершил злодеяние, возвращался на суд его пана (Старостина И. П. Указ. соч. С. 128—130; История Литовской ССР с древнейших времен до наших дней. Вильнюс, 1978. С. 69—70, 111). *И. С., С. Д.*

[133] По статуту 1529 г. (разд. XIII, ст. 24) за находку заблудившегося коня нашедший получал от владельца 6 грошей, еще 6 грошей поступали представителю администрации, которому нашедший животное под страхом сурового наказания должен был передать его в трехдневный срок. *С. Д.*

[134] В соответствии с практикой, издавна бытовавшей в ВКЛ в статуте 1529 г. [разд. VI, ст. 3 (4), 3 (15), 14] для вызова в суд следовало отправить ответчику «позов», то есть повестку официального лица, выполнявшего судебные функции: самого великого князя, воеводы, наместника и т. п. Толь-

ко в случае неявки в суд после направления двух позвов по статуту 1529 г. (раздел VI, ст. (4) 3) за ответчиком посылался служитель суда — децкий (см. о децком прим. 136). *И. С., С. Д.*

[135] *Вижи* назначались наместниками и воеводами обычно из числа их слуг, чаще всего децких (см. прим. 136) для осмотра места происшествия, официального свидетельства о фактах правонарушений. Вознаграждение, полученное за исполнение своих функций, вижи частично передавали наместнику. Позднее вижи были переименованы в во́зных. На сейме 1551 г. литовская шляхта просила, чтобы вижи (во́зные), действовавшие на принадлежащем ВКЛ Подляшье, избирались и сопровождались при исполнении ими обязанностей свидетелями из числа местной шляхты и получали более умеренную плату. Сигизмунд II Август постановил, что впредь во́зные будут получать по грошу за каждую милю пути, проделанного ими при исполнении своих функций. Вопрос о принесении во́зными присяги и шляхтичах-свидетелях окончательно урегулировал статут ВКЛ 1566 г., сохранивший за воеводами право назначать во́зных (Лаппо И. И. Указ. соч. Т. I. С. 14—16; Zakrzewski A. Wiź w prawie litewskim XVI w.//Czasopismo prawno-historyczne. T. XXXVII. Z. 2. 1985. S. 153—164). *С. Д.*

[136] *Децким* называлось лицо, посылаемое судом для доставки обвиняемого в суд, или для его задержания, ареста, или же для выполнения решения суда, в том числе для производства взыскания. Децкий не занимал постоянной должности, а выполнял свои обязанности по поручению воевод, наместников и других представителей администрации. Плата, получаемая им, называлась децкованием; о размерах децкования см.: Статут Великого княжества Литовского, 1529 г. Разд. VI, ст. (28), 27. *С. Д., С. И.*

[137] Литовские князья и паны, а также великокняжеские «урядники», то есть должностные лица, согласно статуту 1529 г. (а также и ранее), не подлежали суду наместников, как бояре—шляхта. Право юрисдикции над ними имел только великий князь и Рада панов, что, разумеется, значительно осложняло судебный процесс с представителями родовой аристократии для рядового шляхтича. Шляхта ВКЛ настаивала на учреждении в поветах выборных земских судов, которым по польскому образцу были бы подсудны не только рядовые шляхтичи, но и князья, паны и «урядники». Шляхте удалось добиться своего на Бельском сейме 1564 г. и на Виленском сейме 1565 г., что и закрепил II статут ВКЛ в 1566 г. Местные выборные шляхетские суды получили право судить всех землевладельцев повета. Были реформированы и суды наместников: право суда над шляхтой по некоторым, преимущественно уголовным, делам (нападения на дом, поджоги, разбой на дорогах, изнасилования, убийства шляхтичей и подлоги) сохранил в каждом повете только один гродский суд, подчиненный старосте (История Литовской ССР... С. 93—94). *С. Д.*

[138] Первоначально судебные решения наместников и воевод считались окончательными, и в случае их обжалования великий князь не пересматривал решения, предоставляя недовольному лишь право судиться с самими судьями и требовать от них возмещения понесенного в результате их приговора ущерба. Это зафиксировал и I статут ВКЛ 1529 г. (Разд. VI, ст. 2); но если жалоба оказывалась необоснованной, истец должен был заплатить довольно высокий штраф: 12 коп (720 грошей). Подобная практика бытовала и в Польше, но там уже в 1523 г. окончательно оформился институт апелляции:

в более высокой судебной инстанции процесс продолжался между истцом и ответчиком, а не между истцом и судьей. Недовольство шляхты ВКЛ существующей практикой, выраженное Литвином, было учтено составителями II статута 1566 г., где всей шляхте было предоставлено право апелляции на решения поветовых судов к маршалку ВКЛ и королю (Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. Op. cit. S. 180, 282—283; Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892. С. 639—646). *С. Д.*

[139] *Вадиум* (vadium) — залог. Суть вадиума состояла в обязанности, взятой на себя неким лицом добровольно по договору или установленной для него властями, выплатить определенную сумму в случае неисполнения каких-либо обязательств или совершения правонарушения, которому этот вадиум должен был воспрепятствовать (например, осуществления высказанной ранее угрозы убийства, вооруженного нападения на имение). Вадиум, в каждом конкретном случае устанавливаемый великим князем или его представителями, был часто очень высок, достигая даже одной-двух тысяч гривен, и взимался с виновного в пользу властей (Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M. Op. cit. S. 154, 168). *С. Д.*

[140] *«...всякий назначается в свидетели в любых делах, кроме межевых».*— Согласно I статуту Великого княжества Литовского в межевых делах предусматривалось свидетельство 6 человек и их присяга (Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Разд. VIII. Ст. 1). *С. Д.*

[141] Пожелание о введении в ВКЛ (по польскому образцу) специальных книг, предназначенных для записи купчих и других частных актов, высказанное Литвином, было реализовано в 1566 г., в связи с организацией земских и гродских судов (см. прим. 137), одной из функций которых была и нотариальная деятельность — ведение земских и гродских книг. *С. Д.*

[142] Согласно Судебнику Казимира, при вызове в суд по земельному делу ответчик должен был предстать перед судом через 4 недели после извещения; такой же срок указан в позднем (так называемом Слуцком) списке I статута (разд. VI, ст. (5), 4). *И. С.*

[143] Речь идет о I Литовском статуте 1529 г. *А. Х.*

[144] Такой размер штрафа за волов и коров указан в I статуте ВКЛ 1529 г. (разд. XII, ст. 8). *И. С.*

[145] См. прим. 131.

[146] *«...вот оно святое право».*— Положение о наказании, пропорциональном тяжести содеянного, было внесено в ст. 3 Привилея 1447 г. о наказании только по суду. В Судебнике Казимира 1468 г. этот принцип нашел отражение в формуле, перекликавшейся с евангельским изречением «по делам»: «А коли злодея выдадуть с права, а чим его възвелят казнити по его делом». Эта же формула была распространена в древнерусской письменности, деловой письменности Великого княжества Литовского. Она нашла отражение в положении о наказании судом «подлуг их великости проступков» общеземского привилея. Вместе с провозглашенным принципом личной ответственности это положение общеземского привилея было включено и в некоторые областные привилеи, в которых оно было охарактеризовано, как «права вольная, хрестиянския, добрая и справедливая». Эта же формула вошла в I Литовский Статут (разд. I, ст. 1), в котором со ссылкой на христианское

право великий князь обязался наказывать только по суду «нижли бы первей в суде явным врадом права хрестьянского... бы были поконаны, которые по суде и таковом поконани водле звычаю и прав хрестьянских мають быти караны и сказываны подле тяжкости а легкости выступов своих». Эти нормы как наиболее важные правовые свободы были внесены также в статуты 1566 и 1588 гг. Однако провозглашенные принципы, как сетовал Михалон, не всегда могли найти реальное применение (Старостина И. П. Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988—1989. М., 1991. С. 236—240). *И. С.*

[147] Два воеводства — Виленское и Трокское — были созданы в ВКЛ в 1413 г. Под «присудом» виленского и трокского воевод находилась остальная территория государства, в связи с чем в их компетенцию входило множество вопросов, к ним стекались и все жалобы на действия наместников. Особенно неудобной такая система была для жителей окраин ВКЛ, вынужденных для решения своих дел ездить в Вильно или Троки (совр. Тракай). Воеводы совершали поездки по территории своих воеводств, иногда сопровождали короля в Польшу, то есть далеко не всегда просители могли застать их на месте. Кроме того, такая система, предоставляя воеводам власть на огромной территории, затрудняла достаточно эффективный контроль с их стороны за деятельностью наместников. По административной реформе 1566 г. кроме названных в ВКЛ были образованы Новогорудское, Брестское, Полоцкое, Витебское, Минское и Мстиславское воеводства; кроме того, правами воеводства пользовалась Жемайтия, управляемая не воеводой, а генеральным старостой. Большинство воеводств в свою очередь делилось на поветы, где тогда же были образованы особые суды (см. прим. 137). *С. Д.*

[148] I Литовский статут предусматривал рассмотрение в Вильне уголовных дел в течение пяти последних недель Великого Поста (см.: I статут ВКЛ 1529 г., разд. VI, ст. (5) 4). *С. Д.*

[149] Другие источники подобных сведений не сообщают. Некоторое сходство существует между постановлениями о татьбе Судебника Казимира 1468 г. и Судебником Ивана III 1497 г. (О законах Витовта см.: Старостина И. П. Судебник Казимира 1468 г. С. 259—277). *И. С.*

[150] В это время в ВКЛ система школьного обучения была развита слабо; действовали лишь начальные (чаще всего приходские) школы, и для продолжения образования литовцы были вынуждены ездить за границу. Литвин сожалеет об отсутствии в ВКЛ «гимназий», то есть средних школ, выражая при этом настроения передовой части шляхты; о школе такого типа — коллегии в Вильно (совр. Вильнюс) или Ковно — литовская шляхта ходатайствовала на сейме 1568 г. (Ochmański M. Historia Litwy. Wrocław, 1982. S. 149). *С. Д.*

[151] Во времена Литвина, да и позже, вплоть до XVII в., в ВКЛ делопроизводство велось преимущественно на русском (старобелорусском) языке, и кириллическая письменность получила среди населения княжества, в том числе и на этнографически литовских землях, широкое распространение. *С. Д.*

[152] *Эскулап* — в Древнем Риме (с III в. до н. э.) бог врачевания (соответствует греч. Асклепию). *А. Х.*

[153—153] См.: «Juk ir ignis (ugnis) ir unda (vanduo), aer (oras), sol (sau-

lė), mensis (mėnesis), dies (diena), noctis (naktis), ros (rasa), aurora (aušra), deus (dievas), vir (vyras), devir t. y. levir (dieveris), nepotis (nepotis, anūkas), neptis (anūkė), tu (tu), tuus (tavas), meus (mano), suus (savo), levis (lengvas), tenuis (tėvas), vivus (gyvas), juvenis (jaunas), vetustus senis (senas), oculus (akis), auris (ausis), nasus (nosis), dentes (dantys), gentes (gentys), sta (stok), sede (sėdėk), verte (versk), inverte (iversk), perverte (perversk), aratum (art*u*), occatum (akėt*u*), satum (sėt*u*), semen (sėmenys, sėkla), lens (lęšis), linum (linai), canapum (kanapės), avena (aviža), pecus (pėkus, gyvulys), ovis (avis), anguis (angis), ansa (ąsa), corbis (gurbas), axis (ašis), rota (ratas), jugum (jungas), pondus (pundas), culeus (kūlė), callis (kelias), cur (kur), nunc (nūnai), tractus (trauktas), intractus (itrauktas), pertractus (pertrauktas), extractus (ištrauktas), merctus (merktas), immerctus (imerktas), sutus (siūtas), insutus (isiūtas), versus (verstas), inversus (iversas), perversus (perverstas), primus (pirmas), unus (vienas), duo (du), tres (trys), quinque (penki), sex (šeši), septem (septuni) Литовские соответствия латинских слов приведены по изданию: Mykolas Lietuvis. Apie totori*u*, lietuvi*u* ir maskvėn*u* papročius. Dešimt ivairaus istorinio turinio fragment*u* // Vertė Ig. Jonynas. Vilnius,1966. P. 50. *В. Матузова.*

Некоторые соответствия литовских слов латинским в трактате Михалона дал X. Харткнох, более полный список их представил М. Преториус, оставив без объяснений немногие слова. Есть литовские переводы латинских слов и в изданиях Мельника и Антоновича. Наиболее полный и верный перевод латинских слов на литовский сделан в издании 1966 г. Он выполнен Ионинасом (ср.: Hartknoch Ch. Selectae dissertationes historicae. 1679. P. 92—93; Pretorius M. Deliciae Prussiae. XVI, 6, 1971; Ročka M. Mykolas Lietuvius. Vilnius, 1988. P. 91—92; Zabulis H. Op. cit. P. 181). *И. С.*

Версия о римском происхождении литовцев была сформулирована еще польским историком Яном Длугошем, который утверждал, что «речь у литовцев латинская, с небольшими только изменениями». На этом основании он или его знакомые литовцы, вероятнее всего, студенты Краковского университета, создали теорию об основании Литовского государства выходцами из Древнего Рима (Ochmański M. Op. cit. S. 21). Эта точка зрения нашла многочисленных последователей: ее придерживались М. Меховский (Трактат о двух Сарматиях. С. 98), составители Хроники Литовской и Жмойтской и Хроники Быховца (ПСРЛ. Т. 32. С. 15, 128—129), М. Стрыйковский, который приводит несколько вариантов этой легенды (Stryjkowski M. O początkach... S. 48—79) и др. Версия Михалона отличается от остальных тщательным сопоставительным анализом основных понятий латинского и литовского языков, свидетельствует о прекрасном знании им и литовского

языка и латыни, о его языковом чутье. Но отмеченные совпадения многих слов в литовском и в латыни объясняются тем, что они восходят к общим индоевропейским корням, а литовский язык, как и латынь, сохранил многие формы, утраченные в других языках индоевропейской группы.

Указанная теория получила распространение среди магнатов и части бояр—шляхты ВКЛ. Происхождение литовских князей и бояр от легендарного римлянина Палемона и его спутников должно было доказать древность Литовского государства, обосновать его право на независимое существование, подчеркнуть превосходство литовской шляхты над польской. Если верить хронике Быховца, литовские паны еще на съезде в Луцке (1429 г.) заявляли «мы шляхта старая, римская», а поляки «были люди простые» и гербы свои приобрели от чехов «великими дары» (ПСРЛ. Т. 32. С. 153). Видимо, версия о происхождении литовских князей от римской знати распространялась и в противовес претензиям московских князей на происхождение от императора Августа, изложенных в «Сказании о князьях владимирских». *С. Д.*

[154] *Цезарь, Гай Юлий* (102 или 100 — 44 г. до н. э.), римский полководец, диктатор. В результате его походов 58—51 гг. до н. э. римлянами была завоевана северная часть Галлии. Чтобы лишить галлов возможных союзников, Цезарь дважды (в 55 и 54 гг. до н. э.) предпринимал экспедиции в Британию и дважды (в 55 и 53 гг. до н. э.) переходил Рейн. *С. Д.*

[155] *Флор, Луций* (или Юлий) Анней (II в. н. э.), римский историк. В сочинении «Эпитомы», или «Две книги извлечений из Тита Ливия о всех войнах за 700 лет» (изданы в Вене в 1511 г., в Кракове в 1515 г.), он изложил историю римских завоеваний с древнейших времен до начала I в. н. э. Хотя труд Флора содержит фактические ошибки, носит риторический характер и представляет собой компиляцию из Тита Ливия и других историков, он оказал большое влияние на европейскую историографию XV—XVII вв. Это сочинение кроме Литвина широко использовали Длугош, Кромер, М. Бельский, Стрыйковский. *С. Д.*

[156] Литвин ошибается, помещая Плотели на берегу Балтийского моря, что, по-видимому, свидетельствует о его довольно поверхностном знании географии Западной Литвы — Жемайтии. *С. Д.*

[157] *Ятвяги* — балтийское племя, родственное пруссам и литовцам. Обитали по среднему течению р. Немана, в верховьях р. Нарева, в источниках упоминаются с конца X в. В 1283 г. бóльшая часть территории ятвягов была захвачена крестоносцами. Часть ятвягов ушла в Литву и сравнительно быстро ассимилировалась. *С. Д.*

[158] *«...роксоланов, или рутенов».*— Роксоланы — античное название одного из сарматских племен Поволжья и Приуралья, которое ранее, до нашествия гуннов в IV в. н. э., обитало в Причерноморье (Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан // Вестник древней истории. 1948. № 1. С. 213—219). Об этнониме «рутены» см. прим. 13. Литвин роксоланами и рутенами называет предков белорусов и украинцев. *С. Д., А. Х.*

[159] *Баскаки* — чиновники монгольского хана, в обязанности которых входили прежде всего переписи населения, сбор дани и доставка ее в Золотую Орду. На Руси баскаческая организация была создана в середине XIII в. и возглавлялась «великим владимирским баскаком». Жестокость и произвол баскаков неоднократно вызывали восстания; наибольший размах приобрело Тверское восстание 1327 г., вскоре после которого ханы были вынуждены

прекратить посылку в Северо-Восточную Русь баскаков, поручив сбор дани непосредственно князьям (см.: Зимин А. А. Народные движения 20-х гг. XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Известия АН СССР. Серия: История и философия. Т. IX. 1952. № 1). *С. Д.*

[160] Приписывая литовским князьям освобождение русских земель от татар, Литвин выражал официальную точку зрения правящих кругов ВКЛ, сформулированную, в частности, в «Летописце великих князей Литовских» (Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 70—71). Вхождение в конце XIII — начале XIV в. в состав Литовского государства западных и юго-западных земель бывшего Древнерусского государства было результатом компромисса между литовскими князьями и феодалами этих земель, вынужденными искать у Литвы защиты от агрессии ордынских ханов и крестоносцев, поскольку разоренная Северо-Восточная Русь в тот момент не могла оказать им помощи. Хотя вместо дани татарам вошедшие в состав ВКЛ русские земли должны были нести повинности в пользу литовских князей, в целом их положение было более благоприятным, чем Северо-Восточной Руси, испытавшей всю тяжесть ордынского ига. Более развитые, русские земли сохранили и в составе ВКЛ внутреннее единство; были сохранены и привилегии местных князей и бояр, древнерусские юридические нормы и другие «старины». При этом сама Литва испытала сильное влияние древнерусской культуры, права, обычаев (Хорошкевич А. Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV — начале XVI в. // Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское население и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 69—150). Заслуживает внимания и точка зрения, высказанная И. Б. Грековым, согласно которой Вильно до принятия литовскими князьями католичества являлось одним из потенциальных центров (наряду с Москвой и Тверью) объединения русских княжеств в единое государство (Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений... С. 17, 39, 41, 156; он же. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 482—486). *С. Д.*

[161] Аукшайтский князь *Миндовг* (Миндаугас) (ок. конца 30-х гг. XIII в.— 1263 г.) объединил под своей властью Восточную и Западную Литву — Аукшайтию и Жемайтию, а также Черную Русь с городами Новогрудком, Слонимом и Волковысском. Принятие Миндовгом католичества (1251 г.) и коронация с благословения папы королем Литвы (1253 г.) были результатом его компромисса с Ливонским орденом, при этом Миндовг уступил Черную Русь своему зятю волынскому князю Шварну Даниловичу и потерял контроль над Жемайтией. После разгрома жемайтами крестоносцев у оз. Дурбе в 1260 г. Миндовг вернулся к язычеству, заключил с кн. Александром Невским союз против Ливонского ордена и вновь подчинил себе Черную Русь. В 1263 г. Миндовг вместе с двумя сыновьями был убит в результате заговора недовольных им представителей родовой знати во главе с кн. Довмонтом (подробнее см.: Пашуто В. Т. Указ. соч.). Нарушая хронологию, Литвин изображает коронацию литовского князя Миндовга в качестве акта, венчающего присоединение к Литве русских земель. В действительности перечисленные Литвином земли и города при Миндовге еще не подчинялись Литве. Волынская, Подольская, Киевская, Северская земли, северная часть Смоленского княжества с городами Торопцом и Белой были присоединены к ВКЛ лишь в правление вел. кн. Ольгерда (см. прим. 35), а Вязьма и Доро-

гобуж были захвачены ВКЛ только при вел. кн. Витовте (см. прим. 40). Новгород и Псков в состав ВКЛ не входили, а Великие Луки, в 1486 г. присоединенные к Русскому государству, некоторое время до этого находились в двойном литовском и новгородском подчинении. Литвин отражает здесь точку зрения великокняжеской канцелярии ВКЛ, довольно обычную для историков Литвы. М. Стрыйковский, например, считает, что вел. кн. Витовтом Новгород и Псков были присоединены к владениям литовских князей (Stryjkowski M. O początkach... S. 367—368). Ср. комм. 115. *С. Д.*

162 *Владислав* II Ягелло (ок. 1351—1434 — вел. кн. литовский с 1377 г., король польский в 1386—1434 гг., основатель династии Ягеллонов (1386—1572). Был сыном литовского князя Ольгерда. Уния Литвы и Польши, заключенная в результате его династического брака с королевой Польши Ядвигой, была направлена не против «врага имени христианского», как утверждает Литвин, а против угрожавшей обоим государствам агрессии Тевтонского ордена. *С. Д.*

163 Статут ВКЛ 1529 г. сохранил в ВКЛ рабов — «невольную челядь», составляющую обычно непосредственную рабочую силу двора феодала. Источники рабства, согласно статуту,— происхождение от родителей-рабов, плен, замена рабством смертной казни с согласия противной стороны и брак свободного человека с невольницей. Допускалась и не зафиксированная в статуте самопродажа в рабство (за исключением голодных лет), запрещалось превращение в рабы за долги (Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа, С. 148—153). Неволя была ограничена статутом 1566 г. и уничтожена, за исключением неволи военнопленных, по статуту 1588 г.; значительная часть бывшей невольной челяди, особенно в великокняжеских имениях, получила небольшие земельные наделы и превратилась в крепостных-огородников (Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957. С. 76—82). *С. Д.*

164 Речь идет о праве феодалов ВКЛ на вотчинную юрисдикцию. См. прим. 132. *С. Д.*

165 *«...мы берем налоги на защиту государства ...обходя владельцев земли.»* — Литвин, очевидно, имеет в виду серебщи́ну. Эта денежная подать, предназначенная для нужд обороны государства, в XVI в. взималась в ВКЛ с панов и шляхты лишь с их согласия. Постановления о ее сборе принимались сеймом ВКЛ в 1522, 1529, 1534, 1540, 1542 гг. Как правило, налог взимался и с подданных — феодалов ВКЛ, и с горожан, и с духовенства, а в некоторых случаях (в 1529, 1534 гг.) — и с крестьян великого князя. Серебщина взималась с сохи или с определенного числа крестьянских «служб», но платили ее (хотя и в уменьшенном размере) и огородники и безземельные люди, владевшие домами. Размер обложения городов определялся в зависимости от их экономического состояния. В 1529 г., например, Вильно должно было заплатить 1500 коп грошей, Ковно — 30 коп грошей, местечко Мосты — 3 коп грошей и т. п. Сейм 1551 г. вновь принял постановление о серебщине, но, хотя из-за неурожая уплата была перенесена на 1552 г., а затем на 1553 г., значительная часть шляхты уклонилась от нее (Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа. С. 28—35). *С. Д.*

166 *«...начатое измерение всех земель и пашен,* [принадлежащих] *как шляхте, так и простому люду».*— По всей вероятности, Литвин имеет в виду волочную померу, впервые примененную еще вел. кн. Витовтом на землях

Подляшья — территории по берегам среднего Буга, присоединенной к ВКЛ, но сохранившей значительные следы польских обычаев и норм. Эту же систему использовал и Сигизмунд I (1506—1548 гг.), а его жена королева Бона провела волочную померу в своих имениях, полученных от мужа в Пинском, Клецком, Городецком, Кобринском староствах (Любавский М. К. Очерки истории Литовско-Русского государства. С. 242). Но широкомасштабная операция по проведению волочной померы в имениях великого князя и их размежеванию с частновладельческими имениями была начата в ВКЛ в 1557 г., после издания Сигизмундом II Августом «Уставы на волоки», определившей принципы проведения померы и повинности крестьян и другого населения, получавшего волоки (см.: Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа). В ходе померы участок земли, где помещалась деревня, распределялся на три поля, а каждое поле — на одинаковые полосы по 11 моргов (ок. 7,12 га). Каждый двор получал участки в трех полях, что составляло волоку (ок. 21, 35 — 21, 36 га). Однако измерение в волоках великокняжеских, а затем и частновладельческих земель, так и не привело, вопреки надеждам Литвина, к обложению налогом землевладельцев пропорционально площади их владений. *С. Д.*

167 *«...на примере Фамари и Ревекки».*— Ревекка, дочь Вафуила Арамеянина из Месопотамии, жена Исаака, сына Авраама и Сарры, родила двух близнецов Исава и Иакова (Быт. 25). Фамарь, жена Ира, родила после его смерти двух сыновей-близнецов Фареса и Зара от отца Ира, Иуды, сына Лии и Иакова (Быт. 38). *И. С.*

168 Исайя, 3. *А. Х.*

169 *«...в приданое женщине назначается определенная часть наследства».*— Права дочерей шляхты на наследование родового имущества подтвердила 9 статья III раздела статута ВКЛ 1529 г. Но основным правом женщин привилегированных сословий в ВКЛ было право на приданое и «вено» — обеспечение мужем на своих имениях и другом имуществе суммы, в два раза превышающей размер полученного приданого. Запись «вена» была узаконена еще привилеем литовским боярам 1413 г. Приданое было обязательным и могло взыскиваться по суду. Лишиться его шляхтянка могла, лишь выйдя замуж без согласия родителей или старших родственников или оскорбив мать. Но размеры приданого обычно были меньше доли сыновей, при этом родственники старались заменять земельные владения деньгами. Упоминаемая Литвином 7 статья IV раздела статута 1529 г. обеспечила за дочерьми на случай смерти родителей приданое в размере четверти всего семейного имущества; но при жизни родители могли сами назначать размер приданого, с тем, однако, чтобы приданое у всех дочерей было одного размера (Валиконите И. М. Социально-экономическое и правовое положение женщин в Великом княжестве Литовском (конец XV — первая половина XVI в.) и его отражение в первом Литовском статуте. Автореф. канд. дис. Вильнюс. 1978. С. 7—10). *С. Д.*

170 *Ослам Солтан* — см. прим. 69.

171 *Омельдеш* — имя, очевидно, восходит к «имельдеш» — термину, обозначавшему молочного брата. *М. У.*

172 *«...Сорок Татар».*— Сороктатары (Keturiasdešimt Totoriu) в начале XVI в.— Кирклены) — в настоящее время поселок в 16 км от Вильнюса. Первые поселения татар в Литве возникли после успешного похода Витовта

против Заволжской орды в 1397 г. Пленные татары были приведены в Литву, поселены в окрестностях Вильно и Трок, преимущественно по реке Ваке (лит. Воке). Вскоре татарские поселения возникли и на белорусских землях (под Гродно, Новогрудком, Ошмяной, Лидой, Оршей, Минском, Клецком и др.), под Смоленском, затем и на Волыни. Потомки пленных и добровольных переселенцев (союзных литовским князьям ордынских царевичей и мурз и их отрядов, нашедших убежище в Литве), обычно именуемые в историографии литовскими татарами, вошли в состав служилых людей ВКЛ, пользовались в судебных и имущественных делах шляхетскими правами, владели землей и крепостными крестьянами, но из-за своего вероисповедания не получили права участвовать в сеймиках и сейме. В первой половине XVI в. большинство татар в ВКЛ славянизировалось, что обычно предписывается смешанным бракам, официально запрещенным по настоянию католического духовенства лишь во второй половине XVI в. Уже в начале XVI в. литовские татары придерживались единобрачия (Подробнее см.: Думін С. У., Канапацкій І. Б. Беларускія татары. Минулае і сучаснасць; Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Warszawa, 1938). Упоминаемое Литвином шляхетское село Сорок Татары относится, видимо, к числу древнейших татарских поселений в Литве, созданных еще при Витовте. Ее название возникло, очевидно, в связи с поселением на этом месте большой группы татар. По переписи литовского войска 1528 г., сороктатарские (кирклянские) татары выставляли в татарский стяг Трокского воеводства 26 человек (РИБ. Т. 33. 1915. Ст. 112—113), а в ревизии татарских имений ВКЛ 1559 г. поименно названы 119 татар-мужчин (включая взрослых сыновей татар-землевладельцев) (ЦГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 569. Л. 270—300). Использованная Литвином легенда об их происхождении от общего предка, видимо, отражает традицию общей родоплеменной принадлежности, принесенную предками жителей Сорок Татар из Золотой Орды. Существовавшие в ВКЛ татарские стяги-хоружества (Найманское, Юшинское, Ялоирское, Барынское, Кондрацкое и др.), чьи имена восходят к названиям золотоордынских улусов (найман, ушин, ялоир, барын, конграт), наследственно возглавляемые представителями татарской аристократии, традиционно (в большинстве случаев, очевидно,— с момента поселения в ВКЛ) объединяли определенные группы татар. В частности, жители Сорок Татар и многих других татарских околиц Трокского воеводства входили в Юшинское хорунжество (подробнее см.: Думін С. У., Канапацкій Б. Указ. соч.). *С. Д.*

173 Ссылка Литвина на Священное писание верна. *А. Х.*

174 *Крено* — термин, который в Жемайтии обозначал выкуп невесты женихом, выплачиваемый им родителям невесты. В этом значении единственный раз упомянут Михалоном. Подобная плата известна и в древней Латвии. Позднее, как свидетельствуют документы, относящиеся к 1553—1711 гг., значение термина изменилось. «Крено» в Жемайтии стали получать не родители, а хозяин зависимого (велдомого), человека, дочь которого выходила замуж. К. Яблонскис считал «крено» одним из видов дара, которым оказывали почесть родителям невесты. ««Крено» можно сравнить с так называемым «поклоном отповеданья», уплачиваемым господином уходящим от него человеком. Разновидности подобной пошлины существовали и в других частях ВКЛ под названием куница. С усилием закрепощения пошлину стали взыскивать с родителей невесты, поскольку феодалу было легче получить ее от

своих крестьян. Определенное сходство эта пошлина имела с древнерусской свадебной «куницей» и с польской «куной». (J a b l o n s k i s K. Lietuviški žodžiai Lietuvos didžiosios kunigajkštystės oficialiuju raštu kalboje ir ju reikšmė Lietuvos kultūros ir visuominės istorijai // J a b l o n s k i s K. Op. cit. P. 272; В а л и к о н и т е И. М. Указ. соч. С. 19; L e s i ń s k i B. Wielkopolska «kuna swadziebna» z XIII wieku // Czasopismo prawno-historyczne. T. XXX, z. 2. 1978. S. 203—212). *И. С.*

[175] Ссылка Литвина не совсем точна. См.: Экклезиаст, 7, Сирах 25. *А. Х.*

[176] *«...однако у нас принадлежат им крепости... которые следует вверять лишь сильным духом мужам».* — О праве шляхтянок наследовать родовые имения см. прим. 169. Вдовы шляхтичей наследовали «вено», а если муж не оставлял завещания или завещал опеку над малолетними детьми жене, то до их совершеннолетия вдова, согласно 6 ст. IV разд. статута 1529 г., становилась главой семьи и верховным распорядителем семейного имущества. Но в случае повторного выхода замуж вдова теряла право на семейные имения, сохраняя лишь «вено». Сначала, как отмечалось, размер «вена» должен был вдвое превышать приданое, позже было оговорено, что «вено» не может составлять более трети стоимости имений мужа (В а л и к о н и т е И. М. Указ. соч. С. 9—12). При заключении браков между представителями магнатства ВКЛ размер «вена» мог быть очень велик. Так, например, значительные владения после смерти Станислава Гаштольда сохранила его вдова Барбара, урожденная Радзивилл, с которой в 1547 г. тайно обвенчался Сигизмунд II Август (1520—1572), еще будучи литовским великим князем (с 1529, реально с 1545), в будущем — с 1548 г. польский король, коронованный в 1550 г. Выступление Литвина против права вдов наследовать земельные угодья, видимо, может служить дополнительным аргументом против точки зрения, идентифицирующей М. Литвина с М. Тышкевичем, который существенно поправил свое материальное положение в результате брака (в 1533 г.) со вдовой князя М. Л. Глинского (Ю р г и н и с Ю. М. Посольство Михаила Литвина у крымского хана в 1538—1540 гг. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 88). *С. Д.*

[177] Существовавший в языческой Литве обычай выдавать дочерей бояр замуж только с согласия великого князя был связан с признанием права женщин наследовать землю. Санкционируя их браки, великий князь сохранял за собой контроль над переходом земель в другие руки (по наследству или в виде приданого) и, следовательно, за исполнением военной службы. По привилею Ягайлы 1387 г. право свободно выдавать дочерей замуж получили бояре-католики; вел. кн. Сигизмунд Кестутович в 1434 г. предоставил это право и православным боярам. В статуте 1529 г. (раздел IV, ст. 15) шляхтянке предоставлялось право выходить замуж по своей воле, но на практике обязательным было согласие родителей или родственников, иначе она лишалась приданого (В а л и к о н и т е И. М. Указ. соч. С. 13). *С. Д.*

[178] Саконы (Sacones) латинизированная форма фамилии Саковичи, производная от Сака (Sak). Впервые литовский боярин Станислав Сак упомянут в акте городельской унии 1413 г. с гербом Помян. Он известен также в документах 1432 и 1433 гг., в последнем выступает как староста дубинский. Наиболее известен среди Саковичей Андрей Сакович, который был старостой трокским, наместником смоленским и полоцким, трокским воеводой в 1458—1465 гг. Его сын Богдан Андрушкович Сакович занимал должности намест-

ника брацлавского, королевского и земского маршалка, трокского воеводы. Литовский боярин Ян Довгирд и его потомки также пользовались печатями с гербом Помян. Довгирд представлял с другими боярами литовскую сторону при заключении Виленской унии 1401 г.; в 1424 г. он был дворным маршалком Витовта, занимал также при нем староство в Каменце Подольском. При Сигизмунде Кейстутовиче стал виленским воеводой и продолжал занимать эту должность при Казимире. В XVI в. род Помян становится третьеразрядным. Земельные владения литовских шляхтичей герба Помян находились около средней Вилии и больших литовских озер. Они соседствовали с владениями Сунигайловичей и Свирских, у тех и у других был герб Лис. Сунгайлоны (Sungailones), латинизированная форма, производная от Сунигайла. Впервые Сунигайла, один из выдающихся деятелей в окружении Витовта, упомянут в договоре 1398 г. при Витовте в Гродно как староста ковенский. Он принимал активное участие в политических событиях, по поручению Витовта в 1409 г. отправился с посольством к великому магистру Ордена. После унии в Городле получил герб Лис и стал трокским каштеляном. Земельные владения Сунигайловичей в XV в. занимали большую территорию по берегам реки Вилии, на северо-восток от Вильны между Ошмяной и Швентянами. На востоке они граничат с владениями Свирских, также имевших герб Лиса (Semkowicz W. O litewskich rodach bojarskich, zbratanych ze szlachtą polską w Horodle // Lituano-slawica poznaniensia. T. III. Poznań, 1989. S. 41—48; Kelma E. Ród Sakowiczów i jego majętności w XV w. i pierwszej połowie XVI w. // Ibid. S. 156—157.). *И. С.*

[179] *Гедимин* — литовский князь с 1316 по 1341 г., с именем которого связывается расширение и упрочение княжества. *А. Х.*

[180] В этом отрывке И. И. Лаппо увидел свидетельство организации Витовтом системы стратегических дорог и крепостей, не похожих на римские или современные дороги. Пути Витовта, намеренно скрытые, проходили в глухих лесах или по необитаемой местности. О деятельности Витовта по строительству мостов впервые упомянуто в законах Казимира 1468 г., приказывающих замостить свои участки тем, кто это делал при Витовте: «А також и где который мосты мощивали за дядю нашего, за великаго князя Витовта...» (см.: Lappo J. J. Istorinė Vytauto reikšmė // Praeitis. T. II. Kaunas, 1933. P. 53—54; Древнейшие государства на территории СССР. 1988—1989. М., 1991. С. 340). Воспоминания о походах Витовта в конце XIV в. Ст. Александрович увидел и в надписи о победах этого великого князя над татарами на сохранившемся фрагменте карты Ваповского Южной Сарматии, где в районе Среднего Днепра изображен укрепленный лагерь, а напротив него — татарские всадники с луками (Gębarowicz B. Pόczątki malarstwa historycznego w Polsce. Wrocław, 1981. S. 21; Alexandrowicz St. Rozwój kartografii Wielkiego Księstwa Litewskiego, Poznań, 1989. S. 96.). *И. С.*

[181] *«...уничтожены палками литвинов».* — Этот сюжет отражен в Хронике Быховца, содержащей сообщение о походе Ягайла на Польшу. Якобы, когда литовцы переплыли через Вислу у Завихоста, держась за конские хвосты, Ягайла сказал: «Не нужно нам (с помощью) пушек захватывать этот город». Он приказал каждому воину бросить в город по палке, после чего Завихост был сожжен. С некоторыми отличиями о том же сообщал и Стрыйковский. У него на первом плане — фигура Радзивилла, который согласно Стрыйковскому, предложил всему войску переправиться через Вислу вплавь, держась

за хвосты коней; по его же (а не Ягайлы) инициативе город был забросан палками и сожжен (ПСРЛ. Т. 32. С. 143—144; Stryjkowski M. O początkach... С. 299—300; Idem. Kronika... Т. II. S. 68; Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 104—105). *И. С.*

182 *«Ведь они не ждали объявления войны или грубого вторжения...// нападали на стольный град москвитян Москву перед Пасхой и там с поверженными врагами заключали мир».*— Сведения о легендарном походе Ольгерда на Москву на Пасху (Велик день) Михалон мог почерпнуть из летописей. В сохранившихся списках в летописях Быховца и Евреиновской поход не датирован. У Стрыйковского в «Началах» он неверно отнесен к 1333 г. (Ольгерд стал великим князем в 1345 г.), в «Хронике» — к 1332 г., искажено имя князя Дмитрия Донского (здесь он назван Дмитрий Семечко), в Хронике Литовского и Жмойтской, где нередки хронологические ошибки, поход описан под 1375 г. Согласно Хронике Быховца и Евреиновской летописи, Дмитрий Иванович беспричинно разорвал мир с Литвой, прислав знаки войны — огонь и саблю — с извещением, что будет в земле Ольгерда «по красной весне и по тихому лету (здесь и ниже цитаты приводятся по Евреиновскому списку.— *И. С.)»*. В ответ Ольгерд послал зажженную губку со словами: «...у нас в Литве огонь есть... А яз у него буду на Велик день и поцелую его красным яйцом, щитом и с сулицею, а божиею помощиею к городу Москве копие свое прислоню». После этого Ольгерд с литовскими и русскими отрядами выступил из Витебска в поход, увенчавшийся успехом. Дмитрий, выходивший с боярами из церкви, увидел полки Ольгерда на Поклонной горе и поспешил заключить мир. Ольгерд в знак победы и славы «копие свое к городу прислонил». По Стрыйковскому, знавшему эту версию, а также по Хронике Литовской и Жмойтской, автор которого использовал Стрыйковского, Ольгерд сломал копье о стену. Кроме упоминания о времени похода (Пасха) имеются и другие следы влияния летописных рассказов на Михалона. В летописной версии Ольгерд энергичными действиями опередил Дмитрия Ивановича; выбор необычного для похода времени (ранней весны) подчеркивает военную доблесть Ольгерда, «ибо не тот воин, что времени *подобного* (удобного, подходящего выделено.— *И. С.)* воюет...» Литовские воины у Михалона «не ждали... грубого вторжения врага или *благоприятного летнего времени...»* Стрыйковский в «Хронике», а также Хроника Литовская и Жемойтская сообщили, что для этого похода Ольгерд построил дорогу, ведя ее через «болота и старины». А. И. Рогов отметил, что вплоть до начала XIX в. об одном из исторических походов Ольгерда бытовали предания в имении Стаклицах над р. Берузой в Полоцком уезде. Местные жители показывали насыпные бугры, называемые Ольгердовой дорогой, а в лесу — древние окопы, окруженные болотом («столице») и проход к ним («князево место») (ПСРЛ. Т. 32. С. 140; Т. 35. С. 60—61, 223—224, 235; Stryjkowski M. O początkach... S. 36, 42, 260—262; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи... С. 174—177). *И. С.*

В действительности ни один из «московских» походов Ольгерда (в ноябре 1368 г., в ноябре—декабре 1370 г. и летом 1372 г.) не совпадал по времени с этим праздником (История Москвы. Т. I. С. 49). При оценке военных экспедиций Ольгерда на Москву Литвин, видимо, следует традиционной версии, сохранявшейся у правящих кругов ВКЛ; на самом деле эти походы,

даже первый, неожиданный и самый сильный 1368 г., в сущности не принесли литовскому князю успеха: взять Москву ему так и не удалось. *С. Д.*

[183] *Иван, ты спишь,* [*а*] *я тружусь, связывая тебя...*— Забулис увидел в этих словах пословицу, и в качестве параллели, хотя и приблизительной, привел такую: «Взяли как Мартына с гулянья; и гости не знали, как хозяина связали» (Zabulis H. Op. cit. P. 179, n. 17. P. 203). *И. С.*

[184] В битве у Могача 1526 г. король Людовик был разбит турецкими войсками, а сам утонул, спасаясь бегством. Ср. комм. 60. *С. Д.*

[185] В самом начале Тринадцатилетней войны с Тевтонским орденом (1454—1466 гг.), 18 сентября 1454 г. польское войско во главе с королем Казимиром IV (о нем см. прим. 114) при осаде крепости Хойницы, вступив в битву с пришедшим к осажденным подкреплением, было неожиданно атаковано гарнизоном крепости, совершившим вылазку. Атака смешала ряды польского войска, значительную часть которого составляло шляхетское ополчение, им овладела паника, и оно обратилось в бегство. Попытки короля с горсткой рыцарей остановить бегство не увенчались успехом. По сообщению Длугоша, Казимира силой увели с поля боя рыцари из его личной охраны, спасшие короля от плена (Bogucka M. Kazimierz Jagiellończyk i jego czasy. Warszawa, 1981. S. 78—80). Хотя ВКЛ уклонилось от войны с Орденом, короля сопровождали некоторые литовские феодалы, и именно им литовская традиция приписывала спасение Казимира. По преданию, один из литовцев, предок магнатской семьи Воловичей Юрий Вол, отдал Казимиру своего коня и прикрывал его отступление, отстреливаясь от немцев из лука, за что получил от короля значительные пожалования в Гродненском повете (Stryjkowski M. O początkach... S. 482—490). *С. Д.*

[186] О наместническом управлении городами в Русском государстве см.: Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой половины XVI в. // ИЗ. Т. 94. 1974. *А. Х.*

[187] Об исполнении приближенными московских великих князей посольств за свой счет см. также: Герберштейн. С. 73—74, 298. *А. Х.*

[188] **Деян. XXIV. *И. С.***

[189] *«...они скоро разносят вести».*— «Ходить в подводу» было старинной государственной повинностью всего населения ВКЛ. Давать подводы для посланцев великого князя были обязаны и крестьяне и мещане. Со временем эта повинность превратилась в сеньориальную. Для крестьян в великокняжеских имениях она сводилась к обязанности по очереди доставлять причитающееся от них зерно и прочие продукты в Вильно или в другой центр господарской администрации и к поездкам в границах поместья для удовлетворения текущих нужд двора. Тяжесть этой повинности для крестьян и злоупотребления администрации привели к тому, что постепенно в ряде поместий ее заменили деньгами, что было выгоднее и казне и крестьянам (Похилевич Д. Л. Указ. соч. С. 32—33). Во второй половине XVI в. от натуральной подводной повинности были освобождены и мещане многих городов, платившие взамен специальный сбор (Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа. С. 445). О ямской службе на Руси см.: Герберштейн. С. 122—123. Ср.: Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900. На Руси употреблялся термин «ям» (из северо-тюркского языка), который первоначально обозначал повинность выполнения почтовой службы, а впоследствии — денежный сбор

на эти цели (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. Стб. 1658). *С. Д.*

[190] *«...тайно передают своим наши планы...» «...доставлял своему князю копии постановлений, договоров, указов».*— О разведывательной деятельности при Иване IV сообщал также и Штаден. Обращаясь к германскому императору, он просил, чтобы его описание не переписывалось, поскольку «великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях. И все это делается в глубокой тайне» (Штаден Г. О. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925). *И. С.*

[191] Любопытно, что Литвин цитирует книгу Иисуса, сына Сирахова (XII, 10, 12), которая входит в состав только православной Библии. *С. Д.*

[192] Говоря о потере ВКЛ Северских земель и замков, Литвин имеет в виду события конца XV — начала XVI в. В 1500 г. признали власть Москвы князья Новгорода-Северского, Рыльска и Радогоща В. И. Шемячич, А. С. Стародубский и др. Комментируя Литвина, К. Мельник предполагает, что говоря об Ossomacitz, Литвин имеет в виду Вязьму, расположенную на р. Осьме и взятую в 1494 г. московскими войсками под командованием кн. Даниила Васильевича Щени (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Ч. I. Киев, 1890. С. 46). Но более вероятно, что Ossomacitz — это искаженное название владений кн. Василия Ивановича Шемячича. *С. Д.*

В Хронике Литовской и Жемойтской встречается написание имени Василий Иванович Осемянович (или Осмянович, Осимитчич) вместо Шемячич. Хроника Быховца содержит сообщение о переходе князей Семена Ивановича Можайского и Василия Ивановича Шемячича со всеми городами: Черниговом, Стародубом, Гомелем, Новгородом-Северским, Рыльском на службу к Московскому князю (ПСРЛ. Т. 32. С. 99, 166, см. также с. 165). Стрыйковский называет Шемячича Osiemiaczyc и Osiemiatczyc (но именует его не Василием, а Семеном) (Stryjkowski M. O początkach... S. 553, см. также с. 659; Idem Kronika. T. 2. S. 308—309). Здесь князь Шемячич назван верно Василием. *И. С.*

[193] *«...Вильна сгорела дотла»* — пожар, уничтоживший значительную часть литовской столицы, в том числе Нижний замок и упоминаемый кафедральный собор св. Станислава, произошел не в 1529, а в 1530 г. (Balinski M. Historia miasta Wilna. Wilno, 1836. S. 77). *С. Д.*

[194] *Станислав* «из Щепанова» (ок. 1030—1079), епископ краковский с 1071 г.; выступал в поддержку вельмож — противников короля Болеслава Смелого; убит по приказанию короля. Канонизирован в 1257 г. Культ св. Станислава был важным элементом идеологии объединения польских земель в период раздробленности. Собор св. Станислава был сооружен в Вильно после принятия Литвой католичества в 1387 г. *С. Д.*

[195] В битве под Оршей 8 сентября 1514 г. польско-литовские войска под руководством Константина Острожского разгромили русское войско, возглавлявшееся Иваном Андреевичем Челядниным. Эта победа рассматривалась при ягеллонском дворе как реванш за потерю в том же году Смоленска (Граля И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрина. М., 1992. С. 46—50), однако не привела к достижению поставленной цели — Смоленск остался в составе Русского государства.

Пропагандистская кампания, развернутая королем и многочисленными польскими политическими деятелями, поэтами и художниками, была рассчитана на разрыв русско-имперского союза. *А. Х.*

Сражение под Оршей (без названия местности) упомянуто как «Великая битва» в Панегирике Деодата Септения виленскому канцлеру Альбрехту Мартиновичу Гаштольду при описании его победного похода на Великие Луки. (**Lazutka S., Gudavičius E.** Deodato Septennijaus Goštautu «Panegirika»., P. 83, 85, 87). *И. С.*

[196] К. Мельник, комментируя это место, предположила, что Литвин имеет в виду р. Турью, впадающую в Припять еще у ее верховий, или р. Уборть, впадающую в Припять неподалеку от Турова (Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Ч. 1. С. 51). В действительности речь идет о р. Прудок, правом притоке Припяти (25 км), протекающей по территории современного Мозырьского района Гомельской обл. Белоруссии.

[197] *Десна* — левый приток Днепра, *Сейм* — левый приток Десны, *Сож* — левый приток Днепра, *Березина, Припять* — правые притоки Днепра, *Словечна* — правый приток Припяти, *Уша* — правый приток Припяти или Березины, *Тетерев* — правый приток Днепра, *Рпев* (возможно Рпень, Ирпень) — правый приток Днепра, *Вехра* (ныне Вихра) — правый приток Сожа, *Пропасть* — правый приток Сожа, обе последние упоминаются в книге Большому Чертежу, *Ипуть* — левый приток Сожа, *Друть* — правый приток Днепра, *Бобр* — левый приток Березины, *Птичь, Случь* — левые притоки Припяти, *Ореса* — правый приток Птичи, *Стырь, Горынь* — правые притоки Припяти, *Пена* — левый приток Псела, более вероятно, что здесь имеется в виду Пина, река бассейна Припяти, в верхнем течении составляющая часть Днепровско-Бугского канала. При своем впадении в Припять она образует сеть рукавов (около Пинска), один из них через 12 км под тем же названием впадает в Ясельду; из-за разветвленности речной сети в этом районе в ее обозначении не было единообразия. Упомянутая Литвином Титва не идентифицирована. (Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950; **Максимович Н. И.** Днепр и его бассейн. Киев, 1901). *И. С.*

[198] Имеется в виду Хаджибеев лиман у крепости Хаджибей (совр. Одесса). *С. Д.*

[199] К сожалению, Литвин не привел названий днепровских порогов. В разных источниках число порогов различается. Упоминание о них есть уже в сочинениях Константина Багрянородного. *И. С.*

[200] За Кременчугом сплав был затруднен, пороги же начинались ниже по течению. У Кременчуга, где находилась сооруженная Витовтом крепость, купцы разгружали суда, часть товара продавали, а часть везли дальше на возах. Таким образом географическое положение способствовало развитию города. Кременчугский брод часто использовали татары, совершавшие походы на Украину и Польшу. Названные Михалоном переправы *Упск* и *Гербедеев Рог* другим источникам не известны. *Мишурин Рог* находился на пути в Запорожье по так называемому Чумацкому шляху и с конца XVII в. считался одной из главных переправ. Кичкасская (от тюркского коч-ког—проход) переправа, расположенная выше острова Хортица, была известна Константину Багрянородному, Лясоте и Боплану. В месте впадения в Днепр его левого притока Кичкаса река сужалась до такой степени, что ее легко перелетала пущенная стрела. Удобной была Таванская переправа у острова Тавани,

поскольку Днепр и его левый приток Конская вода были здесь неширокими и спокойными, так что их можно было легко переплыть. Эта переправа находилась на расстоянии не более одного дня пути из Крыма. Михалон несколько раз упоминает Таваньский перевоз (*Товань*), где во времена Витовта находилась таможня (Витовтова баня). Расположенная против острова Бургунского одноименная переправа *(Бурхун)* была не очень удобной, так как здесь надо было переходить Конку и дважды реку Днепр. Тягинская переправа *(Тягиня)* находилась близ устья реки Тягинки, Очаковская *(Очаков)* в устье Днепра (Эварницкий Д. И. Вольности запорожских казаков. Спб., 1890. С. 234—239; Serczyk Wł. Na dalekiej Ukrainie. Dzieje Kosaczyzny do 1648 r. Kraków, 1984. S. 15, 17, 19, 21; Eryka Lassoty i Wilhelma Beauplana opisy Ukrainy, Warszawa, 1972.); Гійом Левассер де Боплан. Опис України. Кiiв. 1990. (Ч. II). С. 42, 45—47, 151, 160) *И. С., А. Х.*

201 *«...он струится молоком и медом...»* — Земля, в которой текут молоко и мед, как символ изобилия земли обетованной Ханаанской упоминается в Библии (Моис., IV; Числа 13, 16; V Второзакон, 26). Это образное выражение было известно польской письменности XV—XVI вв.; так оно встречается у Яна Остророга при прославлении плодородия Польши и Литвы. Стрыйковский употребляет его в рассказе о природных богатствах Северской земли (Humanizm i reformacja w Polsce. Lwów, 1927. P. 57; Stryjkowski M. O początkach... S. 234; Serczyk Wł. Op. cit. S. 22). *И. С.*

202 *«...поэта Овидия... он жил в изгнании в этой части Понта».*— Публий Овидий Назон (43 г. до н. э.— 18 г. н. э.) римский поэт эпохи императора Октавиана Августа; в конце 8 г. н. э. был сослан на берег Черного моря в г. Томы (совр. Констанца, Румыния), где и умер. Легенда о происхождении названия Овидиева озера под Аккерманом от имени Овидия сохранялась в XIX в. и была известна А. С. Пушкину. В действительности первоначальное название этого озера в переводе с молдавского означает «озеро овец» и было дано ему, видимо, местными пастухами (Формозов А. А. Пушкин и древности. М., 1979. С. 51—56 и др.). *С. Д.*

203 Эта теория бытовала и в XVII в. С опровержением мнения о том, что Киев — это гомеровская Троя, выступил виленский пастор Иоанн Гербиний, который в 1675 г. выпустил книгу «Подземный Киев» (Religiosae Kijovensis crypte sive Kijovia subterranea. Jenae, 1675). *С. Д.*

204 *«...место называется ныне Торговица».*— Описывая причины переселения итальянцев в Литву, Стрыйковский вспоминает о владениях генуэзцев в Таврике, ныне занятых татарами и турками. Он упоминает и остатки старых стен в «Диких полях», где, по его мнению, раньше жили греки, а сейчас татарин стреляет диких лошадей. Среди других развалин он называет Таргoвиску, старый разрушившийся город в «полях за Киевом по направлению к Перекопу» (Stryjkowski M. O początkach... S. 87.). *И. С.*

205 *Знак на таможне* — по-видимому, речь идет, о товарных пломбах типа так называемых дрогичинских (Ершевский Б. Д. Дрогичинские пломбы. Классификация, типология, хронология: по материалам собрания Н. П. Лихачева) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. XVI). *А. Х.*

206 «...Витординской баней».— По-видимому, ошибка. Литвин имеет в виду Витовтовые бани (Vitovdinum). Последние (balneum Vitoldi) отмечены

на Радзивилловской карте 1613 г. нижнего течения Днепра в двух местах — на левом берегу реки приблизительно за 40 км до устья и на берегу лимана между устьями Днепра и Буга (Alexandrowicz St. Op. cit. Wyd. II. S. 95—96). *И. С.*

[207] *«...закон, называемый осменничество».*— Должность осмника (осменника), сохранившаяся в Киеве, была известна еще в Древней Руси и упоминается в Русской Правде и в других законодательных памятниках. В конце XV—XVI в. осменники назначались киевскими воеводами. В их обязанности входил сбор пошлин с товаров; согласно уставной грамоте киевским мещанам вел. кн. литовского Александра 1499 г., осменники судили купцов, казаков и мещан за ссоры, мелкие кражи, проступки против нравственности (АЗР. Т. I. С. 145, 194; РИБ. Т. 27. Спб., 1910. Стб. 547—548 и др.). *С. Д.*

[208] *«...там очень легко набрать множество добрых воинов».*— Уже в конце XV — в первой половине XVI в. бегство крестьян на малонаселенные, а часто пустынные восточные и южные окраины Подолии и Киевщины, особенно из Галиции, Западной Подолии и с Волыни, приобрело характер массового переселения. В середине XVII в. польский историк С. Грондский так писал об этом: «Те из русского народа, которые не хотели терпеть ярмо и власть местных панов, уходили в далекие края, к тому времени еще не заселенные, и присваивали себе право на свободу» (История Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1982. С. 174). Они называли себя вольными людьми — казаками, и из них в дальнейшем оформилось украинское казачество с его особым укладом жизни и военной организацией. В конце первой половины XVI в. возникла Запорожская Сечь. Отступая под натиском феодалов, казаки колонизировали степные пространства к югу от днепровских порогов. Старосты пограничных замков, чтобы укрепить гарнизоны, уже в начале XVI в. принимали казаков на службу, используя их для отражения татарских набегов; создавали свои собственные отряды и многие крупные феодалы Украины. *С. Д.* Ср.: Stökl G. Die Entstehung des Kosakentums. München, 1953. *А. Х.*

[209] *«...быть погребенными здесь».*— Киево-Печерский монастырь был основан при кн. Ярославе Мудром в 1051 г. Искусственно созданные пещеры, которым монастырь обязан своим названием, были в древности местом жительства монахов, затем только кладбищем (до XVI в.). В XI—XII вв. монастырь был одним из культурных центров Древней Руси, где жили и работали древнерусские летописцы, в том числе Нестор, также похороненный в пещерах. Монастырь являлся крупным землевладельцем. Литвин называет его монастырем св. Марии по главному храму — сооруженному в 1073—1078 гг. собору Успения Богородицы (см.: Логвин Г. Н. Киево-Печерская лавра. М., 1958). *С. Д.*

[210] Литвин, по-видимому, вполне сознательно подвергает сомнению факт происхождения московских князей от вел. кн. киевского Владимира Святославича. Дело в том, что именно по праву наследников Владимира Иван III и Василий III открыто предъявляли претензии на украинские и белорусские земли. В текст заключенного в 1490 г. договора Ивана III со Священной Римской империей германской нации о союзе, направленном против Ягеллонов, было внесено обязательство Империи оказывать московскому князю помощь, когда он начнет борьбу за Киев с польским королем Казимиром IV. Полностью и в развернутой форме позиция русской стороны была сформулирована на переговорах с послами ВКЛ в 1503 и 1504 гг., где было прямо

заявлено, что вечный мир с ВКЛ невозможен, пока Ивану III не возвращена «отчина» его предков — «вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные городы» (Флоря Б. Н. Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 171—172). Программа объединения всех земель Древней Руси вызывала, разумеется, беспокойство и раздражение правящих кругов ВКЛ. *С. Д.*

[211] *«...несторианскую ересь».*— Несторианство — религиозно-политическое течение в Византии V в. получило свое название от имени родоначальника направления — Нестория (ум. ок. 451), константинопольского епископа. Он расходился с ортодоксальным православием в трактовке соотношения человеческой и божественной природы в Христе. Согласно его учению, Христос — человек, который с помощью соития св. духа стал мессией. На Эфесском соборе 1431 г. несторианство было объявлено ересью. Нестория отправили в ссылку, а несториане расселились в Иране, Средней Азии, частично в Китае (Loofs F. Nestorius and his place in the History of Christian doctrine. Cambridge, 1914). *А. Х.*

[212] В г. Мекке (ныне в Саудовской Аравии) в начале VII в. н. э. (ок. 610) сложилась первая община последователей ислама, возглавляемая Мухаммедом (см. прим. 213). В Мекке находится главная святыня ислама, место паломничества мусульман — храм Кааба. *М. У.*

[213] Мухаммед (между 570 и 580—632) — основатель ислама, араб из племени курейш. Провозгласил себя последним посланником аллаха и величайшим пророком; организатор теократического государства, объединившего арабские племена.

Приведенные Литвином факты из биографии Мухаммеда (неграмотность, женитьба на богатой купчихе) свидетельствуют о знакомстве автора со специальной литературой о мусульманском мире.

Сектантское христианство и иудаизм (отчасти также манихейство и зороастризм) действительно оказали влияние на догматику и обрядность ислама, но Литвин чрезмерно упрощает этот вопрос, ошибочно приписывая иудеям и христианам-отступникам прямое участие в создании мусульманской религии. *М. У.*

[214] *«...им смешны наши посты, не включающие ни голода, ни жажды, ни пепла».*— В Священном писании пепел выступает не только как символ плача и сетований (2 Царей, 13, Эсф., 4. Ср. у А. С. Пушкина: «Посыпал пеплом я главу...»), но и как символ покаяния (Иов, 42, Иоанн, 3 и др.); сидением на пепле сопровождались посты (Исайя, 58 и др.). В разных значениях употреблялось слово «жажда»: это и «жажда слышания слов господних» (Амос, 8); и физическая жажда, иногда приравниваемая к посту (2 кор., 11). По-видимому, Литвин имел в виду просто соблюдение постов. *А. Х.*

[215] Поминать Божье имя всуе запрещает христианам одна из заповедей. *И. С.*

[216] Софония, III, 4. «Пророки его — люди легкомысленные, вероломные, священники его оскверняют святыни, попирают закон». *И. С.*

[217] *«...против таких* [пастырей] *во многих местах гремят слова Божии».*— Предпринятая Литвином критика духовенства свидетельствует, по-видимому, об определенном влиянии, оказанном на него проникавшими в ВКЛ идеями

реформации, хотя в целом он остается на позициях католичества. При этом Литвин отражал настроения значительной части шляхты, которая на сейме 1551 г. потребовала, в частности, чтобы «каждая парсуна стану духовного, так Рымского, яко и Греческого закону, двох або трех костелов, то есть хлебов духовных, не держали». Но это требование не было удовлетворено Сигизмундом II Августом (РИБ. Т. 30. Стб. 176. Ст. 19). Реформационное движение в ВКЛ приобрело большой размах во второй половине XVI — начале XVII в., после принятия кальвинизма значительной частью магнатов и шляхты во главе с семьей кн. Радзивиллов; среди горожан получило распространение и лютеранство. Литовское крестьянство, в религиозном сознании которого сохранялись многочисленные пережитки язычества, отнеслось к реформации довольно равнодушно. Полностью восстановить свои позиции католической церкви в Литве удалось лишь во второй половине XVII в., когда подавляющее большинство феодалов-протестантов вернулось к католичеству. Значительную роль сыграла при этом деятельность ордена иезуитов. *С. Д.*

Библиография

Издания «Трактата» Михалона Литвина

Michalonis Lituani De moribus tartarorum, lituanorum et moschorum fragmina X, multiplici historia referta // Michalonis Lituani De moribus tartarorum, lituanorum et moschorum fragmina X, multiplici hictoria referta et Johannis Lasicii poloni De diis samagitarum, caeterorumque sarmatarum et falsorum christianorum. Item de religione armeniorum et de initio regiminis Stephani Batorii / Nunc primum per J. Jac. Grasserum, C. P. ex manuscripto authentico edita. Basileae, apud Conradum Waldkirchium, MDCXV. P. 1—41.

Quaedam ad Litvaniam pertinencia ex fragmentis Michalonis Lituani // Respublica sive status Regni Poloniae, Lituaniae, Prussiae, Livoniae etc. diversorum autorum. Lugduni Batavorum, 1626; 1627. P. 265—274, 291—309.

Appendix ex Michalone Lituano de moribus tartarorum, lituanorum et Moscorum // 1) Respublica Moscoviae et urbes. Lugduni Batavorum, 1630. P. 557—565; 2) Russia seu Moscovia, Itemque Tartaria. Lugduni Batavorum. 1630. P. 192—206.

Quaedem ad Litvaniam pertinencia... // Laet J. de. Respublica sive status Regni Poloniae... Lugduni Batavorum. Ex officina Elzeviriana. 1624. P. 246—254.

Литвин М. Десять отрывков разнообразного исторического содержания (из сочинения) Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» / Пер. С. Д. Шестакова // 1) Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. 1854. Кн. 2. Пол. 2. Отд. 5. С. I—VIII; 1—78; 2) Вестник Юго-Западной и Западной России. Т. III. Киев, 1864. Февраль. С. 23—38; март. С. 39—50.

Известия очевидцев, современников и иностранных писателей // Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Издан Временною комиссиею для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1874. Отд. 2. № 6. С. 10—11.

Bevardis V. [Matulionis P.] Kas mus gaišino. Peržvelgimas veikalo «De moribus tartarorum, litvanorum et moscorum», rašyto jau po 1544 m. per «Lietuvi Mikołuna». Bazilejuškio išdavimo 1615» // Lietuviskasis balsas, 1888. P. 203—205, 211—212, 219—220, 228—231.

Литвин М. [О нравах татар, литовцев и москвитян]. Отрывки 1—10. / Пер. К. Мельник. Предисл. и ред. В. Б. Антоновича // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I. Киев, 1890. С. 6—58.

Бочкарев В. Н. Московское государство XV—XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. Спб., 1914. С. 28.

Mykolas Lietuvis. Apie totoriu, lietuviu ir maskvėnu papročius. Vilnius, 1966.

Исследования

Александрович Я. О творчестве Михайлы Цiшкевича // Полымя, 1968. № 4.

Антонович В. Б. Извлечения из сочинения Михайлы Литвина (1550 г.) // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I. Киев, 1890. С. 1—6.

Батура Р. К., Пашуто В. Т. Культура Великого княжества Литовского // Вопросы истории, 1977, № 4.

Голенищев-Кутузов И. Н. Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). М., 1963.

Лаппо И. И. Литовский статут 1588 г. Каунас, 1936.

Любавский М. К. Кто был Михайло Литвин, написавший в половине XVI в. трактат «О нравах татар, литовцев и московитян» // Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Уч. зап. Ин-та истории. М., 1929. Т. 4.

Охманьский Е. Михалон Литвин и его трактат о нравах татар, литовцев и московитян середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 97—117.

Сокол С. Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во второй половине XVI в. Минск, 1974. С. 35—63.

Сокол С. Ф. Идеи гуманизма в мировоззрении Михайлы Тышкевича // Проблемы общественных наук. Минск, 1970.

Юргинис Ю. М. Посольство Михаила Литвина у крымского хана в 1538—1540 гг. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. С. 87—96.

[Юхо Я.] Михайло Тишкевич. Полымя, 1968. № 4.

Avižonis K. Lietuvių kilimo iš romėnu teorija XV ir XVI a. Kaunas, 1939.

Bandtke J. S. Historia drukarń w Królestwie Polskiem i Wielkim Xięstwie Litewskim. Krakòw, 1826. T. 3.

Basanavičius J. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1970.

Bender J. Zur altpreussischen Mythologie und Sittengeschichte // Altpreussische Monatsschrift. Königsberg, 1867. Bd 4.

Bentkowski F. Historja literatury polskiej. Warszawa, 1814. T. 2.

Connor B. Descriptio Regni Poloniae et Magni Dukatus Lithuaniae // Mitzler de Kolof L. Historiarum Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae scriptorum quotquot ab initio reipublicae Polonae ad nostra usque tempora extant omnium collectio magna. Varsaviae, 1769. T. 8.

Estreicher K. Bibliografia polska. Kraków, 1882. T. 8.

Estreicher K. Księgarstwo // Encyklopedia Orgelbrada. Warszawa, 1864. T. 16. S. 352—360.

Gaigalaite A. Kas buvo Mykolas Lietuvis // Komunistas, 1978. N 4. P. 67—71.

Gudavicius E. Jerzy Ochmański. Michalon Litwin i jego traktat o zwyczajach tatarów, litwinow i moskwicinów z połowy XVI wieku // Lietuvos istorijes metraštis 1977 metai. Vilnius, 1978. P. 158—162.

Hartknoch Ch. Selectae dissertationes historicae de variis rebus prussicis. Francofurti et Lipsiae. 1679.

Hartnoch Ch. Alt und Neues Preussen. Frankfurt und Leipzig. 1684.

Hierne T. Ehst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte. Riga, 1835.

Jablonowski J. A. Musaeum polonum. T. 1. Leopoli, 1752.

Jakubovskis J. Tautybių santykiai Lietuvoje prieš Liublino uniją. Kaunas, 1921.

Jaroszewicz J. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Warszawa, 1844. Cz. 2.

Jurginis J. Renesansas ir humanizmas Lietuvoje. Vilnius, 1965.

Jurginis J. Mykolo Lietuvio memuarai // Jurginis J. Istorija ir poezija. Vilnius, 1969.

Jurginis J., Lukšaite J. Lietuvos kultūros istorijos bruožai: Feodalizmo epocha. Iki aštuonioliktojo amžiaus. Vilnius, 1981.

Kawecka-Gryczowa A. Z dziejów polskiej ksiązki w okresie renesansu. Wrocław, 1975.

Krauze A. G. Litthauen. Königsberg, 1834.

Laukys J. (Daukantas S.) Būdas senovės lietuvių kalnėnų ir žemaičių. Petersburg, 1845.

Lelewel J. Rzut oka na dawność litewskich narodów i związki ich z herulami. Warszawa, 1808.

Lietuvių literaturos istorija. T. I. Vilnius, 1957.

Maciunas V. Lituanistinis sąjūdis XIX amžiaus pradžioje. Susidomėjimas lietuvių kalba, istorija ir tautotyra. Kaunas, 1939.
Mazoji Lietuviskoji Tarybine enciklopedija. T. II. Vilnius, 1968.
Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Warszawa, 1837.
Nettelhorst V. Ch. Dissertatio historica de originibus Prussicis. Regiomont, 1674.
Ochmański J. Michalon Litwin i jego traktat o zwyczajach tatarów, litwinów i moskwicinów z połowy XVI wieku // Kwartalnik historyczny, 1976. R. 83. Z. 4. S. 765—783.
Poblocki L. von. Kritische Beiträge zur ältesten Geschichte Litauens // Altpreussische Monatsschrift. Königsberg, 1880. Bd 17.
Purycki J. Die Glaubenspaltung in Litauen im XVI. Jh bis zur Ankunft der Jesuiten im Jahre 1569. Freiburg, 1919.
Rawita Gawroński F. Kijów: Legendy, podania, dzieje. Kijów, Warszawa, 1915.
Ruigy P. Betrachtung der littauischen Sprache in ihrem Ursprung, Wesen und Eigenschaften. Königsberg, 1745.
Rimša E. Venclovas Agripa ir jo gimine: Kilmė ir pirmtakai // Lietuvos TSR MA darbai. Ser. O. T. I (94). 1986. P. 63—75.
Rimša E. Agripu giminė // Lietuvos TSR MA darbai. T. II (95). 1987. P. 75—83.
Ročka M. Mykolas Lietuvis. Vilnius, 1988.
Ročka M. Apia XVI a. vidurio Vilniaus paskvilius // Literatūra, 1969. T. 11. Sąs 1. P. 39—46.
Siarcinski F. Obraz wieku panowania Zygmunta III. Cz. I. Lwów, 1828.
Wiszniewski M. Historja literatury polskiej. Kraków, 1845. T. 7.
Zajančkauskas V. Lietuvių literatūros vadovėlis (1400—1904). Vilnius, 1924.
Zabulis H. Mykolo Lietuvio problema ir M. Ročkos «Mykolas Lietuvios» // Ročka M. Mykolas Lietuvis. Vilnius, 1988. P. 174—205.

Список сокращений

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РИБ — Русская историческая библиотека

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества

КН — Kwartalnik historyczny

Оглавление

МИХАЛОН ЛИТВИН

О НРАВАХ ТАТАР,
ЛИТОВЦЕВ И МОСКВИТЯН

Зав. редакцией
Г. М. Степаненко

Редакторы
И. А. Барам, В. В. Белугина

Художественный редактор
А. Л. Прокошев

Технический редактор
Т. А. Корнеева

Корректоры
С. Ф. Будаева, В. И. Долина

ИБ № 6127

ЛР № 040414 от 27.03.92.
Сдано в набор 6.10.93. Подп. в печ. 11.03.94.
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага типограф. № 2.
Гарнитура литературная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 10,83.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 560. Изд. № 2519.

Ордена «Знак Почета»
издательство Московского университета
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

АО «Чертановская типография»
113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а